

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

- РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ГЛОБАЛЬНУЮ СТРАТЕГИЧЕСКУЮ ДИНАМИКУ
- ЭФФЕКТИВНОСТЬ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ РОССИЯ – США – КИТАЙ
- КИТАЙСКИЕ ОЦЕНКИ КОНЦЕПТОВ «НОВОЙ БИПОЛЯРНОСТИ» И «НОВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»
- МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО США И КИТАЯ: РОЛЬ РОССИИ
- МИРНЫЙ ПЛАН КИТАЯ ПО УКРАИНЕ: ВЛИЯНИЕ НА АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
- ДИСКУССИИ АМЕРИКАНСКИХ КИТАЕВЕДОВ О «КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ» РАЗВИТИЯ
- ФРАНЦИЯ В АТР ПРИ Э. МАКРОНЕ: РОЛЬ США И КИТАЯ

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2024

№ 7 (655)

Июль

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

*Журнал издаётся под руководством
Отделения глобальных проблем и международных
отношений РАН*

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия);
Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); А.В. Коробков (Государственный
университет Среднего Теннесси, Нашвилл, США); К.И. Косачёв (Совет Федерации
Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия);
Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального
Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия);
О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия);
А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН,
Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН,
Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Н.А. Шведова (ИСКРАН,
Москва, Россия); Т. Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй
(Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); П. Дуткевич (Карлтонский
университет, Оттава, Канада); Дж. С. Дюрран (Мемориальный университет
Ньюфаундленда, Сент-Джонс, Канада); Т. Ротнем (Государственный университет в
Кеннесо, Кеннесо, США); Н. Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония); А. Стент
(Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); К. Того (Университет Киото Сангё,
Киото, Япония); Хон Ван Сук (Университет внешнеполитических исследований Хангук,
Сеул, Республика Корея).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2024

© Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, 2024

© Редколлегия журнала «США & Канада» (составитель), 2024

*Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2024

No. 7 (655)

July

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Korobkov (Middle Tennessee State University, Nashville, USA); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); N. Shvedova (ISKRAN, Moscow, Russia), Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Piotr Dutkiewicz (Carleton University, Ottawa, Canada), John Stuart Durrant (Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada), Thomas Rotnem (Kennesaw State University, Kennesaw, USA) Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan), Hon Wan Suk (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Arbatov U.S. and Canada Institute
(ISKRAN), 2024

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2024

Содержание

2024, № 7 (655)

Отношения внутри стратегического треугольника Россия – Китай – США

Петровский В.Е. Китайский мирный план по Украине в контексте «треугольника» США – Китай – Россия.....	5
Труш С.М. Отношения КНР – США и российский фактор: особенности текущего момента.....	14
Сунь Исян. Последствия специальной военной операции для трансрегиональной безопасности и стратегические интересы США и Китая....	23
Зуенко И.Ю. Китайские оценки американских концептов «новой биполярности» и «новой холодной войны».....	40
Заклязьминская Е.О. Геополитический треугольник «Россия – США – Китай» в условиях санкционного противоборства.....	57

Вызовы и угрозы международному порядку в АТР

Уянаев С.В. Китайский фактор в отношениях США и Индии: динамика и перспективы.....	72
Скосырев В.А. Режимная трансформация КНР и выбор стратегии сдерживания Китая: оценки американских китайедов.....	87

Внерегиональные акторы в АТР: интересы, стратегии, потенциалы

Тимофеев П.П. Дилеммы Франции в ИТР: «Трудно быть третьим».....	99
--	-----------

Центральная Азия как стратегический тыл России и Китая

Клименко А.Ф. Роль России и Китая в противоборстве двух государств с Соединёнными Штатами.....	114
Информация для авторов	127

Contents

2024, No. 7 (655)

Relations Inside the Russia-China-US Strategic Triangle

Petrovskiy, V.Ye. Chinese Peaceful Plan for Ukraine in the Context of USA-China-Russia "Triangle".....	5
Trush, S.M. U.S. – China Relations and the Russian Factor: Current Tendencies.....	14
Sun Yixiang Transregional Security Impacts of the Special Military Operation and Strategic Interests of the United States and China.....	23
Zuenko, I.Yu. Chinese Perception of "New Bipolarity" and "New Cold War" Concepts.....	40
Zakliazminskaia, E.O. Geopolitical Triangle "Russia – USA – China" in the Context of Sanctions Confrontation.....	57

Challenges and Threats to International Order in the Asia-Pacific

Uyanaev, S.V. The Chinese Factor in Relations between the USA and India: Dynamics and Prospects.....	72
Skosyrev, V.A. Regime Transformation of the PRC and the Formulation of a Strategy to Contain China: Assessments of American Sinologists.....	87

Extra-regional Actors in the Asia-Pacific: Interests, Strategies, Potentials

Timofeev, P.P. France's Dilemmas in the Indo-Pacific: It's Hard to Be the Third.....	99
---	-----------

Central Asia as a Strategic Rear of Russia and China

Klimenko, A.F. The Role of Russia and China in the Confrontation with the United States.....	114
---	------------

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024070018

EDN: YDEHIM

Китайский мирный план по Украине в контексте «треугольника» США – Китай – Россия

В.Е. Петровский

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

ORCID: 0000-0002-7714-1341

E-mail: petrovsk4@gmail.com

Резюме: В статье анализируются генезис и содержание мирного плана Китая по разрешению военного конфликта на Украине в контексте американско-китайских и российско-китайских отношений, а также отношений в рамках «треугольника» США – Китай – Россия. Усилия Китая по украинскому мирному урегулированию отражают его стремление к построению более устойчивого и справедливого мирового порядка, а также желание укрепить свой международный имидж как миротворца и влиятельной мировой державы. Это вызывает противодействие со стороны Соединённых Штатов, стремящихся закрепить свой курс на гегемонию в мировых делах и стратегическое противостояние с Россией.

Ключевые слова: Мирный план по Украине, «треугольник» США – Китай – Россия, американско-китайское стратегическое соперничество, российско-китайское стратегическое партнёрство.

Для цитирования: Петровский В.Е. Китайский мирный план по Украине в контексте «треугольника» США – Китай – Россия. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(7): 5–13. DOI: 10.31857/S2686673024070018 EDN: YDEHIM

Chinese Peaceful Plan for Ukraine in the Context of USA-China-Russia "Triangle"

Vladimir Ye. Petrovskiy

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

32, Nakhimovsky Ave., 117997, Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-7714-1341

E-mail: petrovsk4@gmail.com

Abstract: The United States views the Chinese peace plan for Ukraine primarily as part of its strategic rivalry with China, trying to downplay its significance, and distort its meaning in order to promote its anti-Russian narrative. As a result, the configuration of the USA-China-Russia "Triangle" is changing: contrary to the original intention of the American authors of its formation, as US-Chinese and Russian-American relations worsen, Russian-Chinese strategic partnership relations are significantly strengthened.

Keywords: Peace plan for Ukraine, USA-China-Russia "Triangle," US-China strategic rivalry, Russian-Chinese strategic partnership.

For citation: Petrovskiy, V.Ye. Chinese Peaceful Plan for Ukraine in the Context of USA-China-Russia "Triangle". *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(7): 5-13. DOI: 10.31857/S2686673024070018 EDN: YDEHIM

ВВЕДЕНИЕ

Мирный план по разрешению украинского конфликта, предложенный Китаем в феврале 2023 года, успел стать актуальным фактором современной мировой политики и непосредственно влияет на динамику и перспективы отношений в рамках «треугольника» США – Китай – Россия. Первоначально китайский план встретил скептическое отношение со стороны США и других стран Запада, однако со временем стал внимательно изучаться разными странами, наряду с другими мирными инициативами по Украине.

Важная особенность китайского плана состоит в том, что он основан на вполне определённых принципах мирного урегулирования. Предполагается, что, достигнув согласия по этим принципам, стороны конфликта могли бы перейти к обсуждению модальности и повестки дня будущих переговоров. Многие в США, не понимая этого, называют китайский план общим и неконкретным.

Китайская позиция по украинскому конфликту вошла в повестку американо-китайских отношений и стала предметом критики Вашингтона в адрес Пекина и поводом для различных санкционных ограничений. Это, в свою очередь, ещё больше сблизило позиции Пекина и Москвы, выступающих против американской мировой гегемонии и односторонних западных санкций, наносящих ущерб всей мировой экономике.

СОДЕРЖАНИЕ КИТАЙСКОГО МИРНОГО ПЛАНА ПО УКРАИНЕ

Мирный план Китая по Украине из 12 пунктов, как известно, включает в себя следующие положения: уважать суверенитет всех государств; отбросить мышление холодной войны; прекратить военные конфликты; запустить мирные переговоры; ликвидировать гуманитарный кризис; защитить мирное население и пленных; обеспечить безопасность атомных электростанций; снизить стратегический риск; обеспечить вывоз зерна; отменить односторонние санкции; обеспечить устойчивость цепочек производства и поставок; содействовать восстановлению после конфликта [2].

Пекин сформировал свою позицию по разрешению конфликта вокруг Украины не сразу. В феврале 2022 года, сразу после начала Россией специальной военной операции, министр иностранных дел КНР Ван И, проводя переговоры с лидерами Европейского Союза (ЕС), Франции и Великобритании, представил позицию своей страны в пяти пунктах. В ней декларировалась приверженность Китая мирному разрешению конфликта и подчёркивалась необходимость переговоров, но она не содержала никаких практических инициатив по посредничеству между сторонами. Конец 2022 – начало 2023 года стали периодом кристаллизации позиции Китая по урегулированию мировых конфликтов [Бабаев К.В., 2023, 1: 50].

Значение документа и реакцию на него в разных странах следует оценивать в более широком контексте. Прежде всего, он содержательно связан с китайской

«Инициативой в области глобальной безопасности», которая была опубликована незадолго до обнародования Мирного плана из 12-ти пунктов. Данный документ отражает общее видение проблем международной безопасности и во многом созвучен подходам к обеспечению безопасности, которые Россия продвигала и продвигает в Евроатлантическом регионе в контексте ситуации вокруг Украины на основе принципа неделимой безопасности [Петровский В.Е., 2023а: 459].

21 февраля 2023 года Министерство иностранных дел КНР опубликовало концептуальный документ «Инициатива в области глобальной безопасности». Си Цзиньпин представил документ как глобальную инициативу на Боаоском азиатском форуме (БАФ) в апреле 2022 года, однако концептуальный документ предлагает более полную информацию о её принципах, приоритетах и механизмах. Принципы содержат инициированное Си Цзиньпином видение предотвращения конфликтов и поддержания безопасности, а также подчёркивают необходимость фундаментальных норм суверенитета и территориальной целостности.

В документе Китай представлен источником концептуально нового, более многостороннего подхода к глобальной безопасности. Концептуальный документ продвигает ООН и некоторые её структуры как основные источники глобальной безопасности. При этом, по мнению ряда американских экспертов, призыв к созданию «сообщества общей безопасности для человечества» перекликается с кампанией Китая по изменению преобладающих моделей глобального управления. В частности, приоритет отдаётся региональным группировкам, в которых Китай играет ведущую роль или оказывает влияние, в том числе созданных самим Китаем [Scobell, A., Freeman, C., Glantz, M., 2023].

Миротворчество и конфликтное урегулирование – одна из важных содержательных составляющих концептуального документа. В частности, в нём говорится: «Поддерживаем международное сообщество в конструктивном участии в политическом урегулировании острых вопросов на основе принципа невмешательства во внутренние дела, используя убеждение и содействие переговорам в качестве основного метода, занимая справедливую и прагматичную позицию в качестве основного подхода и придерживаясь признаков и первопричин в качестве основной идеи. Мы поддерживаем политическое урегулирование острых вопросов, таких как украинский кризис, путём диалога и переговоров» [1].

По мнению китайских экспертов, американские учёные при этом констатируют, что в западном общественном мнении есть подсознательные предубеждения и непонимание концептуального документа, которые либо сводят его к ответу Китая Западу по вопросу России и Украины, либо утверждают, что он «поддерживает господство Соединённых Штатов» [3].

Со своей стороны, китайские учёные и эксперты прослеживают эволюцию американо-китайских отношений в контексте «украинского фактора». Они подчёркивают, что после того как Россия начала специальную военную операцию, Соединённые Штаты попросили Китай поддержать США в осуждении России и введении против неё международных санкций. Не достигнув этого, Вашингтон

заявил, что Китай знал заранее, что Россия приняла план специальной военной операции на Украине, и обвинил Китай в оказании поддержки России посредством ряда соглашений о сотрудничестве, достигнутых с Россией во время визита президента В.В. Путина в Китай в феврале 2022 года [У Синьбо, 2023: 46].

Министр иностранных дел КНР Ван И подвёл итог действий по продвижению китайского мирного плана за год: «Мы опубликовали документ "Позиция Китая по политическому разрешению украинского кризиса". Мы направили специальных правительственных посланников для развития широких контактов с соответствующими сторонами, установления стандартов уважения суверенитета всех стран и отказа от менталитета холодной войны. Очевидно, что мы предприняли активные действия по содействию возобновлению мирных переговоров и восстановлению мира и продолжаем накапливать условия для мирных переговоров, чтобы положить конец войне» [Ван И, 2024: 7].

Уже в апреле 2024 года председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с канцлером Германии Олафом Шольцем в Пекине предложил четыре принципа урегулирования украинского конфликта: «Во-первых, мы должны уделять приоритетное внимание поддержанию мира и стабильности и воздерживаться от поиска корыстной выгоды. Во-вторых, мы должны остудить ситуацию, а не подливать масло в огонь. В-третьих, мы должны создать условия для восстановления мира и воздерживаться от дальнейшего обострения напряжённости. В-четвёртых, мы должны уменьшить негативное воздействие на мировую экономику и воздерживаться от подрыва стабильности глобальных промышленных цепочек и цепочек поставок» [4].

УРЕГУЛИРОВАНИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Со временем воздействие «украинского фактора» на американо-китайские отношения продолжало усиливаться. Известный китайский учёный, глава Центра американских исследований Фуданьского университета У Синьбо констатирует: «После того как США и их союзники продолжили ужесточать санкции против России, США оказали давление на Китай, чтобы тот не помогал России уклоняться от санкций <...> В то же время Соединённые Штаты продвигали искажённую версию "оси Китай – Россия", которая якобы "бросает вызов либеральному международному порядку", что принимает международный имидж Китая и отталкивает от него европейских партнёров» [У Синьбо, 2023: 47].

В Китае подчёркивают, что в контексте украинского кризиса Вашингтон всеми силами старается повысить эффективность НАТО в «стратегической игре США против Китая». С американской стороны также рассматривают ситуацию в рамках американо-китайского стратегического соперничества: «Влияние США пронизывает Европу, Азию и Ближний Восток. Если Китай хочет достичь своей

цели в Индо-Тихоокеанском регионе <...> тогда он должен подорвать мощь США в Евразии в целом» [Cropsey, S., 2023].

В США полагают, что мирное предложение Китая для Украины – это попытка Пекина подчеркнуть ненадёжность Вашингтона, поскольку политика США варьируется от одной партийной администрации к другой. В то же время Пекин может сыграть на общем стремлении к многополярному миру среди развивающихся государств.

Китай хочет показать, что он может вести себя ответственно, предлагая решение международных проблем, и пытается создать коалицию стран, чтобы положить конец войне на Украине посредством дипломатии. Поддержка администрацией Дж. Байдена безоговорочной победы Украины даёт Пекину возможность представить Соединённые Штаты стороной конфликта, не заинтересованной в мирном урегулировании.

План Китая по Украине также апеллирует к экономическим проблемам развивающегося мира, поскольку содержит призыв к отмене санкций, возобновлению экспорта зерна и обеспечению безопасности цепочек поставок. «Даже развивающиеся страны с натянутыми отношениями с Пекином, такие как Индия и Вьетнам, приветствовали бы возобновление беспрепятственных торговых отношений с Россией» [Brown, R., 2023].

В целом в США не могут не понимать, что позиция Китая по Украине представляет его как единственного постоянного члена Совета Безопасности ООН, активно участвующего в мирных усилиях. Посредством этой инициативы Китай не только представляет предложение, которое находит отклик у международного сообщества как активный шаг на пути к миру, но также позиционирует себя в качестве посредника, который поощряет Россию инициировать дискуссии и вести открытые переговоры [Singh, A., 2024, 6(2): 2-3].

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И ИЗМЕНЕНИЕ КОНФИГУРАЦИИ «ТРЕУГОЛЬНИКА» США – КИТАЙ – РОССИЯ

Украинский кризис также серьёзно влияет на отношения в рамках «треугольника» США – Китай – Россия, увеличивая напряжённость в американо-китайских и американо-российских отношениях. В рамках китайского концептуального и стратегического подхода к внешней политике подчёркивается: «Геополитическая игра обострилась вплоть до прямого военного противостояния Украины и России при поддержке НАТО. Поэтому новая модель отношений между крупными странами, продвигаемая Китаем, направлена на достижение мирного сосуществования, общей стабильности и сбалансированного развития» [Ян Цзэмянь, 2023, 5: 14].

По мнению китайских учёных и экспертов, «доктрина Байдена» использует украинский кризис для усиления сдерживания и подавления России. Посредством военной помощи Украине, дипломатической изоляции России и экономических санкций против неё, а также расширения и укрепления НАТО, Вашингтон

стремится построить новую стратегическую структуру для долгосрочного сдерживания России в Евразии [Ван Хао, 2024, 1: 63]. При этом, «несмотря на украинский кризис, китайско-российские отношения сохранили устойчивую тенденцию развития, сопровождаясь тесными обменами на высоком уровне между двумя странами и продолжающимся военным сотрудничеством» [У Синьбо, 2023, 2: 55].

В США и других странах Запада видят, что мирное предложение Китая также является частью усилий Пекина по позиционированию себя в восстановлении послевоенной Украины: «Ни одна другая страна, возможно, не оснащена лучше, чем Китай, для оказания помощи в восстановлении Украины. За последние два десятилетия в стране и за рубежом было построено больше железных дорог, автомагистралей, аэропортов, мостов, трубопроводов, портов и высотных зданий, чем в любой другой стране, что дало китайским компаниям уникальный опыт. Кроме того, у Китая есть деньги. Получение китайской помощи, опыта и инвестиций должно быть заманчивым предложением для Украины» [Jo Inge Bekkevold, 2023]. Также подчёркивается, что, с точки зрения Пекина, вклад в восстановление Украины укрепит общее взаимодействие Китая с Европой.

В Москве же понимают, что положения китайского плана по Украине созвучны российскому видению будущего мирного урегулирования и отражают «благожелательный нейтралитет» Китая в украинском вопросе. Для Пекина важно как отстаивание принципа территориальной целостности в контексте противодействия сепаратистским проявлениям в окраинных провинциях страны, так и поддержание отношений стратегического партнёрства и всеобъемлющего взаимодействия с Россией [Петровский В.Е., 2023b: 18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В свете вышеизложенного можно заключить, что ситуация вокруг украинского кризиса и предложения Китая по его мирному урегулированию не только существенно воздействуют на динамику и перспективы американо-китайских отношений, но и коренным образом меняют конфигурацию «треугольника» США – Китай – Россия.

Как известно, по изначальному замыслу Генри Киссинджера, в рамках такой конструкции отношения Пекина с Вашингтоном и Вашингтона с Москвой всегда должны были быть лучше, чем советско-китайские, а затем российско-китайские отношения.

Однако антироссийская санкционная политика США и Запада, а также постоянное давление США на Китай в попытке убедить его отказаться от поддержки России, привели к прямо противоположному результату. Американо-китайские и российско-американские отношения существенно ухудшились, а

позиции Пекина и Москвы сближаются по всему спектру существенных вопросов, укрепляя таким образом отношения российско-китайского стратегического партнёрства.

ИСТОЧНИКИ

1. Концептуальный документ «Инициатива в области глобальной безопасности» [Quánqíú ānquán chàngyì gàiniàn wénjiàn]. Available at: http://www.news.cn/world/2023-02/21/c_1129382628.htm (accessed 01.05.2024) (in Chinese).

2. Позиция Китая по политическому урегулированию украинского кризиса. *Синьхуа*. 2023-02-24. Available at: <https://russian.news.cn/20230224/f4d3ed8134da42d9a6004f69830005e5/c.html> (accessed 01.05.2024).

3. Huányíng suǒyǒu guójiā jiārù quánqíú ānquán chàngyì [Все страны хотят присоединиться к Инициативе по глобальной безопасности]. *Global Times*. 22.02.2023. Available at: <http://www.nanhai.org.cn/info-detail/24/13534.html> (accessed 01.05.2024) (in Chinese).

4. Федорцев В. Воздержаться от корысти: так в КНР предложили Шольцу разрешить украинский кризис. *Российская газета*. Available at: <https://rg.ru/2024/04/16/mir-v-prioritete.html> (accessed 01.05.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабаев К. Мирная инициатива по Украине в контексте внешней политики Китая. *Пути к миру и безопасности*. 2023. № 1 (64). С. 48–57.

Петровский В.Е. Мирный план Китая по Украине как актуальный фактор современных международных отношений. *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы XIII международной научно-практической конференции. (Благовещенск, Хэйхэ. 26–28 мая 2023 г.)* Благовещенск, Изд. БГПУ. 2023а. С. 458–461.

Петровский В.Е. «Инициатива в области глобальной безопасности» глазами китайских политологов. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVIII*. М.: ИКСА РАН, 2023б. С. 1–18.

REFERENCES

Babaev, K. Mirnaia initsiativa po Ukraine v kontekste vneshnei politiki Kitaia [The Ukraine Peace Initiative in the context of Chinese foreign policy] (In Russ.). *Puti k miru i bezopasnosti*. No. 1 (64). 2023. P. 48–57.

Bekkevold, J. I. China's 'Peace Plan' for Ukraine Isn't About Peace. *Foreign Policy*. April 4, 2023. Available at: <https://foreignpolicy.com/2023/04/04/china-xi-ukraine-russia-peace-plan-diplomacy-global-south/> (accessed 01.05.2024).

Brown, R. China's Peace Plan Is About More Than Ukraine. *The National Interest*. March 16, 2023. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/china%E2%80%99s-peace-plan-about-more-ukraine-206313> (accessed 01.05.2024).

Cropsey, S. China's 'peace plan' for Ukraine is a Trojan horse for Beijing and Moscow. *The Hill*. 03.12.2023. Available at: <https://thehill.com/opinion/national-security/3896112-chinas-peace-plan-for-ukraine-is-a-trojan-horse-for-beijing-and-moscow/> (accessed 01.05.2024).

Petrovskiy, V.Ye. Mirnyi plan Kitaia po Ukraine kak aktual'nyi faktor sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii. *Rossiia i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy XIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. (Blagoveshchensk, Heihe. 26-28 maya 2023.) [China's peace plan for Ukraine as a relevant factor in modern international relations. Russia and China: history and prospects for cooperation. Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference. (Blagoveshchensk, Heihe. May 26-28, 2023)] (In Russ.). Blagoveshchensk, Izd. BGPU. 2023a. P. 458-461.

Petrovskiy, V.Ye. "Initsiativa v oblasti global'noj bezopasnosti" glazami kitaiskikh politologov. ["Global Security Initiative" through the eyes of Chinese political scientists]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriia i sovremennost'*. Issue XXVIII. Moscow, ICCA RAS, 2023b. P. 1-18.

Scobell, A., Freeman C., Glantz M. What China's 'Peace Plan' Reveals about its Stance on Russia's War on Ukraine. *United States Institute of Peace*. March 2, 2023. Available at: <https://www.usip.org/publications/2023/03/what-chinas-peace-plan-reveals-about-its-stance-russias-war-ukraine> (accessed 01.05.2024).

Singh, A. China's Position on Ukraine Peace Plan. *International Journal for Multidisciplinary Research*. Vol. 6, Issue 2, March-April 2024. 5 p. DOI 10.36948/ijfmr.2024.v06i02.16624

Wáng yì. Zìxìn zìlì, kāifàng bāoróng, gōngdào zhèngyì, hézuò gòng yíng [Ван И. Уверенность и самостоятельность, открытость и инклюзивность, честность и справедливость, а также взаимовыгодное сотрудничество]. *Исследование международных проблем*. 2024, выпуск 1. С. 1-11. Available at: <https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/qkml/202403/P020240312360819300294.pdf> (accessed 01.05.2024) (in Chinese).

Wáng hào. Bǎi dēng zhǔyì yǔ měiguó wàijiāo zhèngcè de zhuǎnxíng [Ван Хао. Доктрина Байдена и трансформация внешней политики США]. *Исследование международных проблем*. 2024, выпуск 1. С. 53-73. Available at: <https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/qkml/202403/P020240312360819300294.pdf> (accessed 01.05.2024) (in Chinese).

Wúxīnbó. tànsuǒ zhōng měi zhànlüè bóyì de biānjiè [У Синьбо. Исследование границ стратегического соперничества между Китаем и США]. *Исследование международных проблем*. 2023, выпуск 2. С. 42-57. Available at: <https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/qkml/202304/P020230413580403087035.pdf> (accessed 01.05.2024) (in Chinese).

Yángjiémiǎn. Xījìnpíng wàijiāo sīxiǎng zhǐdǎo gòujiàn dàguó guānxì xīn géjù [Ян Цзэмянь. Мысли Си Цзиньпина о дипломатии направляют построение новой модели отношений между крупными странами]. *Гоцзи вэньти яньцзю*. 2023. № 5. С. 1–18. Available at:

<https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/qkml/202311/P020231109568806705519.pdf> (accessed 01.05.2024) (in Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПЕТРОВСКИЙ Владимир Евгеньевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН); академик Академии военных наук.

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Vladimir Ye. PETROVSKIY, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Center "Russia, China and the World", Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. Academic, Academy of Military Sciences.

32, Nakhimovsky Ave., Moscow 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 06.05.2024 / Received 06.05.2024.

Статья поступила после рецензирования 16.05.2024 / Revised 16.05.2024.

Статья принята к публикации 17.05.2024 / Accepted 17.05.2024.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024070022

EDN: YCYNMQ

Отношения КНР – США и российский фактор: особенности текущего момента

С.М. Труш

*Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Scopus Author ID: 57221673420 ПИНЦ ID: 757865

ORCID: 0000-0001-7275-001X e-mail: zebra758@gmail.com

Резюме. Саммит лидеров КНР и США в Сан-Франциско в ноябре 2024 года привёл к «микроразрядке» в отношениях. Команде Байдена было важно внутри США «подать» свою китайскую политику в качестве актива, а не пассива в грядущий год выборов. Китайское руководство, со своей стороны, прагматично сделало ставку на Байдена в американских выборах. Растёт системное давление США и европейских стран на Китай в связи с обвинениями в его адрес в военной поддержке России.

Ключевые слова: китайско-американские отношения; администрация Байдена; вторичные экономические санкции; российско-украинский конфликт; президентские выборы в США.

Для цитирования: Труш С.М. Отношения КНР – США и российский фактор: особенности текущего момента. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(7): 14–22. DOI: 10.31857/S2686673024070022 EDN: YCYNMQ

U.S. – China Relations and the Russian Factor: Current Tendencies

Sergey M. Trush

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences.*

2/3, Khlebyny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID: 57221673420 ПИНЦ ID: 757865

ORCID: 0000-0001-7275-001X e-mail: zebra758@gmail.com

Abstract. The summit of the US and China's leaders in November 2024 resulted in the "small détente" in the bilateral relationship. Biden's team is motivated to present its China policy as an asset, not a liability, to the American audience. The Chinese leadership pragmatically placed a stake at Biden in the coming dramatic elections in the US. The US and European NATO states are increasing systemic pressure on China, accusing the PRC of military support to Russia.

Keywords: US-China relations; Biden administration; secondary economic sanctions; Russia-Ukraine conflict; presidential elections in the US.

For citation: Trush, S.M. U.S. – China Relations and the Russian Factor: Current Tendencies. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (7): 14-22. DOI: 10.31857/S2686673024070022 EDN: YCYNMQ

Я бы хотел высказаться относительно общей мотивации сторон, существующей на данный момент в китайско-американских отношениях. Эта мотивация либо прямо, либо опосредованно проявляется практически во всех аспектах проблематики нашей конференции.

ПРЕДВЫБОРНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СТОРОН

Ноябрьский саммит в Сан-Франциско явно привёл к некоторой стабилизации отношений, возможно непрочной и косметической, до первого кризиса, но всё же, на мой взгляд, очевидной. Возобновился и оздоровился диалог сторон, он отошёл от чрезмерной резкости и сугубо прокурорской тональности, которая преобладала в этом диалоге ранее. Возобновляются контакты на министерском уровне – только что прошёл визит главы ФРС США Д. Йеллен, вскоре предстоит визит в КНР госсекретаря Э. Блинкена. Согласно договорённости в Сан-Франциско стороны возобновят какой-то механизм связи и кризисной коммуникации на уровне регионального военного командования, прерванный китайской стороной после визита Н. Пелоси. Это больше всего напрягало американцев и оказалось одной из самых болезненной для них китайской реакцией на этот визит.

В декабре 2023 года состоялся телефонный разговор начальников генштабов США и Ч.Брауна и Лю Чженли. На очереди, как объявлено, встреча командующего Индо-Тихоокеанского командования США (бывший РАСОМ – *Pacific command*) с соответствующими китайскими региональным командованием.

Китайцы шлют обнадеживающие сигналы американскому бизнесу. В марте нынешнего года Си Цзиньпин встретился с влиятельными представителями американского бизнеса (в их числе первые лица «Куолком» (*Qualcomm*), «Блекстоун» (*Blackstone*), «Федекс» (*Fedex*) и мотивировал их продолжать инвестировать и вести бизнес в Китае, несмотря на «временное» замедление китайской экономики, спад торговли вследствие тарифных и двусторонних санкционных ограничений и общи сложности геополитического порядка.

Если обобщать настроения, преобладающие среди «капитанов» американского бизнеса относительно своего будущего на китайском рынке, можно сказать, что в этих настроениях присутствуют разнонаправленные настроения. Есть ориентации как на «декаплинг» (*decoupling*) – стремление свёртывать бизнес в КНР, замещать Китай на других страновых партнёров производственных цепочках, так и на «дерискинг» (*de-risking*) – желание модифицировать своё взаимодействие с Китаем, идти на частичное снижение прибыли и компромиссы, но во чтобы-то ни стало сохранять своё присутствие на китайских производственных площадках, не уходить с самого обширного и сохраняющих высокую перспективность

странового рынка. Эти настроения во-многом предопределяются типом и спецификой бизнеса, который американские компании ведут в КНР. Если речь идёт о бизнесе с высокой долей наукоёмкости и высоких технологий, то нарастающие ограничения на высокотехнологичный американский экспорт и контрсанкции в КНР вынуждают американские компании искать другие рынки сбыта и другие страны-партнёры, менее отягощённые геополитическим соперничеством. Компании же, ориентирующиеся на традиционные отрасли и виды услуг, не связанные тесно с высокотехнологическим обменом, изыскивают все возможные способы оставаться на китайском рынке несмотря на растущие сложности.

Двусторонняя торговля КНР – США несмотря на то что дала солидную просадку по сравнению с 2022 годом вследствие введённых ограничений при Байдене и провала трамповского соглашения «первой фазы», тем не менее в 2023 году составила внушительные 575 млрд по обороту (-17% к 2022 году), 427 млрд по импорту (-20%) и 149 млрд по экспорту (-5%). Торговля услугами составила в 2022 году 41,5 млрд (экспорт США, 4,5% суммарного экспорта услуг США) и 26,6 млрд (импорт США 3,8% суммарного импорта услуг США) [1].

Конечно, базовые противоречия двух стран в геополитике, экономике, идеологии никуда не ушли, нынешнее потепление носит скорее тактический, ситуативный характер. Вместе с тем, на мой взгляд, при всей этой ситуативности, в нынешней «микроразрядке» просматривается определённый, среднесрочный, а не чисто тактический расчёт. И он присутствует у обеих сторон, иначе бы эта «микроразрядка» не реализовалась.

Если говорить об американской стороне, то мне думается, что команде Байдена было важно, насколько это возможно, внутри США «подать» Китай и свою китайскую политику как актив, а не пассив в грядущий год выборов. Президентские выборы в 2024 году действительно предстоят нетривиальные и непредсказуемые: острый раскол элит, соперничество двух реальных президентов, расклад сил «ноздря в ноздю», очень серьёзные метаморфозы в электоральных настроениях различных слоёв и сегментов американского социума, несколько выше чем обычно роль внешнеполитической сферы в выборах (Украина, сектор Газа, Китай). В обстановке высокой неопределённости и грядущей выборной драки, представляется, что команда Байдена, реалистично сочла необходимым продемонстрировать американскому избирателю свою китайскую политику в как можно более позитивном ключе. Разумеется, насколько это возможно, поскольку конфликт и системные противоречия в двусторонних отношениях – вещь аксиоматичная.

При этом такая «подача» совсем не выглядела как конъюнктурная уступка с американской стороны. Необходимые демократам акценты были расставлены. Я далёк от мысли, что пассаж Байдена про Си Цзиньпина – «диктатора» на итоговой пресс-конференции в Сан-Франциско был домашней заготовкой, но так или иначе все нужные слова, которые должен был услышать американский

избиратель в контексте будущих выборов, были сказаны. И китайская сторона их «проглотила» без чрезмерного шума, который можно было ожидать.

Если говорить о мотивации к «микроразрядке» с другой, китайской, стороны, надо признать, что Китай тоже прошёл свою часть дистанции к компромиссу, и этот компромисс был ему не менее значим. Думаю, что китайское руководство не менее прагматично и осмысленно сделало ставку на Байдена в предстоящих американских выборах, Китаю было важно в данном случае Байдену подыграть или как минимум его ситуацию не усугублять. Она у него и так непростая и проблематичная.

Для китайцев возвращение Трампа, с его новыми торговыми тарифами, о которых он уже говорит открыто, с его кульбитами и откатами от политики «одного Китая», с его общей непредсказуемостью и нервной для Пекина твиттер-дипломатией, несомненно, воспринимается как худший сценарий. И хотя китайский МИД традиционно уходит от вопроса о китайских предпочтениях на американских выборах, эти предпочтения, несомненно, есть – и эти предпочтения, конечно, Байден.

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Несколько слов про Украину. Прошло чуть больше года после выдвижения китайского мирного плана «12 пунктов». Спецпредставитель КНР Ли Хуэй провёл два раунда консультаций, пообщался со всеми вовлечёнными сторонами, но ничего более конкретного в развитие весьма эластичных «общих принципов» урегулирования с китайской стороны за этот год не прозвучало. Да и вряд ли кто-либо ожидал какую-то дополнительную конкретику в китайской позиции при нынешней ситуации «на поле боя» и вокруг него.

Говоря на тему китайской вовлечённости в урегулирование украинского кризиса, хотелось бы остановиться на двух моментах.

Первый – это непрекращающиеся усилия и инициативы с китайской стороны исключить применение ядерного оружия в конфликте. Китай неоднократно в контексте российско-украинского противостояния на разных уровнях подчёркивал свою тревогу и опасения по этому поводу. Официальные заявления и неофициальные тревожные оценки на этот счёт появлялись перманентно на протяжении всего периода после 22 февраля 2022 года [2]; [Труш, 2023:59–67].

В феврале 2024 года глава департамента МИД КНР по разоружению, глава департамента по контролю над вооружениями МИД КНР Сунь Сяобо на заседании в рамках недели высокого уровня конференции по разоружению в Женеве заявил, что мир столкнулся с новыми вызовами в сфере стратегической безопасности. В связи с этим высокопоставленный китайский дипломат вновь призвал государства, «обладающие крупнейшими ядерными арсеналами», заключить договоры о взаимном неприменении ЯО первыми [3]. Его заявление было приведено в том числе и агентством Синьхуа.

Давая комментарий по поводу этого заявления, официальный представитель МИД РФ заявил, что «выдвинутое китайскими партнёрами предложение относится к тому разряду идей, которые необходимо рассматривать в общем контексте военно-политических реалий и во взаимосвязи с другими значимыми факторами, влияющими на международную безопасность и стратегическую стабильность» [4]. Из содержания разъяснения МИД РФ было понятно, что Россия остаётся на прежних позициях по вопросам применения ядерного оружия в военной обстановке.

Отметим в этой связи, что одним из ключевых публичных доктринальных документов РФ в ядерной области является Указ Президента Российской Федерации от 2 июня 2020 года «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». В этом документе, в частности, говорится, что «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против неё и (или) её союзников ядерного оружия и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» [5].

Второе обстоятельство, о котором хотелось бы упомянуть применительно к китайской позиции по Украине, это растущее санкционное давление США и европейских стран на Китай в связи с обвинениями в его адрес в военной поддержке России. Это давление за последний год заметно усилилось.

США обвиняют Китай в очевидной «ангажированности», в прямой и косвенной военной помощи российской стороне конфликта. По мнению американских источников, китайские материалы, поставляемые в Россию, «заполняют критические пробелы в цикле производства оборонной продукции» и делают возможным для Москвы «самое амбициозное расширение оборонных возможностей со времён советской эпохи и в более короткие сроки» [6].

Китай, по мнению американцев, поддерживает военные усилия России на Украине, предоставляя беспилотные и ракетные технологии, спутниковые снимки и станки для производства вооружений, нитроцеллюлозу, необходимую для оружейного производства [6]. Западные источники приводят данные, согласно которым в 2023 году около 90% российской микроэлектроники поступало из Китая. Почти 70% импорта станков в Россию на сумму около 900 млн долл. в последнем квартале 2023 года пришлось на Китай [7]; [8].

В апреле 2024 года в ходе визита госсекретаря США Э. Блинкена в Китай украинская проблема была обозначена как одна из основных тем для американского нажима. В ходе переговоров со своими китайскими партнёрами, насколько можно судить по отчётам и комментариям о визите, Э. Блинкен заявил, что США и союзники становятся всё более нетерпимыми к такому сотрудничеству КНР с Россией. Госсекретарь США не раскрыл конкретно, какие меры примет Вашингтон, но предупредил, что Вашингтон не остановится перед введением адресных жёстких санкций против китайских компаний, финансовых учреждений и других

организаций КНР. По словам информированных и близких к Госдепу американских источников, его послание стало самым чётким и недвусмысленным предупреждением по этой теме, с которым лидеры США когда-либо обращались китайским чиновникам [9].

Давление на Китай по вопросу поддержки России в ходе СВО усиливают и европейские партнёры США. Это было заметно во время недавнего визита канцлера ФРГ О. Шольца в Китай, а также в ходе недавнего визита Си Цзиньпина во Францию в мае этого года. Это давление стало настолько жёстким и настойчивым, что вызвало ответный демарш с китайской стороны. Китайская сторона сочла необходимым в процессе переговоров с Макроном отмежеваться от этой критики. «Мы против того, чтобы кризис использовался для возложения ответственности на третью страну, ухудшения её имиджа и провоцирования новой холодной войны», – заявил китайский лидер, находясь во Франции [10].

Нарастание западного противодействия укрепившейся связке России и Китая в нынешних условиях является естественным следствием ужесточения геополитического соперничества в мире, обострённого и актуализированного в связи началом СВО.

Западное давление на Россию и Китай вынуждает последних переосмыслить характер своего сотрудничества, идти на дальнейшее сближение и большую координацию своих действий под эгидой «стратегического сотрудничества без границ». Показателем этого процесса явились позиции России и КНР, озвученные в ходе состоявшегося в апреле 2024 года визита С. Лаврова в Китай. Этот визит – первый после мартовских президентских выборов в России – явился знаковым и в том смысле, что он рассматривался как «подготовительный» для будущего визита президента В. Путина в Китай сразу после своего вступления в должность в мае нынешнего года. Фиксируя состояние взаимоотношений КНР и России с Западом, китайская сторона в лице министра иностранных дел Ван И охарактеризовала их как отношения «больше, чем военный союз», как отношения «двойного противодействие в ответ на двойное сдерживание» [11].

Характеристика двусторонних отношений и китайские формулировки, с которыми солидаризировался и российский министр С. Лавров, однозначно говорят сами за себя [12]. Избегая терминов «военный» или «военно-политический» союз, стороны очевидно давали понять миру и своим западным оппонентам явно возросшую степени коалиционности и восходящую степень консолидации своего «стратегического партнёрства без границ». К этому их явно толкает, с одной стороны, эволюция российско-украинского конфликта, проходящая в форме затягивающейся прокси-войны Запада с Россией, а с другой стороны – последовательные усилия Запада, США и НАТО по консолидации существующих и созданию новых антикитайских и антироссийских военно-политических форматов в Европе и Индо-Тихоокеанском регионе.

В.В. Путин посетил КНР 15–16 мая 2024 года. Основное содержание переговоров традиционно осталась за рамками публичности. В рамках визита не было,

да и не предполагалось, судя по всему, каких-либо «прорывных» или медийно звучных заявлений или договорённостей. Китайская сторона при этом сделала всё для подчёркивания исключительную значимость связей с РФ в системе внешнеполитических приоритетов КНР. В частности, состоялись неформальная закрытая встреча и переговоры Путина и Си Цзиньпина в Чжуннаньхае – центральной резиденции китайского правительства. Встреча продолжалась около четырёх часов.

По мнению экспертов и наблюдателей, в рамках российско-китайских переговоров не могли не обсуждаться такие значимые для обеих сторон темы, как экономическое сотрудничество и технологический обмен в контексте СВО, проблема стабильности банковских платежей между РФ и КНР в контексте западных санкций, строительство газопровода «Сила Сибири – 2». По последнему вопросу стороны дали понять, что переговоры по конкретным ценовым аспектам контракта, объёму и графику поставок будут продолжены.

В итоге переговоров был принят масштабный и пространственный документ – «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами». Документ зафиксировал сферы договорённостей, интересов и сотрудничества обеих стран в конкретный политический период, ключевые сходные позиции сторон по основным внешнеполитическим проблемам. В заявлении, в частности, говорится, что «современные российско-китайские отношения представляют собой более продвинутую форму межгосударственного взаимодействия по сравнению с военно-политическими союзами времен "холодной войны", не носят блокового и конфронтационного характера» [13]. Вместе с тем наблюдатели обратили внимание на отсутствие в Заявлении формулировки «партнёрство без границ», употреблявшейся в двусторонних документах РФ и КНР в предыдущие годы.

ИСТОЧНИКИ

1. U.S.-China Trade Relations. Congressional Research Service. IF 11284. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11284> (accessed 01.03.2024).
2. МИД КНР. Очередная пресс-конференция 1 марта 2024 г. у официального представителя МИД КНР Мао Нин. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/rus/mtfw/ce_cegw_chn/lxjzhzhdh/202403/t20240303_11253075.html (accessed 01.03.2024).
3. Remarks by Director-General Mr. SUN Xiaobo at the High-Level Segment of the Conference on Disarmament 2024-02-27. Available at: http://geneva.china-mission.gov.cn/eng/dbtxwx/202402/t20240227_11250422.htm (accessed 27.02.2024).

4. МИД РФ прокомментировал идею КНР закрепить неприменение ядерного оружия первыми. *Российская газета*. 11.03.2024. Available at: <https://rg.ru/2024/03/11/mid-rf-prokommentiroval-ideiu-knr-zakreplit-neprime-nenie-iadernogo-oruzhiia-pervymi.html> (accessed 11.03.2024).

5. «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания.» Указ Президента Российской Федерации от 2 июня 2020 г. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1434131/ (accessed 03.06.2020).

6. Китай ответил на обвинения США в помощи России в конфликте с Украиной. ТАСС, 13 апреля 2024. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20532637> (accessed 14.04.2024).

7. Китай резко увеличил поставки микроэлектроники в Россию. *Радио Свобода*. Available at: <https://www.svoboda.org/a/kitay-rezko-velichil-postavki-mikroelektroniki-v-rossiyu/32903654.html> (accessed 10.04.2024).

8. US intelligence finding shows China surging equipment sales to Russia to help war effort in Ukraine. *Independent*. 12.04.2024. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/moscow-ap-russia-china-joe-biden-b2527980.html#> (accessed 12.04.2024).

9. FT узнала о планах Блинкена лично предупредить Китай о санкциях. *РБК*, 12.04.2024. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/21/04/2024/66247dc99a7947c2f320cbf4> (accessed 12.04.2024).

10. Лидер Китая выступил против критики его страны за связи с Россией. *Радио Свобода*. 07 мая 2024. Available at: <https://www.svoboda.org/a/lider-kitaya-vystupil-protiv-kritiki-ego-strany-za-svyazi-s-rossiey/32937014.html> (accessed 10.05.2024).

11. Foreign Ministry Spokesperson Mao Ning's Regular Press Conference on April 9, 2024. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202404/t20240409_11278689.html (accessed 10.04.2024).

12. Bloomberg: Двойное сдерживание Запада обернется двойным противодействием РФ и КНР. *Российская газета*. 09.04.2024. Available at: <https://rg.ru/2024/04/09/bloomberg-dvoynoe-sderzhivanie-zapada-obernetsia-dvoynym-protivodejstviem-rf-i-knr.html> (accessed 10.04.2024).

13. «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами». Available at: <http://kremlin.ru/supplement/6132> (accessed 20.05.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Труш С.М. Российско-украинский конфликт как фактор отношений КНР – США: динамика ситуации. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023. № 7, стр. 59–67. DOI: 10.31857/S2686673023070052 EDN: GKJWFG

REFERENCES

Trush, S.M. Russian-Ukrainian conflict as a factor in US-China relations: dynamics of the situation. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (7): 59–69. DOI: 10.31857/S2686673023070052 EDN: GKJWFG

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТРУШ Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Sergey M. TRUSH, Senior Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebnny pereulok, Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 07.05.2024 / Received 07.05.2024.

Поступила после рецензирования 20.05.2024 / Revised 20.05.2024.

Статья принята к публикации 21.05.2024 / Accepted 21.05.2024.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673024070035

EDN: YCWWUY

Transregional Security Impacts of the Special Military Operation and Strategic Interests of the United States and China*

Sun Yixiang

School of Governance and Politics of MGIMO,

76 Prospekt Vernadskogo, 119454 Moscow, Russian Federation

Faculty of Political Sciences of the Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russian Federation

Institute of Chinese and Contemporary Asian Studies

of the Russian Academy of Sciences

32 Nakhimovsky prospect, 117997 Moscow, Russian Federation

Abstract: The launch of special military operations and a new round of Russia-Ukraine conflict are essentially the outbreak of decades of grievances between Russia and the United States over the issue of NATO's eastward expansion. After the end of the Cold War in the 1990s, the United States entered the "unilateral era" and continued to promote NATO's eastward expansion and strategically squeezed Russia, causing Russia's insecurity to continue to rise. At the same time, this Russia-Ukraine conflict also occurred against the backdrop of the United States' comprehensive advancement of strategic competition with China. By hyping up the joint statement issued by China and Russia in February 2022 and spreading rumors about China's advance knowledge of its actions against Russia, the United States is trying to direct international pressure on China.

Although China is not a party to the Russia-Ukraine conflict, the deep-seated impact of the conflict on the global political, economic, and security landscape has gradually spread to China-US relations, and several sets of "big triangle" relationships involving China, such as China-US-Russia, China-US-Europe, and other groups of China-US-EU, are also facing profound adjustments. Globalization and regional security have been further frustrated by geopolitical conflicts, the "economic war" and "political war" between major powers have been deepened, the status of the United Nations has been declining day by day, and the global arms race has suddenly intensified. Based on the Regional Security Complex Theory (RSCT), this paper comprehensively analyzes the regional and global impacts of special military operations, geo-security contradictions, and the conflict of interests between the two most important world powers, China and the United States. The Russia-Ukraine conflict will continue to affect the adjustment of strategic interests among major powers, and the prospects of China-Russia

* Данная статья является первой частью исследования автора. Вторая часть статьи будет опубликована в одном из последующих выпусков журнала.

cooperation and the Asia-Pacific region will determine the direction of the evolution of the future world pattern.

Keywords: Special Military Operation, Russia-Ukraine conflict, Regional Security, China and the United States, Strategic Interests.

For citation: Sun Yixiang. Transregional Security Impacts of the Special Military Operation and Strategic Interests of the United States and China. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(7): 23–39. DOI: 10.31857/S2686673024070035 EDN: YCWWUY

Последствия специальной военной операции для трансрегиональной безопасности и стратегические интересы США и Китая

Сунь Исян

Факультет управления и политики МГИМО,

Российская Федерация, 119454 Москва, Проспект Вернадского, 76

Факультет политологии Московского государственного университета

им. М.В. Ломоносова

Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, 1

Институт Китая и современной Азии

Российской академии наук

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект, 32

Резюме: Начало специальной военной операции и новый виток российско-украинского конфликта – это, по сути, вспышка десятилетий недовольства между Россией и США по вопросу расширения НАТО на восток. После окончания холодной войны в 1990-х годах, Соединённые Штаты вступили в «эпоху односторонних действий», продолжая содействовать расширению Североатлантического альянса и оказывая стратегическое давление на Россию, что привело к дальнейшему росту её ощущения небезопасности. В то же время российско-украинский конфликт произошёл на фоне всестороннего развития стратегического соперничества США с Китаем. Раздувая совместное заявление Китая и России, опубликованное в феврале 2022 года, и распространяя слухи о том, что Китай заранее знает о действиях России, Соединённые Штаты пытаются оказывать международное давление на Китай.

Хотя Китай не является стороной российско-украинского конфликта, глубокое влияние конфликта на глобальную политику, экономику и безопасность постепенно распространилось на отношения Китая и США, а несколько комплексов отношений «большого треугольника» с участием Китая, таких как Китай – США – Россия, Китай – США – Европа, также подвергаются серьёзной трансформации. Глобализация и региональная безопасность ещё больше усугубляются геополитическими конфликтами, усиливается «экономическая и политическая война» между крупными державами, статус Организации Объединённых Наций падает с каждым днём, а глобальная гонка

вооружений резко обостряется. На основе теории комплекса региональной безопасности (КРБ) в данной статье всесторонне анализируются региональные и глобальные последствия специальной военной операции, противоречия в сфере глобальной безопасности и конфликт интересов между двумя важнейшими мировыми державами – Китаем и США. Российско-украинский конфликт будет продолжать влиять на изменение стратегических интересов между ведущими державами, а перспективы сотрудничества Китая и России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона будут определять направление эволюции будущей модели мира.

Ключевые слова: специальная военная операция, российско-украинский конфликт, региональная безопасность, Китай и США, стратегические интересы

Для цитирования: Сунь Исян. Трансрегиональные последствия специальной военной операции для безопасности и стратегические интересы США и Китая. США & Канада: экономика, политика, культура. 2024; 54(7): 23–39. DOI: 10.31857/S2686673024070035 EDN: YCWWUY

SECURITY COMPLEX AND REGIONAL SECURITY STUDIES

As a representative of the British School and the Copenhagen School, **RSCT** is the core theoretical achievement of **Barry Buzan's** security research. Unlike the sectoral approach in "New Security Theory" which focuses on expanding the security agenda and seeks to build a new comprehensive research framework, the RCST attempts to develop a workable general regional theory of international security by focusing on the regional level. If the opponents of Buzan et al.'s New Security are traditional strategic analysts who insist on military and state centrality [Buzan et al. 1998:25], then the first thing they need to break in this book is the neorealists' and globalists' attachment to the global level. Therefore, the distinction between the global level and the regional level from an analytical point of view is the basis of the author's argument.

According to Barry Buzan, since decolonization, regional security has become more independent and more conspicuous in international politics. The end of the Cold War has greatly accelerated this process. Relative autonomy constitutes a model of international security relations that is fundamentally different from the rigid bipolar superpower structure that had a decisive impact on the Cold War.

One initial assumption is that the regional level is becoming increasingly important in the international security architecture, and that it is important, if not dominant, "except when global powers are extremely dominant, such as those of the imperial era, regional security dynamics are generally an important component of the overall security constellation in the international system." From the perspective of regionalism, the neo-realist idea of "polarity" and the globalist theory of "core-

periphery" all fail to grasp this model. The crux of this model is that "they exaggerate the role of the global level and underestimate the importance of the regional level". In order to distinguish between the global and regional levels after the Cold War, Barry Buzan proposed a "three-tier ladder of defining criteria": superpowers (the United States), systemic (global) powers (the European Union, Japan, China, and Russia), and regional powers. Among them, superpowers and great powers determine the polarity of the global level, and the boundaries between them and regional powers determine the difference between the global security situation and the regional security situation. In regional security complex theory, the regional level is where the two extremes of national security and global security meet each other, and where most actions take place. Russia and Ukraine, as direct belligerents in this special military operation, fully reflect this feature. A battle in eastern Ukraine constituted a global security incident and had a systemic impact. Accordingly, the distinction and linkage between the global level and the regional level pave the way for the development of regional security complex theory.

In fact, "region" is the proper meaning in the title of the security complex theory, except that "security complex is a region seen through a security lens." The definition of a "security complex" can be summarized as follows: a group of units whose main processes of securitization, de-securitization, or both are so closely linked that their security problems cannot be rationally analyzed or solved in isolation from each other. The core idea of RSCT is that since most threats spread more easily in close quarters than over long distances, security interdependencies are often combined into region-based groups, that is, security complexes.

The key analytical concepts of the regional security complex used in this article are mainly "structure, typology and change". **First**, four variables define the core structure of the regional security complex: **1)** boundaries, which distinguish the regional security complex from its immediate neighbors; **2)** anarchic structure, meaning the regional security complex must include more than two autonomous units; **3)** polarity, which involves the distribution of power between units; **4)** social construction, which involves patterns of friendship and hostility between units, meaning "security is created by actors." More precisely, within the anarchic structure, the core structure and characteristics of the regional security complex are defined by two relations, namely "power relations, friendly and hostile modes". Among these, power relations range from unipolar to multipolar, while the spectrum of friendly and hostile modes is divided into three forms of "sub-global, geographically closely related" security interdependence: conflict, security mechanism and security community".

Second, distinguish four basic types of regional security complexes: **1)** standard regional security complexes, which do not include global-level powers and whose local polarity is entirely defined by internal regional powers (such as the Middle

East); **2)** centralized security complex, a security complex dominated by a single global level power (such as North America), or a security complex that has the identity attributes of a global actor through full integration of collective systems (such as the European Union); **3)** great power security complex, a security complex whose polarity is defined by more than one global-level power (such as East Asia); **4)** super complex, a group of regional security complexes that have a relatively high level and a coherent inter-regional security posture due to the existence of one or more major powers (for example, East Asia and South Asia are connected to form the Asian super complex).

Third, explore the development and reform prospects of the regional security complex. According to the components of the core structure of the regional security complex, there are three possible evolutions of any regional security complex: **1)** maintaining the status quo, that is, no major changes have occurred in the core structure; **2)** internal change, that is, changes in the core structure occur within the existing external boundaries; **3)** external changes, that is, the expansion or contraction of the existing external boundaries, leading to changes in its core structure. Specifically, the potential for immanent change can be monitored by examining the material conditions of possible polarity changes (or lack thereof), and the discursive conditions of possible changes (or lack thereof) of friendly / hostile relations. The potential for external change can be monitored by examining the strength of interregional security postures that can serve as precursors to change. In addition, prospects for change need to consider additional variables such as interaction capabilities, power differences, and system polarity. The results of development can have three possibilities: "conflict, security mechanism and security community".

The advantage of borrowing this analytical framework is that RSCT provides a platform for the integration and application of geopolitical analysis, classical realism analysis and structural constructivism analysis. This approach not only ensures the explanatory power of regional-level case analysis but also comprehensively reflects structural changes and the interaction between unit behaviors, looks at changes in the security environment from a dynamic perspective.

STRUCTURAL CHANGES IN MAJOR SECURITY COMPLEXES AND WORLD ORDER

Regional Security Posture

In the entire geo-environment in which special military operations take place, in general there is a standard regional security complex, two centralized complexes, three great power security complexes and three possible super complexes, as shown in Table 1.

Table 1: The geopolitical environment in which the SMO operates

Basic Type	Name	Num- ber of Bound aries	Patterns
<i>Standard regional security complexes</i>	Russia-Ukraine	4	Conflict
<i>Centralized Security Complex</i>	European Union / European part of NATO	2	Security Mechanisms / Security Communities
	Post-Soviet space / CIS countries		Security Mechanisms
<i>Great power security complex</i>	Russia-Europe	4	Conflict
	USA-Europe	3	Security Mechanisms / Security Communities
	Russia-China	1	Security Mechanisms
<i>Super Complex</i>	Europe-Russia- China Asian super- complex Russian-Asian super complex	/	/

It can be seen that the security dynamics in the region are very complicated. The boundaries of the various security complexes overlap with each other, covering super-powers, systemic (global) powers and regional powers. Actors who are units in one security complex may become great power actors in another; the diversity of borders and the superposition of unit attributes make conflicts difficult to resolve, and the process of securitization is irreversible. With the failure of the second Minsk Agreement, the only remaining albeit unstable security mechanism at the regional level, de-securitization is no longer possible. In particular, although the United States and China are far

away from the conflict zone, the United States, as the only superpower, has been deeply involved in the current round of conflict economically, politically, and militarily, and China, as a close partner of Russia, is inevitably involved in the power game and interest game of the Russia-Ukraine conflict. The polarity of great powers and the overlap of borders determine that special military operations **must be defined in terms of global security postures**, rather than regional security postures.

Due to the actual state of war between the conflicting parties and the persistence of this state, the changes in interstate boundaries and the tendencies of control zones and population movements have become increasingly unshakable in concept. That is, the decision-makers of both sides believe that the current situation can only proceed according to their own plans and actual conditions. The flow of materials and population also shows stability, whether it is aid entering Ukraine from the West and the Ukrainian population fleeing to the West, or the regions and people integrating into the Russian Federation territory to the East. Therefore, internal change will become the key variable in determining whether a new security mechanism can emerge in this region, which depends on the internal transformation of the Russia-Ukraine standard regional security complex (primarily Ukraine) and some external transformation (i.e., the European regional security complex, which is an internal transformation in its own right). This means that mediation or an overwhelming victory by one side appears to be difficult in the short term because an element within the complex is so significant that all stakeholders will try every means to exert influence and control over it. The following text will discuss in detail how the Russia-Ukraine conflict has become an important part of the United States' strategy to contain China.

Special Military Operation in a Global Landscape

The launch of the special military operation marks the beginning of a new round of adjustments to the global order after the end of the Cold War, and also marks the end of the "post-Cold War" era. The revolutionary impact and iconic nature of the Russia-Ukraine conflict lie in its status as a milestone event in the changes to the world's power structure caused by regional security crises. It also marks that in today's world of rapid technological advancement, highly interconnected information, and highly interconnected capital markets, the regional level has become a leading actor in changing the international security structure.

From a system/structural level, Russia in this conflict is also the first country since the end of the Cold War to initiate violent and material destruction of the power order established by the superpowers. According to American scholar John Mearsheimer, during the period of American unipolar hegemony at the beginning of the Cold War, the internal transformation of the country under the guidance of liberal principles could still be promoted, and the multipolar development trend could also be tolerated. However, once the multipolar trend of emerging forces rises strongly, the tension between

local autonomy and the "universality" of liberalism will emerge, and liberal principles will inevitably give in to the national and geopolitical interests of Europe and the United States. To a certain extent, his sharp remarks that liberalism will fail if it encounters nationalism and geopolitics reveal the crux of the problem from one aspect [Mearsheimer, 2018].

On the one hand, there have been many changes and even blanks and gray areas in the original international institutions and mechanisms. For example, the most critical mechanism of the United Nations Security Council is still functioning, but due to the different parties involved in the Russia-Ukraine conflict, the functions of the Security Council have been greatly weakened. The two Minsk Agreements were revealed by former German Chancellor Merkel to have been intended to delay Russia and give Ukraine sufficient time to prepare for a larger-scale conflict. Including regional international mechanisms that once played a coordination and management role, such as the functions of the CSCE, have been marginalized one by one.

On the other hand, since the turn of the century, almost every new administration in the United States has taken office and has been obsessed with restraining China by uniting with Russia and gaining an advantage in the framework of the triangular relationship between the United States, Russia, and China. But the situation suddenly changed after 2016. In 2017, the United States publicly regarded China and Russia as competitors simultaneously, indicating that the triangular interaction among the United States, China, and Russia could not be achieved as originally expected. At the same time, the escalation of special military operations shows that Europe's efforts to seek balance through trilateral interaction among Europe, the United States, and Russia have also failed. Against this background, the trilateral relations between Russia, the United States, and Europe, which were once active after the Cold War, and the triangular relations between the United States, China, and Russia have become relatively stagnant.

From a global perspective, Russia wants to end the unipolar world, China wants to pursue independent peaceful diplomacy and ensure the security of its surrounding environment and territorial integrity, but the United States and Europe strive to maintain Western dominance, which inevitably creates a huge range of structural contradictions. As President Putin said at the Valdai Forum on October 5, 2023, "Special military operations have nothing to do with territorial occupation, or even geopolitics." [1]. However, for the Western world, the issue of changing the international order is not only a matter of interests, but also a matter of glory. Former U.S. President Obama stated clearly at the graduation ceremony of the West Point Military Academy in May 2014: "Our military has no peer, [...] our economy remains the most dynamic on Earth, [...] From Europe to Asia, we are the hub of alliances unrivaled in the history of nations, [...] the United States is and remains the one indispensable nation. That has been true for the century past, and it will be true for the century to come." [2]. From this standpoint, it is

inevitable for the United States and Europe to restart their alliance and vigorously counter Russia, and China's firm stand on the side of peaceful conflict resolution, opposition to hegemonism and power politics, and maintain a high-level, bottom-line, and uncapped comprehensive strategic cooperative relationship with Russia is also an inevitable choice under this security structure.

However, it is particularly worth mentioning that Europe will not give up its pursuit of defense autonomy because of this. When the partisan struggles in the United States forced the suspension of aid to Ukraine in early 2024, the EU stepped forward and passed a 54-billion-euro aid plan to Ukraine in one fell swoop. The EU's move is not only seeking strategic autonomy but also, to a large extent, citing the so-called "changing times" as a reason. It aims to highlight its political ambition of supporting Ukraine, which has long been prepared to assume regional and even global leadership but has so far failed to achieve its ambition. For this reason, they completely ignored the deterioration of the economy and the people's struggles, contrary to the usual calmness and rationality of the European decision-making elites, and took desperate risks. A 2023 "Economist" commentary article has already foreseen this trend, pointing out that "Europe is now Ukraine's biggest supporter, not the United States." [3]. This is also a potential variable that can be exploited in the adjustment of U.S. strategy.

Under the confrontation between the two sides, which was related to the overall situation of the international order, a military conflict eventually broke out in the most fragile security field of the international structure – the relationship between Russia and NATO, focusing on Ukraine. Judging from the consequences, this conflict revealed the structural shortcomings of the existing international system – the functions of various global and regional organizations are still unable to prevent large-scale crises similar to the Russia-Ukraine conflict. Therefore, it is imperative to reform, upgrade, and strengthen related fields, and the security mechanisms of major security complexes must be established, otherwise the world will not be peaceful. In short, Asia remains relatively stable, while Eurasia and the Middle East continue to be turbulent. This indicates a shift in the focus of conflict in terms of regional patterns. In terms of the balance of power on a deeper level, this is a sign of the shift in power in the world.

GLOBAL SECURITY IMPACT OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Russian Foreign Minister Lavrov made it clear that Russia's special military operations in Ukraine are, to a certain extent, aimed at ending the United States' "complete dominance" and "reckless expansion" on the world stage [4]. The all-out confrontation between the Western world and Russia triggered by the Russia-Ukraine conflict, as well as the escalation of the United States' strategic doubts about China and the acceleration of its Indo-Pacific strategy, have had a major negative impact on the international order in at least three aspects.

The Differentiation and Factionalization of the International Political Order

Centering on the Russia-Ukraine conflict and the U.S. strategic competition against China, the current international political order has seen obvious differentiation and a certain trend of camp formation. First, on the issue of the Russia-Ukraine conflict and sanctions against Russia, the international community has become significantly divided. The West, led by the United States, advocates imposing more severe all-round economic sanctions on Russia, providing Ukraine with the large-scale military assistance it needs, and even directly sending mercenaries and instructors in order to curb Russia's successive victories on the battlefield, even tried to promote political changes within Russia by inciting color revolutions and supporting planned attacks in Russia. President Putin's re-election has further strengthened the West's determination to contain Russia. However, China, India, Brazil, South Africa, Indonesia and other "Global South" countries refuse to participate in the U.S.-led all-round economic sanctions against Russia. They insist that their countries have the right to maintain normal economic and trade relations with Russia, refuse to provide weapons and equipment to any party, and oppose intensification situation, and advocates seeking a political solution to the Russian-Ukrainian conflict and a ceasefire and restoration of peace through diplomacy, dialogue, and consultation.

Second, in the process of the United States exaggerating the "China threat" and the so-called opposition between "democracy and authoritarianism", and accelerating the advancement of the "Indo-Pacific Strategy", the trend of campization in international politics has significantly intensified. **On the one hand**, under the pressure and encouragement of the United States, many countries – those American "like-minded people" have formed a closer political and security partnership with the United States, emphasizing the competition and opposition between the so-called "democracy and authoritarianism." For example, the EU and NATO both exaggerate that China is a "systemic challenge" they face and is "antagonistic" to it in terms of democracy, values, and even way of life. Australia and South Korea emphasized that they are "like-minded" with the United States in terms of Western-style democracy and values, and they should stand more closely with the United States. **On the other hand**, most ASEAN, African Union, Gulf, and Latin American countries reject the so-called "Democracy versus Authoritarian" narrative, refuse to choose sides between China and the United States and become "chess pieces" in the game of great powers, and reject the new Cold War. They advocate reducing strategic suspicion and misjudgment, reducing opposition and confrontation, easing international tensions through dialogue and contact, and promoting the peaceful coexistence of major powers and the harmony and stability of the international order.

Third, the "Global South" has gradually become an important international political force. Especially with the intensification of the strategic competition between the

United States and China, the conflict between Russia and Ukraine, and international economic inequality, the "Global South" has increasingly become an important international political force outside the West, and has also increasingly become a term on the lips of international organizations and leaders of some countries. Some countries in the "Global South" are unwilling to choose sides but want to bet on multiple sides, promoting the multipolarization of the international system [5].

And it is worth noting that **on the one hand**, the U.S. is trying its best to win over the "Global South" and hope that they will favor its side in terms of positions and policies, and on the other hand, it is driving a wedge between China and other countries in the "Global South" and denying China's identity as a "Global South" country. In February 2023, the Munich Security Conference set up a special agenda for "North-South Cooperation" and emphasized the need to win over the countries of the "Global South". In the security report released after the meeting, the term "global South" appeared 56 times, making it a high-frequency vocabulary [6]. At the G7 Summit held in May 2023, strengthening relations with "Global South" countries was also an important topic. The summit launched a number of measures to win over the "Global South" [7]. Suzanne Nossel, former deputy assistant secretary of state for international organization affairs at the U.S. State Department, called on the United States to go beyond its traditional staunch allies and seek broader support around the world, including India, Brazil, and other "Global South" countries, to initiate a reform agenda to expand the Security Council [Nossel, 2023]. The US Senate and House of Representatives have even sponsored a bill on China's not being a developing country and a bill to end China's status as a developing country, refusing to recognize China's status as a "Global South" country and driving a wedge between China and the countries of the "Global South." In this regard, Wang Yi, director of the Foreign Affairs Office of the Central Committee of the Communist Party of China, refuted this during his attendance at the BRICS High Representatives' Meeting on Security Affairs in Johannesburg in July 2023 [8].

The Fragmentation and Securitization of the International Economic Order

After the conflict between Russia and Ukraine broke out, the US and its western allies imposed comprehensive economic sanctions on Russia and committed to cutting off energy and trade ties between Russia and Europe. The economic losses were ultimately borne by European allies. There are currently more and more voices of opposition within EU countries to the rising energy and electricity prices. Public dissatisfaction will inevitably lead to the government being forced to make concessions, which is not conducive to the national interests of the United States in the long run. On the other hand, the Biden administration is accelerating the "Indo-Pacific Strategy", increasing its technological blockade and "decoupling" from China, and promoting the localization of manufacturing and "outsourcing to friendly countries." Politicizing and securitizing

economic and trade relations, and weaponizing scientific and technological exchanges and supply chain dependencies have seriously interfered with normal international economic and trade exchanges and the division of labor in global industrial and value chains.

In addition, the rise of Western economic nationalism and trade protectionism in recent years has posed at least three challenges to the international economic order. One is the challenge to the free trade system. After the end of the Cold War, the United States relied on its unipolar status to vigorously advocate neoliberal economic concepts, vigorously promote globalization and trade liberalism, and pave the way for the global expansion of American companies. However, with the intensification of the polarization between the rich and poor in the United States, especially the outbreak of the financial crisis in 2008-2009, anti-globalization and economic nationalism forces in the United States have gradually grown. After four years of Trump's administration, the U.S.' attitude towards free trade has undergone tremendous changes. It has transformed from the standard-bearer of free trade to the birthplace of disguised trade protectionism such as "fair trade" and "reciprocal trade", and has introduced a series of "**America First**" trade protectionist policies and launched a trade war and tariff war against China.

After Biden came to power, with the outbreak of the conflict and the accelerated advancement of the U.S. Indo-Pacific strategy, the free trade system was further severely impacted. **On the one hand**, the principles of free trade, which focus on reducing tariffs, opening markets, and promoting the free flow of capital, goods, technology, and people, have been discarded and replaced by various protectionist policy measures, greatly hindering the development of global trade in goods and services. **On the other hand**, the Biden administration has established a series of "**sanctions alliances**" against Russia, the Science and Technology Export Control Alliance to China, the Supply Chain Alliance, the Critical Minerals Partnership, the Indo-Pacific Economic Framework, and other technology, supply chain, and economic and trade circles, weakening and hollowing out the multilateral free trade system with the **WTO** as the core.

Second, challenges to global supply chain security will inevitably interfere with China's economic recovery. The Biden administration's high-tech export controls and two-way investment restrictions on China, as well as the formation of various technology alliances and supply chain alliances, are politicizing and securitizing economic issues and weaponizing the interdependence of scientific and technological exchanges and supply chains. This not only undermines the basic principles of free trade but also impacts the normal international division of production and trade based on comparative advantage and utility maximization, leading to chaos and even fragmentation of global production and supply chains, undermining the international economic order. What is even more noteworthy is that the economic damage and development drag caused by trade protectionist measures and small economic, trade, and supply chain

circles to countries in the "Global South" obviously far exceeds their impact on developed countries. On the one hand, the United States attempts to weaken China's political influence by exerting pressure on small countries and wooing interests. On the other hand, it uses economic and industrial policies to undermine the industrial system that China has built, especially in Southeast Asia. In particular, the revival of local manufacturing, "America First" policies and "outsourcing to friendly countries" encouraged by the United States have trapped investment, production and manufacturing that originally went to developing countries in their own countries or "friendly countries", which will inevitably further exacerbate the development gap and international economic inequality.

One study by the WTO shows that great power competition, decoupling, and deglobalization not only increase global trade costs and reduce global welfare but also cause **asymmetric damage to developing countries**. The report points out that decoupling, link breaking, and trade grouping will increase trade costs; once the global economy is decoupled, welfare in some regions will drop by up to 12%, especially in low- and middle-income regions [9].

Militarization and Rearmament of the International Security Order

The conflict between Russia and Ukraine and the advancement of the US Indo-Pacific strategy have set off a new round of arms expansion in Europe and the Asia-Pacific region, exacerbating regional and international tensions and promoting the militarization and rearmament of the international security order. According to statistics from Sweden's Stockholm International Peace Research Institute, world military spending in 2022 will reach a record high of 2.24 trillion U.S. dollars, with European military spending soaring by 13% and Asian military spending also rising [10]. Take Germany as an example: on February 27, 2022, the third day after the launch of the special military operation, German Chancellor Scholz announced at an emergency meeting of parliament that Germany would set up a special fund and allocate 100 billion euros at one time for national defense modernization. Not only that, but Germany will also increase its defense spending to more than 2% of its GDP in the future [11]. In July 2023, the German cabinet approved the draft budget for fiscal year 2024. Although the overall budget dropped by nearly 7% from the previous year, the defense budget increased by 1.7 billion euros to 51.8 billion euros. The German government stated that it plans to increase defense spending next year to the level of 2% of gross domestic product stipulated by NATO. Another important member of NATO, the United Kingdom announced in March 2023 that it would increase military spending by 6 billion U.S. dollars in the next two years to deal with the Russia-Ukraine conflict and the so-called "epoch-making challenge" from China [12].

In the Asia-Pacific region, staunch U.S. allies Japan, Australia, and South Korea, as well as security partner India, have also significantly increased defense spending.

In May 2022, Japanese Prime Minister Fumio Kishida stated during his meeting with US President Biden that Japan is determined to significantly increase defense spending and fundamentally strengthen its defense capabilities [13]. In December 2022, Kishida requested a substantial increase in defense spending, increasing the defense budget for the fiscal years 2023 to 2027 to 318 billion U.S. dollars. In March 2023, the Japanese Ministry of Defense released a new version of the "Defense White Paper," declaring China as Japan's "biggest strategic challenge of all time" and proposing to nearly double the defense budget in the next five years to 43.5 trillion yen (approximately 322.2 billion U.S. dollars), and emphasized the need to acquire long-range strike capabilities and strengthen standoff defense capabilities [14]. In the direction of the South China Sea and the Western Pacific, Australia's national defense strategic review report released in April 2023 proposed an additional 42 billion U.S. dollars in defense spending over the next ten years to comprehensively enhance Australia's defense capabilities, promote the Australian version of the "denial strategy," and accelerate the procurement and deployment of long-range strike capabilities to "defend enemies outside the country's borders." [15]. South Korea has also significantly increased its defense budget. In August 2022, the South Korean Ministry of National Defense announced that the defense budget for the fiscal year 2023 will be 42.1 billion U.S. dollars, an increase of 4.6% over the previous year [16]. In December 2022, it announced its new national defense plan for the fiscal years 2023 to 2027, that it would invest 331 trillion won (approximately 268.8 billion U.S. dollars) in national defense construction in the next five years, with annual defense expenditures increasing by as much as 6.8% [17].

India, the security partner that the U.S. strives to win over, is also actively expanding defense spending and improving its military strength. India's defense spending in 2022 increased by 6% over the previous year, reaching 81.4 billion U.S. dollars, making it the world's fourth-largest military spender after the United States, China, and Russia [18].

Europe as a whole is also accelerating the pace of "strategic autonomy." On March 21, all EU members adopted a "Strategic Compass" action plan. In the action plan, the EU stated that it will establish a European military with sea, land, and air capabilities by 2025. This means that the EU has officially taken the first step towards militarization. What the U.S. did in the Russia-Ukraine conflict has made many allies and partners more suspicious of it, believing that the U.S. is not willing to collide head-on with Russia militarily.

The sharp increase in military expenditures of major European and Asian countries, together with the shock of the Russia-Ukraine conflict and the Biden administration's establishment of a small multilateral security network against China in the Indo-Pacific region, has greatly promoted the militarization and groupization of the international security order, casting a shadow over world peace.

CONCLUSION

The initial part delves into the RSCT as a framework to understand the dynamics of international security, particularly in the context of the Russia-Ukraine conflict and its ripple effects on global security architecture. There is no doubt that SPO have begun to reshape the current global order in theory and practice. We emphasized the growing significance of regional security in a post-Cold War world and highlighted the complexity and overlapping interests that challenge resolution efforts. The emergence of a more multipolar world, the differentiation and alignment of political blocs, and the increasing militarization and securitization of the international system are continuously impacting relations between major powers.

So, under the complex dynamics of a shifting international order, what new changes and challenges will emerge in the *Sino-U.S.-Russia* strategic triangle? In the next part, we will look more specifically at the adjustment of interests among major powers, with the efforts of China, Russia and other countries, it's possible to transform the Asia-Pacific region from a focus on geosecurity to joint development.

ИСТОЧНИКИ

1. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». 5 октября 2023 г. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (accessed 21.02.2024).

2. Obama's 2014 Commencement Speech at West Point, May 2014. Available at: https://language.chinadaily.com.cn/news/2014-05/30/content_17555058.htm (accessed 03.03.2024).

3. Europe, not America, is now Ukraine's largest backer, September 11, 2023. Available at: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/09/11/europe-not-america-is-now-ukraines-largest-backer> (accessed 10.01.2024).

4. Ukraine Invasion Meant to End U.S. 'Dominance,' Russia's Lavrov Says, Moscow Times, April 11, 2022.

5. Stewart Patrick and Alexandra Huggins. The Term 'Global South' Is Surging, It Should Be Retired. Available at: <https://carnegieendowment.org/2023/08/15/term-global-south-is-surging-it-should-be-retired-pub-90376>, (accessed 23.12.2023).

6. Tobias Bunde, et al. Munich Security Report 2023: Re: Vision. Available at: <https://securityconference.org/en/publications/munich-security-report-2023/> (accessed 05.01.2024).

7. Marc Jutten and Leon Peijnenburg. 2023 G7 Summit: Preparing for A New Global Order? Available at: [https://www.europarl.europa.eu/Reg-DATA/etudes/BRIE/2023/747920/EPRS_BRI\(2023\)747920_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/Reg-DATA/etudes/BRIE/2023/747920/EPRS_BRI(2023)747920_EN.pdf) (accessed 27.03.2024).

8. Wang Yi put forward four propositions on strengthening cooperation among countries in the 'Global South'. Available at:

https://www.fmprc.gov.cn/wjbzhd/202307/t20230726_11117824.shtml (accessed 11.02.2024).

9. Carlos Goes and Eddy Bekkers. The Impacts of Geopolitical Conflicts on Trade, Growth, and Innovation. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/re_ser_e/ersd202209_e.ht (accessed 14.01.2024).

10. World Military Expenditure Reaches New Record High As European Spending Surges. Available at: <https://www.sipri.org/media/press-release/2023/world-military-expenditure-reaches-new-record-high-european-spending-surges> (accessed 08.04.2024).

11. Germany Unveils Increased Defense Budget. Available at: <https://www.defensenews.com/global/europe/2023/07/05/germany-unveils-increased-defense-budget/> (accessed 19.02.2024).

12. UK Boosts Defense Spending in Response to Russia and China. Available at: <https://apnews.com/article/uk-britain-china-aukus-submarines-964717c21be1a5f765d9139b5cb0f3a0> (accessed 15.03.2024).

13. Japan-U.S. Summit. Available at: https://www.mofa.go.jp/na/nal/us/page4e_001261.html (accessed: 28.01.2024).

14. 2023 Defense White Paper, Ministry of Defense of Japan. Available at: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2023/DOJ2023_Digest_EN.pdf (accessed: 02.02.2024).

15. National Defence: Defence Strategic Review 2023, Australian Department of Defence. Available at: <https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review> (accessed: 13.04.2024).

16. South Korea Proposes 4.6% Increase in 2023 Defense Budget. Available at: <https://www.janes.com/defence-news/news-detail/south-korea-proposes-46-increase-in-2023-defence-budget> (accessed: 17.01.2024).

17. South Korea Unveils 2023-2027 Mid-Term Defense Plan. Available at: <https://www.navalnews.com/naval-news/2023/01/south-korea-unveils-2023-2027-mid-term-defense-plan> (accessed: 01.03.2024).

18. India World's Fourth Largest Defense Spender in 2022. Available at: <https://www.indiandefensenews.in/2023/04/india-worlds-fourth-largest-defence.html> (accessed: 07.02.2024).

REFERENCES

Nossel, S. (2023, July 7). How America Can Win over the Global South: It's Time to Expand the UN Security Council. Foreign Affairs. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/how-america-can-win-over-global-south> (accessed: 22.03.2024).

Buzan, B., Wæver, O., & de Wilde, J. (1998). Security: A New Framework for Analysis. Lynne Rienner Publishers. pp.20-35.

Mearsheimer, J. J. (2018). *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. Yale University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУНЬ Исян, Магистрант Факультета управления и политики МГИМО. Российская Федерация, 119454 Москва, Проспект Вернадского, 76; Факультета политологии МГУ Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, 1; Стажёр Института Китая и современной Азии Российской академии наук. Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект, 32.

SUN Yixiang, Master's student of School of Governance and Politics of MGIMO, 76 Prospekt Vernadskogo, 119454 Moscow, Russian Federation; Faculty of Political Sciences of MSU. 1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russian Federation; Intern at the Institute of Chinese and Contemporary Asian Studies of the Russian Academy of Sciences. 32 Nakhimovsky prospect, 117997 Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 06.05.2024 / Received 06.05.2024.

Поступила после рецензирования 20.05.2024 / Revised 20.05.2024.

Статья принята к публикации 22.05.2024 / Accepted 22.05.2024.

УДК: 94 + 327.5

DOI: 10.31857/S2686673024070042

EDN: YCVPKC

Китайские оценки американских концептов «новой биполярности» и «новой холодной войны»

И.Ю. Зуенко

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Researcher ID: AAB-5070-2020 Scopus Author ID: 57211944845 РИНЦ ID: 802840

ORCID ID: 0000-0002-9853-9703

E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Резюме: Статья посвящена китайским оценкам концептов «новой биполярности» и «новой холодной войны», которые получили распространение в американской литературе. Восприятие этих концептов отличается в Китае своеобразием. «Новая холодная война» воспринимается как процесс, вызванный желанием США сохранить свою гегемонию, и протекающий не только в Восточной Азии, но и в Восточной Европе. Что касается биполярности, то, за исключением некоторых экспертов, которые призывают признать де-факто наступившую биполярность, в КНР не принято называть себя одним из двух центров миропорядка и, более того, принято отрицать свои амбиции на это.

Ключевые слова: Китай, США, холодная война, биполярность, многополярность

Для цитирования: Зуенко И.Ю. Китайские оценки американских концептов «новой биполярности» и «новой холодной войны». *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(7): 40–56. DOI: 10.31857/S2686673024070042 EDN: YCVPKC

Chinese Perception of “New Bipolarity” and “New Cold War” Concepts

Ivan Yu. Zuenko

Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.

32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

Researcher ID: AAB-5070-2020 Scopus Author ID: 57211944845 РИНЦ ID: 802840

ORCID ID: 0000-0002-9853-9703

E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Abstract: The article is dedicated to Chinese perception of “New Bipolarity” and “New Cold War” concepts. ‘New Cold War’ is viewed by Chinese specialists as a process that is driven solely by Washington, with China being forced to protect itself without the desire to continue or expand this kind of competition. Regarding ‘new bipolarity’ official Beijing denies its ambitions to be a sole or one of the two centers of world order, positioning itself as a ‘developing country’ and ‘leader of the third world’, whose interests focus on multipolarity.

Keywords: China, USA, Cold War, bipolarity, multipolarity

For citation: Zuenko, I.Yu. Chinese Perception of “New Bipolarity” and “New Cold War” Concepts. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(7): 40–56. DOI: 10.31857/S2686673024070042 EDN: YCVPKC

ВВЕДЕНИЕ

С распадом Советского Союза в 1991 году начался своеобразный «золотой век Америки» – период её безусловного доминирования в мировой экономике, науке, культуре, информационном обмене. Вплоть до начала войны в Югославии в 1999 году это доминирование, равно как и готовность других стран мира его признавать, не вызывали сомнений. Лишь югославские события, включая бомбардировку американскими ВВС здания китайского посольства 7 мая 1999 года, вызвали отторжение в результате действий Вашингтона и предопределили запрос на независимую, свободную от влияния Запада, политику – как минимум, в двух странах: России и Китае. Таким образом, «однополярный миропорядок» дал сбой, и последующие 25 лет фактически стали временем его постоянного «осыпания»¹. Вплоть до рубежа 2000–2010-х годов этот процесс не был очевидным, и американцы продолжали действовать как мировой гегемон, что проявилось в феномене «цветных революций» (как минимум они частично были осуществлены в интересах США), расширении НАТО и косвенно в программе «Восточного партнёрства».

Одновременно с этим в отношении Китая США ожидали, что КНР, вовлечённая в тесное экономическое и культурно-гуманитарное сотрудничество с Западом, пойдёт на демократизацию/департократизацию режима, углубит рыночные реформы и смягчит цензурные ограничения. Такие ожидания легли в основу «стратегии вовлечения» (*engaging strategy*), которая была основой китайской политики США с 1970-х годов. В Вашингтоне надеялись, что открытость и обмен с Америкой изменит Китай, сделает китайское общество более похожим на западное, а внешнюю политику более проамериканской, как это ранее произошло с Японией, Южной Кореей, Тайванем, а также большинством стран бывшего «восточного блока». Убеждённость в том, что подобный исход неизбежен, была столь сильна, что применение США против Китая санкционного режима в 1990–2000-е годы, несмотря на многочисленные поводы к этому (начиная от подавления протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, заканчивая нарушением прав религиозных и этнических меньшинств), было весьма ограниченным (подробнее выводы автора об этом феномене [Зуенко, 2022]). Безусловно, огромное значение имели и выгоды, которые получал американский капитал от работы на китайском рынке. И чем этот рынок становился больше и богаче, тем выгоднее это было для американского бизнеса.

Соответственным образом началось и интеллектуальное переосмысление такого положения. Уже в 2004 году американский экономист Фред Бергстен, делая

¹ Авторство этого термина следует признать за авторами доклада Валдайского клуба «Жизнь в осыпающемся мире», вышедшего ещё в 2018 году. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/zhizn-v-osypayushchemsya-mire/> (accessed: 17.01.2024).

публичные рекомендации для переизбранного президента США Дж. Буша-младшего, отмечал, что Китай превратился в «сверхдержаву», равноправное взаимодействие с которой способно стать для США способом сбалансировать систему международных отношений [Bergsten, 2004]. В дальнейшем Бергстен повторил эти тезисы ещё в нескольких своих работах [Bergsten, 2006; Bergsten, 2008; Bergsten, 2009], заложив в экспертных кругах Запада понимание нового баланса сил в мире, который можно обозначить условным термином «Группа двух» (G2).

Однако в начале 2010-х годов прежний расклад в отношениях США и КНР был деформирован. Как оказалось, такое положение было связано с мощным запросом на националистическую политику и укрепление централизации в Китае, выразителем которого стал Си Цзиньпин, пришедший к власти в 2012 году. У нас нет оснований считать, что изначально Си придерживался антиамериканских позиций. Например, хорошо известно, что, встретившись с президентом США Б. Обамой в формате «без галстуков» на ранчо в Калифорнии в 2013 году, Си отметил, что «китайская мечта – это про сотрудничество, развитие, мир и обоюдный выигрыш, она и связана с американской мечтой» [10]. Вместе с тем китайское руководство не могла не тревожить объявленная тем же Б. Обамой в 2011 году стратегия «возвращения США в АТР» и усиление армейской группировки в Южной Корее – в непосредственной близости от границ Китая. А инициированная следующим президентом США Д. Трампом «война тарифов» (также известна как «торговая война»), изначально призванная всего лишь выровнять сальдо в торговле двух стран, стала «спусковым крючком» для перехода от стратегии «вовлечения» к стратегии «сдерживания (развития Китая)» и, как следствие, к противостоянию двух стран [Зуенко, 2023].

Таким образом, формат Группы двух в том виде, в котором его изначально видел Бергстен, не состоялся (во всяком случае, пока) – вместо этого мы имеем системное комплексное противостояние двух ведущих экономик мира, которые продолжают активно торговать, но вместе с тем отдаляются друг от друга всё дальше. Учитывая значение Китая и США для всего мира, такое противостояние можно с достаточными на то основаниями назвать «новой холодной войной» (или «второй холодной войной»), подразумевая отсылки к прежней холодной войне между «западным блоком» во главе с США и «восточным блоком» во главе с СССР.

В западной научной литературе и публицистике термин «новая холодная война» уже использовался такими авторами, как Г. Киссинджер [7], Дж. Миршаймер [8], Х. Брэндс и Д. Гэддис [2022] и многими другими. Анализ имеющихся материалов показывает, что, как правило, под «новой холодной войной» подразумевается противостояние США и КНР, причём для западных работ характерен взгляд на действия США как на естественную ответную реакцию на усиление Китая, которое грозит переформатированием всего мирового порядка в негативном для Запада плане.

В России он также активно используется, причём для обозначения как китайско-американского противостояния (в таком контексте термин употреблялся,

например, В.Б. Кашиным и И.Н. Тимофеевым [2021]), так и – причём гораздо чаще! – применительно к конфликту России и Запада (наиболее авторитетными проводниками такого понимания термина стали С.А. Караганов [2008], С.М. Рогов [2007], А.А. Громыко [2016], С.К. Ознобищев [2016]). Обращает на себя внимание, что если на рубеже 2000–2010-х годов российские авторы использовали этот термин в основном для обозначения новых тенденций в отношениях России и США, то спустя десять лет он набрал популярность в контексте противостояния США и КНР.

Позиция же Китая в этом вопросе известна нам гораздо хуже. Существует ряд работ, написанных китайскими авторами [Ян, 2021]; некоторые аспекты проблемы разбирались в фундаментальных работах Е.Н. Грачикова [Grachikov, 2019; Grachikov, 2020]. Однако большинство российских международныхников, не владеющих китайским языком, об особенностях китайской позиции могут только догадываться. Не слишком помогает и знакомство с англоязычной литературой. Официальные заявления руководства КНР в ней, как правило, заведомо отвергаются как субъективные и бессодержательные, а выводы делаются, исходя из постулата об агрессивной природе современного китайского государства. Такой взгляд деформирует понимание китайской политики. Позицию Китая следует непременно учитывать при анализе складывающейся международной ситуации, причём как официальную (исходящую из партийно-государственных документов), так и частную (которую можно проследить по отдельным высказываниям и работам китайских политиков, учёных, экспертов).

Данная статья призвана отчасти восполнить дефицит знаний о китайской позиции по таким вопросам как отношение к концептам «новой биполярности» (G2) и «новой холодной войны». При этом, учитывая востребованность темы и значительный объём китайской литературы по отношениям с США, работа не претендует на полное раскрытие темы, а является лишь приглашением к дискуссии о том, каковы различия в понимании трансформации постбиполярного устройства мира между Россией, Китаем и Западом.

Проводя исследование, автор опирался, прежде всего, на официальные документы Коммунистической партии Китая и материалы Министерства иностранных дел КНР². А анализируя взгляды научного сообщества, ориентировался на работы или высказывания наиболее влиятельных китайских учёных-международников из ведущих университетов и «мозговых центров» Пекина и Шанхая.

Таким образом, в фокусе внимания статьи оказались два вопроса: «Какова официальная позиция Пекина относительно биполярности/многополярности миропорядка?» и «Как в Китае оценивают концепт «новой холодной войны» и участие в ней страны?» Структура статьи была определена исходя из того, что

² В случае если имеются официальные русские переводы, опубликованные на сайтах МИД КНР или информагентства «Синьхуа», после соответствующей перепроверки оригинала в тексте статьи приводятся цитаты именно из таких переводов.

вводная часть посвящена тому, как складывается сама ситуация противостояния США и КНР, а вторая и третья части – разбору восприятия её в Китае, во-первых, сквозь призму концепта «новой биполярности», во-вторых, сквозь призму концепта «новой холодной войны».

КИТАЙСКИЕ ОЦЕНКИ СУЩЕСТВУЮЩЕГО МИРОПОРЯДКА И «НОВОЙ БИПОЛЯРНОСТИ»

Официальные документы Пекина провозглашают верность существующим международным институтам (например, ООН), а реформирование нынешнего миропорядка видится ему не в смене США в качестве мирового гегемона, а в восстановлении подлинных отношений равенства стран и многополярности. В докладе Си Цзиньпина на XX съезде Коммунистической партии Китая (октябрь 2022 года) говорится: «Китай будет принимать активное участие в реформировании и развитии системы глобального управления, претворять в жизнь концепцию глобального управления, основанную на принципах совместных консультаций, совместного строительства и совместного пользования, твёрдо придерживаться подлинного мультилатерализма, способствовать демократизации международных отношений, содействовать развитию глобального управления в более справедливом и рациональном направлении. Китай будет решительно защищать систему международных отношений, ядром которой является Организация Объединённых Наций, охранять миропорядок, в основе которого лежит международное право, отстаивать основные нормы международных отношений, базирующиеся на целях и принципах Устава ООН. <...> Китай будет способствовать выявлению ещё более эффективной роли ВТО, АТЭС и других многосторонних механизмов, расширять влияние БРИКС, ШОС и других способов сотрудничества, увеличивать представительство и право голоса стран с формирующимся рынком и развивающихся стран в международных делах» [2].

Принципиальной позицией Китая является отказ от «блокового мышления», то есть условного деления мира на «китайский» и «американский» лагерь: «Китай выступает против любых форм унилатерализма, противостоит созданию блоков или эксклюзивных группировок против определённых стран» [2].

Соответственно, Китай отвергает и саму идею того, что он борется за мировую гегемонию: «Китай уважает суверенитет и территориальную целостность всех стран, твердо стоит на позиции равноправия всех стран, как больших, сильных и богатых, так и малых, слабых и бедных, уважает право народов всех стран самостоятельно выбирать собственный путь развития и социальный строй, категорически выступает против любых форм гегемонизма и политики силы, против менталитета холодной войны, вмешательства во внутренние дела других стран и применения двойных стандартов» [2].

Мы видим, что Китай официально провозглашает заинтересованность в сломе американской гегемонии, но не в том, чтобы занять место США в качестве

мирового гегемона. Однако не станет ли доминирующее положение Китая как фактического гегемона неизбежным по мере "осыпания" проамериканского «порядка, основанного на правилах»?

С приходом к власти Си Цзиньпина в китайской внешнеполитической риторике действительно стали слышны мессианские нотки, связанные с созданием некоего справедливого миропорядка, который при сохранении действующих международных институтов должен сменить прежний, «основанный на политике силы». Различные инициативы, выдвигаемые руководством КНР в 2010–2020-х годах («Пояс и Путь», «Три глобальные инициативы»), в конечном счёте могут быть объединены в рамках зонтичной концепции «Сообщества единой судьбы человечества».

Суть этой идеи, впервые цельно сформулированной Си Цзиньпином во время визита в Москву, когда он выступал в МГИМО МИД России 23 марта 2013 года, заключается в том, что мир вошёл в новый этап своего развития, в котором прежние модели межгосударственных отношений, основанные на применении насилия и формировании военно-политических блоков, уже не работают. Напротив, «этот <новый> мир, в котором все страны находятся на небывалом ранее уровне взаимной связанности и взаимозависимости, а человечество живёт в "глобальной деревне" и чем дальше, тем больше превращается в сообщество единой судьбы, в котором в тебе есть частичка меня, а во мне есть частичка тебя»³ [1].

Иначе говоря, в новых исторических условиях, когда повышается значение стран «глобального Юга», бывших колоний и полуколоний (одной из которых Китай считает и себя), всему миру оказывается выгоднее торговать и осуществлять технологический и культурный обмен, чем воевать. Возрождающемуся Китаю в этих условиях, по мысли китайских идеологов, уготована судьба одного из мировых лидеров – то есть страны, экономическое и культурное взаимодействие с которой отвечает всеобщим интересам:

«Китай готов увеличивать ресурсные вложения во имя глобального развития и сотрудничества, неустанно стремиться к сокращению разрыва между Югом и Севером, неизменно оказывать поддержку и помощь многочисленным развивающимся странам в ускорении их развития. <...> Китай будет продолжать принимать активное участие в разработке правил в области глобальной безопасности, усиливать международное сотрудничество в этой сфере, активно участвовать в миротворческой деятельности ООН, стремясь играть конструктивную роль в защите мира во всем мире и обеспечении региональной стабильности» [2].

³ Примечательно, что отдельные элементы этой речи уже использовались в программных документах руководства КПК в 2011–2012 годах, однако в настоящий момент китайская пропаганда отсчитывает появление концепции именно от речи в МГИМО (см. Портал изучения идей Си. Available at: https://www.gov.cn/ldhd/2013-03/24/content_2360829.htm).

Однако «международные отношения нового типа», о которых так много говорят китайцы, предполагают сотрудничество без установления обязательств военно-политического характера. А возвышение «великих держав» или «ответственных мировых держав», одной из которых, безусловно, является Китай, вовсе не означает создания новых военно-политических блоков, которые считаются анахронизмом и следствием «менталитета холодной войны».

Не отрицая своих претензий на роль «великой державы» и «ответственной мировой державы», китайская сторона официально отвергает притязания на то, чтобы быть одной из двух главных сторон биполярного противостояния, ограничиваясь лишь ролью «промоутера процессов перехода к многополярному миру» [Цзя, 2021]. Однако как минимум часть экспертного сообщества с такими формулировками не согласна, постулируя, что де-факто уже сложившийся биполярный миропорядок задействованные стороны отрицают, исходя из политических и идеологических мотивов.

Поскольку подобная точка зрения очевидным образом противоречит официальной риторике и к тому же может быть вредна с точки зрения предъявления Китаю обвинений в его стремлении к гегемонии, она не так часто встречается в открытых источниках. В качестве подтверждения её существования можно привести такую цитату из выступления авторитетного китайского учёного-международника Янь Сюэтуна на конференции в Шэньчжэне 28 апреля 2023 года: «Нынешнее мировое устройство – биполярное, а не многополярное. США не признают этого из соображений политкорректности и нежелания признавать рост влияния Китая. Китай не признаёт этого ввиду собственной идеологической установки, согласно которой Китай всё ещё развивающееся государство, равное с другими. Наконец, Европа, Россия, Индия, Япония не признают этого из-за нежелания рассматриваться как периферия по отношению к США и Китаю. Биполярность, следствием которого является китайско-американское противостояние – долгосрочный устойчивый тренд. Другое его следствие – это процесс деглобализации, который затрагивает все сферы развития человечества и продлится 10–20 лет» [12].

К деглобализации в Китае относятся отрицательно, понимая, что залогом экономических успехов в предшествующий период как раз и была его вовлечённость в глобальную экономическую систему, позволившая раскрыть производительный потенциал страны. Сейчас именно КНР, будучи по-прежнему «мастерской мира», является силой, которая заинтересована в сохранении глобализации и видит в ней способ обеспечить качественный рывок в развитии человечества в условиях подъёма бывших колониальных и полуколониальных держав – «третьего мира». Этот подъём (обозначаемый в Китае как «перемены, которых не было сто лет»), по мысли китайцев, представляет собой особую синергетическую среду, в которой обмены и взаимообогащение цивилизаций (при условии сохранения их индивидуальности) способны дать удивительные по плодотворности результаты.

Непосредственным воплощением стремления Китая к расширению глобализации являются инициатива «Пояса и Пути», идеологическая основа которой состоит в уже упомянутой концепции «Сообщества единой судьбы человечества». Противоречивость, заложенная во внешнеполитическом курсе Китая, пока не позволяет в полной мере реализовать синергетический потенциал инициативы, а многие внутривластные решения Китая (прежде всего, связанные с секьюритизацией и националистическим креном) отпугивают от Пекина его партнёров. При этом, на данный момент именно Китай видит глобализацию как подлинно глобальный процесс, в то время как США рассматривает её как процесс для узкого круга «избранных» стран, участие в котором есть не право, а привилегия.

Согласно китайской позиции, США не исключаются из глобализационных инициатив Китая. Примечательно, что, выступая на полях Саммита АТЭС в Сан-Франциско в ноябре 2023 года перед американскими бизнесменами, Си Цзиньпин заявил, что «две страны могут быть партнёрами, уважать друг друга и мирно сосуществовать», «мир достаточно велик для обеих стран» [9]. Таким образом, китайцы не стремятся ограничить развитие США, а, напротив, исходят из того убеждения, что вовлечённость обеих стран в глобализацию несёт синергетический эффект для них самих и для всего мира. Впрочем, на этом различия в позициях сторон не исчерпываются.

КИТАЙСКИЕ ОЦЕНКИ «НОВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Официально в Китае отрицают своё участие в холодной войне. Да, противостояние с США – это уже свершившийся факт, но для Китая крайне важно подчеркнуть, что оно не является «сиквелом» прежней холодной войны, а имеет принципиально иной характер. Главное отличие – отсутствие в мотивах Китая стремления к мировой гегемонии. Холодная война между США и СССР воспринимается Китаем сквозь призму антиимпериализма, антигегемонизма и антиколониализма, глазами бывшей полуколониальной державы, вынужденной быть пешкой на «великой шахматной доске» между двумя гегемонами. Подобные коннотации для Китая крайне негативны.

Китайские исследователи признают «новую холодную войну» (также употребляется термин «вторая холодная война») как концепт, описывающий текущие международные отношения и, прежде всего, их военно-стратегическую компоненту [He, 2007; Ся, 2022], но для большинства характерно весьма специфическое восприятие. Указывается, что концепт продвигается западной стороной, и она же является основным субъектом «новой холодной войны». Китай вынужденно защищается, но не является субъектом «новой холодной войны» в полном смысле этого слова, потому что ключевой характеристикой для определения субъектности в данном контексте является формирование военно-политических блоков – НАТО или Организации Варшавского договора [Ли, 2016].

Согласно данным китайской базы научной литературы (*China National Knowledge Infrastructure – CNKI*), первые статьи, оперирующие термином «новая холодная война», появились в 2006 году, как применительно к отношениям США и России [Юань, 2006], так и к отношениям США и КНР [Чжан, 2016]. Активнее в Китае заговорили о своём втягивании в «новую холодную войну», начиная с 2011 года, когда при президенте США Б. Обаме было декларировано «американское возвращение в Азиатско-Тихоокеанский регион». Антикитайская сущность данной стратегии отрицалась в Вашингтоне, но для китайских экспертов была очевидной.

Уже упоминавшийся китайский исследователь Янь Сюэту в интервью газете «Хуаньцзо шибао» отмечал: «Невозможно представить, что американская стратегия в Азии, как заявляют США, не будет направлена против Китая. Разница лишь в том: будет это на уровне действий при приготовлении к военному противостоянию с Китаем, его сдерживание или превентивное сотрудничество с КНР» (цит. по [Мамонов, 2012]). Заметим, что на тот момент китайцы вполне допускали вариант, при котором взаимоотношения сторон могли вывернуть на «невзрывоопасный» вариант «превентивного сотрудничества» – до того момента, как переход к конфронтации стал казаться неизбежным, было ещё целое десятилетие (в том, что касается дискуссии о неизбежности китайско-американского конфликта см. [Чжан, 2016; Хуан, 2023]).

В течение этого десятилетия термин «новая холодная война» употреблялся преимущественно применительно к отношениям России и США – и прежде всего в контексте «крымского кризиса» 2014 года. И лишь начиная с июля 2016 года «новая холодная война», вызванная давлением США, стала восприниматься как процесс, подошедший напрямую к границам КНР. В качестве точки отсчёта воспринимается 8 июля 2016 года, когда одновременно открылся Саммит НАТО в Варшаве (по его итогам резко ужесточилась риторика западных стран по отношению к Москве), а в Сеуле было принято решение о размещении в Южной Корее американских противоракетных систем «ТХААД» (*THAAD*) [Ли, 2016]. Тогда же был отмечен всплеск интереса к теме в научной литературе: пик публикаций с ключевыми словами, включающими «новая холодная война» и «вторая холодная война», пришёлся на 2017–2021 годы (максимальное число – пять статей – в 2020 годы)⁴.

Примечательно, что с этого времени «новая холодная война» рассматривается в Китае как процесс, протекающий на двух «фронтах»: восточноевропейском и восточноазиатском, в рамках американской концепции «двойного сдерживания» (России и Китая) [Чжан, Ван, 2022]. Основной движущей силой «новой холодной войны» справедливо называется расширение «глобальной сети НАТО» – причём как применительно к Восточной Европе, так и в контексте создания в АТР такой

⁴ Данные базы *China National Knowledge Index*.

организации, как АУКУС (*AUKUS*) (военно-политический альянс Австралии, Великобритании и США) [11], и размещения вблизи границ Китая американского оружия.

Позиция Китая чётко указана в тексте Совместного заявления РФ и КНР о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии (4 февраля 2022 года): «Стороны выступают против дальнейшего расширения НАТО, призывают Североатлантический альянс отказаться от идеологизированных подходов времён «холодной войны», уважать суверенитет, безопасность и интересы других стран, многообразие их цивилизационных и культурно-исторических укладов, объективно и справедливо относиться к мирному развитию других государств. Стороны выступают против формирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе закрытых блоковых структур и противоборствующих лагерей, сохраняют высокую бдительность относительно негативного влияния на мир и стабильность в этом регионе индо-тихоокеанской стратегии США» [3].

Указанная позиция, по мнению китайцев, не позволяет рассматривать их как сторону, чьи действия способствуют эскалации «новой холодной войны», поскольку блоковое мышление является базовой характеристикой данного процесса. КНР действительно не создаёт военно-политических блоков – единственная международная организация, в которой она участвует и в деятельности которой явно выражена координация усилий в сфере безопасности, – это Шанхайская организация сотрудничества (в уже упомянутом совместном заявлении от 4 февраля 2022 года Китай выступает за «расширение функциональных возможностей Региональной антитеррористической структуры ШОС») [3]. А, например, инициатива «Пояса и Пути» за более чем десять лет своего существования не только не обрела формы военно-политического блока, но и организацией в полном смысле этого слова не выглядит.

Россия и Китай при вынужденном противостоянии с атакующим Западом являются естественными союзниками. Однако вследствие твёрдой официальной позиции и Москвы, и Пекина это не ведёт к созданию военно-политического союза между ними ни в формате двусторонних отношений, ни в формате треугольника «Москва – Пекин – Пхеньян», о котором начиная с 2023 года заговорили эксперты как в России [Кортунов, 2023], так и на Западе, и среди азиатских партнёров НАТО [Bernal, 2023; Lee, 2023], но не в Китае.

Впрочем, всё тот же Янь Сюэтун с середины 2010-х годов несколько раз заявлял о возможности и даже желательности заключения между Россией и Китаем отношений военно-политического альянса [13]. Это он подтвердил в 2017 году в интервью газете «Коммерсант». При этом и он исходил из того, что политическая воля к его установлению отсутствует: «С моей точки зрения, и Россия, и Китай находятся под давлением со стороны США. К сожалению, альянса между нами нет. Как я понимаю, ни одна из сторон не готова к этому. И поэтому мы не можем

ни оказывать друг другу надлежащую поддержку, ни улучшать дальше наши отношения. Наше сотрудничество имеет границы <...> Я не понимаю, почему Россия не настаивает на формировании альянса с Китаем» [5].

Принцип «отказа от установления союзнических отношений, конфронтации и ненаправленность против третьих сторон» неизменно подтверждался Москвой и Пекином в том числе, в Совместном заявлении о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху (5 июня 2019 года) [4], что позволяет говорить об устойчивости позиций сторон⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Китай в настоящий момент, оценивая ситуацию в международных отношениях, связанную с «осыпанием» постбиполярного миропорядка, исходит из следующих установок:

- США – мировой гегемон, который заинтересован в сохранении своего положения и использует для этого политику силы, стратегию «двойного сдерживания» России и КНР, применяя в качестве инструмента расширение военно-политических блоков;

- Пекин не признаёт нынешний расклад сил на мировой арене как становление биполярного миропорядка и призывает к установлению подлинной многополярности, при которой Китай был бы одним из нескольких центров притяжения, взаимодействующих между собой и с остальным миром в рамках глобального экономического и культурного обмена;

- «Новая холодная война» – процесс, вызванный стремлением США сохранять свою гегемонию, причём в него вовлечён не только Китай, но и Россия;

- Китай отрицает стремление создавать военно-политические блоки, как в двустороннем, так и многостороннем формате.

Следует отметить, что позиция Китая, как это принято подчёркивать в заявлениях МИД КНР, действительно «последовательна и неизменна», даже несмотря на то, что с 2018 года отношения с США резко ухудшились и сейчас достигли состояния системного противостояния. Если до начала китайско-американского декаплинга нежелание Пекина обозначать свои амбиции в качестве кандидата на

⁵ Едва ли не единственным моментом, который можно интерпретировать как наличие вопроса о военном альянсе России и Китая на повестке обсуждения, является ответ Президента РФ В.В. Путина на пленарной сессии Валдайского клуба в 2020 году на вопрос модератора сессии Ф.А. Лукьянова, сославшегося всё на тот же тезис Янь Сюэтуна о возможности такого альянса: «Вообразить всё можно. Мы всегда исходили из того, что наши отношения достигли такой степени взаимодействия и доверия, что мы в этом не нуждаемся, но теоретически вполне можно себе такое представить». В то же время официальный представитель МИД КНР Чжао Лицзянь, отвечая на следующий день после слов Путина на соответствующий вопрос журналиста газеты «Хуаньцю шибао», упомянув о «высоком уровне и особом характере отношений [с Россией]», не стал обсуждать возможность заключения военного союза [6].

роль нового мирового лидера и начать сколачивать вокруг себя военно-политические блоки можно было связывать со стремлением сохранить взаимовыгодные отношения с США, то сейчас ситуация, казалось бы, подталкивает китайское руководство к более решительным шагам. Однако этого по-прежнему не происходит: у КНР до сих пор существуют обязательства военного характера лишь перед одной страной (КНДР), существует лишь одна зарубежная военная база (в Джибути), что несравнимо с теми силами и средствами, которыми располагает Вашингтон. Даже сотрудничество с Россией далеко от заключения формального военного союза.

Безусловно, после февраля 2022 года одним из важных факторов, отпугивающих Китай в возможном движении навстречу альянсу с Россией, является продолжающаяся специальная военная операция на Украине и перспектива военного столкновения со странами НАТО. В то же время, по-видимому, корни этой позиции глубже, и связаны они с тем, что Китай продвигает абсолютно новую, даже не стратегию, а философию международных отношений, предполагающую отказ от опоры исключительно на силу и использование в качестве источника своего международного признания некий моральный авторитет (как это было в случае с Китаем большую часть истории в древности и средневековье). Оттого в текущей внешней политике КНР такое внимание уделяется продвижению концептов, описывающих новый формат взаимоотношений всех стран в мире («сообщество единой судьбы человечества», «глобальные инициативы» и т.д.). Публичный отказ от стремления к единоличному лидерству и формированию военно-политических блоков составляет важный элемент этой философии.

Данная точка зрения закреплена в доктринальных документах правящей Коммунистической партии и, очевидно, отвечает личной позиции китайского лидера Си Цзиньпина. Влияние официальной трактовки международной ситуации в Китае таково, что оно оставляет мало пространства для манёвра для экспертов, придерживающихся иных взглядов. Но нельзя сказать, что оно полностью отсутствует – существует как минимум один голос с альтернативной точкой зрения (что биполярность уже состоялась, что Китаю нужно создавать военно-политические блоки, что нынешние тенденции неизбежно ведут к деглобализации). Он принадлежит авторитетному китайскому международнику, автору популярной «теории морального реализма» Янь Сюэуну. Вероятно, в определённом смысле он выполняет роль «тестировщика» тех внешнеполитических концепций, которые по различным причинам не могут быть пока вложены в уста китайских руководителей или дипломатов. Однако оснований утверждать, что Янь Сюэун озвучивает неформальную позицию Пекина или представляет взгляды значимой части китайской элиты, нет.

ИСТОЧНИКИ

1. Полный текст выступления товарища Си Цзиньпина в Московском государственном институте международных отношений. *Центральное правительство*

КНР. Available at: https://www.gov.cn/ldhd/2013-03/24/content_2360829.htm (accessed 17.04.2024).

2. Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. *Синьхуа*. Available at: <https://russian.news.cn/20221025/b32a2a0cff064246838b0999eedebaa/c.html> (accessed 17.04.2024).

3. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. *Президент России*. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (accessed 17.04.2024).

4. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Кремль. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (accessed 17.04.2024).

5. Михаил Коростиков. «Не понимаю, почему Россия не настаивает на формировании альянса с Китаем». *Коммерсантъ*, 17.03.2017. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3243633> (accessed 17.04.2024).

6. Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on October 23, 2020. *Ministry of Foreign Affairs, People's Republic of China*. Available at: http://mz.china-embassy.gov.cn/por/fyrth/202010/t20201023_6728948.htm (accessed 17.04.2024).

7. Kissinger Says U.S. and China in 'Foothills of a Cold War'. *Bloomberg*, 21.09.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-11-21/kissinger-says-u-s-and-china-in-foothills-of-a-cold-war> (accessed 17.04.2024).

8. Mearsheimer: There's no question we're in a new cold war. *CGTN*, 11.02.2023. Available at: <https://news.cgtn.com/news/2023-02-11/Mearsheimer-There-s-no-question-we-re-in-a-new-cold-war-1h19ZgHvQUE/index.html> (accessed 17.04.2024).

9. Meeting Challenges with Unity of Purpose to Write a New Chapter for Asia-Pacific Cooperation. *Ministry of Foreign Affairs, People's Republic of China*. Available at: https://www.mfa.gov.cn/eng/top-ics_665678/xjpfmgjxzmshwtscxapec/202311/t20231116_11181557.html (accessed 17.04.2024).

10. Remarks by President Obama and President Xi Jinping of the People's Republic of China After Bilateral Meeting. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/08/remarks-president-obama-and-president-xi-jinping-peoples-republic-china-> (accessed 17.04.2024).

11. 外交部副部长乐玉成：AUKUS为新冷战鼓风，有百害无一利 (Вайцзяобу фубучжан Лэ Юйчэн: AUKUS вэй синь лэнчжань гуфэн, ю байхай у или = Заместитель министра иностранных дел Лэ Юйчэн: AUKUS раздувает пламя новой холодной войны, у него сто недостатков и ни одного достоинства). *Министерство иностранных дел КНР*. Available at: http://new.fmprc.gov.cn/wjbxw_673019/202110/t20211012_9552482.shtml (accessed 17.04.2024).

12. 阎学通：中美战略竞争将走向何方 [Янь Сюэтун: Чжунмэй чжаньлюэ цзинчжэн цзян цзоусян хэфан = Куда будет двигаться китайско-американское стратегическое соперничество]. Available at: https://mp.weixin.qq.com/s/cwKqMDFa-jeM6VjCt-GKfg?utm_source=substack&utm_medium=email (accessed 17.04.2024).

13. 阎学通：俄罗斯可以成为中国可靠的盟友吗？ [Янь Сюэтун: Элосы кэи чэнвэй Чжунго кэкао дэ мэнью ма?] Available at: <http://comment.cfisnet.com/2019/1009/1317554.html> (accessed 17.04.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брэндс Х., Гэддис Д. Новая холодная война. *Россия в глобальной политике*, 2022. № 1. С. 150-165.

Громыко А.А. Структуры соперничества и опыт истории. *Современная Европа*, 2016. № 4(70). С. 6-20.

Зуенко И.Ю. Американские санкции в отношении Китая: опыт 1990-2010-х годов. *Россия и Америка в XXI веке*, 2022. № 6. DOI: 10.18254/S207054760023470-4

Зуенко И.Ю. Проблемы восприятия внешней политики КНР как фактор китайско-американского противостояния. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023. № 7. С. 117-126. DOI: 10.31857/S2686673023070106

Караганов С.А. Новая холодная война. *Россия в глобальной политике*, 2008. № 5. С. 44-54.

Кашин В.Б., Тимофеев И.Н. Американско-китайские отношения: к новой холодной войне? Москва, Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2021. – 39 с.

Кортунов А.В. Призраки новых «осей» бродят по Северо-Восточной Азии. *Российский совет по международным делам*, 27.09.2023. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prizraki-novykh-osey-brodyat-po-severo-vostochnoy-azii/> (accessed 17.01.2024).

Мамонов М.Е. «Возвращение» США в Азию. *Российский совет по международным делам*, 22.08.2012. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-ssha-v-aziyu/> (accessed 17.01.2024).

Ознобищев С.К. «Новая холодная война»: воспоминания о будущем. *Политические исследования*, 2016. № 1. С. 60-73.

Рогов С.М. Возможна ли новая «холодная война» между Россией и США? *Россия и Америка в XXI веке*, 2007. № 3. Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=60> (accessed 17.01.2024).

Ян Ц. Как КНР и России избежать новой холодной войны с США и их союзниками. *Россия в глобальной политике*, 2021. № 3. С. 61-63.

李敦球. “新冷战”爆发的五大特征 [Ли Дуньцю. Синь лэнчжань баофа дэ у да тэчжэн = Пять характеристик разразившейся «новой холодной войны»]. *Синьхуа*, 16.07.2016. Available at: http://www.xinhuanet.com/world/2016-07/16/c_12915102.htm (accessed 17.01.2024)

聂宏毅. 第二次“冷战”正在降临?——对美国在东欧部署导弹防御系统的战略分 [Не Хунъи. Ди ар цы «лэнчжань» чжэнцзай цзяньлинь? – Дуй Мэйго цзай Дунъюо бушу даодань фаньюй ситуцн дэ чжаньлюэ фэньси = Вторая холодная война наступает? Стратегический анализ планов США по расширению системы противоракетной обороны в Восточной Европе]. *Гоцзи чжаньван*, 2007. № 5. С. 10-13.

夏国涵. 北约史溯：从“冷战”到“新冷战” [Ся Гохань. Бэйюэ шису: цун «лэнчжань» до «синь лэнчжань» = Развитие НАТО: от «холодной войны» к «новой холодной войне»]. *Шицзе вэньхуа*, 2022. № 5. С. 4-10.

黄靖. 中美间的“新冷战”真不可避免吗 [Хуан Цзин. Чжунмэйцзяньдэ «синь лэнчжань» чжэнь букэ бимянь ма? = Можно ли избежать «новой холодной войны Китая и США?]. *Хуаньцю шибао*, 09.08.2023. Available at: <https://opinion.huanqiu.com/article/4ERqV06rpbt> (accessed 17.01.2024).

贾平凡. 多极化世界加速向我们走来 [Цзя Пинфань. Доцзихуа шицзе цзясу сян вомэнь цзоулай = Многополярный мир, ускоряясь, движется к нам]. *Жэньминь жибао*, 25.12.2021. Available at: <http://world.people.com.cn/n1/2021/1225/c1002-32316701.html> (accessed 17.01.2024).

张文宗;王靖元.美国对中俄实施“双遏制”战略的变化及启示 [Чжан Вэньцзун. Ван Цзинъюань. Мэйго дуй Чжунгэ шиши «шуань сяньчжи» чжаньлюэ дэ бяньхуа цзи циши = Изменения и предпосылки американской концепции “двойного сдерживания” в отношении КНР и России]. *Хэтин юй фачжань*, 2022. № 4. С. 1–21.

张润.中美新冷战何以能够避免：一个建构主义的解释 [Чжан Жунь. Чжунмэй синь лэнчжань кэи нэнгоу бимянь: и гэ цзяньгоучжуи дэ цзеши = Новая холодная война США и КНР не неизбежна: анализ с точки зрения конструктивистской теории]. *Хэнань шицфань дасюэ дэ сюэбао*, 2006. № 1. С. 37–40.

袁鹏. 美俄关系的变与不变——兼议美俄“新冷战”说 [Юань Пэн. Мэйэ гуаньси дэ бянь юй бубянь – цзяньи Мэйэ “синьлэнчжань” шо = Новое и неизменное в отношениях США и России: с отдельным фокусом внимания к «новой холодной войне»]. *Вайцзяо пинлунь*, 2006. № 5. С. 30-35

REFERENCES

Bergsten, F. A Partnership of Equals: How Washington Should Respond to China's Economic Challenge. *Foreign Affairs*, 2008. № 4. P. 57–69.

Bergsten, F. et al. China: The Balance Sheet: What the World Needs to Know Now About the Emerging Superpower. Peterson Institute for International Economics, 2006.

Bergsten, F. Foreign Economic Policy for the Next President. *Foreign Affairs*, 01.03.2004. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/foreign-economic-policy-next-president> (accessed 17.01.2024).

Bergsten, F. Two's Company. *Foreign Affairs*, 01.09.2009. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2009-09-01/twos-company> (accessed 17.01.2024).

Bernal, G. North Korea turns to Russia, China as Asia enters 'Cold War 2.0'. *Nikkei*, 30.07.2023. Available at: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/N-Korea-at-crossroads/North-Korea-turns-to-Russia-China-as-Asia-enters-Cold-War-2.0> (accessed 17.01.2024).

Brands, H., Gaddis, L. Novaia kholodnaja voina [New Cold War]. *Rossii v global'noi politike*, 2022. № 1. P. 150-165. (In Russ.)

Grachikov, E. China in Global Governance: Ideology, Theory, and Instrumentation. *Russia in Global Affairs*, 2020. № 4. P. 132-153. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-4-132-153

Grachikov, E. Chinese School of International Relations. *Russia in Global Affairs*, 2019. № 2. P. 154-173. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-154-173

Gromyko, A.A. Struktury sopernichestva i opyt istorii [Structures of Competition and Experience of History]. *Sovremennaja Evropa*, 2016. № 4(70). P. 6-20. (In Russ.)

Lee Sangsoo. North Korea Is Joining China and Russia in Confronting the US. *Institute for Development and Security Policy*, 2023. Available at: <https://isdsp.se/publication/north-korea-is-joining-china-and-russia-in-confronting-the-us/> (accessed 17.01.2024).

Karaganov, S.A. Novaia kholodnaia voina [New Cold War]. *Rossii v global'noi politike*, 2008. № 5. P. 44-54. (In Russ.)

Kashin, V.B., Timofeev, I.N. Amerikano-kitaiskie otnosheniia: k novoi kholodnoi voine? [US-China Relations: Towards a New Cold War?]. Moscow: Valdai Club, 2021. – 39 p. (In Russ.)

Kortunov, A.V. Prizraki novykh «osei» brodiat po Severo-Vostochnoi Azii [Axis ghosts are walking on North-East Asia]. *Russian International Affairs Council*, 27.09.2023. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prizraki-novykh-osey-brodyat-po-severo-vostochnoy-azii/> (accessed: 17.01.2024). (In Russ.)

Lee Sangsoo. North Korea Is Joining China and Russia in Confronting the US. *Institute for Development and Security Policy*, 2023. Available at: <https://isdsp.se/publication/north-korea-is-joining-china-and-russia-in-confronting-the-us/> (accessed 17.01.2024).

Mamonov, M.E. «Vozvrashhenie» SShA v Aziju (US Return to Asia). *Russian International Affairs Council*, 22.08.2012. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-ssha-v-aziyu/> (accessed: 17.01.2024) (In Russ.).

Oznobishchev, S.K. "Novaia kholodnaia voina": vospominaniia o budushchem [New Cold War: Remembering the Future]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2016. № 1. P. 60-73. (In Russ.).

Rogov, S.M. Is New Cold War Between Russia and USA Possible? *Russia and America in the XXI century*, 2007. № 3. Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=60> (accessed: 17.01.2024).

Yang, C. Kak KNR i Rossii izbezhat' novoi kholodnoi voiny s SShA i ikh soiuznikami [How China and Russia Can Avoid New Cold War Against USA and allies]. *Rossii v global'noi politike*, 2021. № 3. P. 61-63. (In Russ.)

Zuenko, I.Yu. American sanctions towards China: experience of 1990-2010s. *Russia and America in the XXI century*, 2022. № 6. DOI: 10.18254/S207054760023470-4

Zuenko, I.Yu. Problems of PRC foreign policy reception as a factor of US-China decoupling. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2023. № 7. P. 117-126. DOI: 10.31857/S2686673023070106

贾平凡. 多极化世界加速向我们走来 (Jia Pingfan. Multipolar World is Accelerating Moving Towards Us). *Renmin Ribao*, 25.12.2021. Available at: <http://world.people.com.cn/n1/2021/1225/c1002-32316701.html> (accessed: 17.01.2024). (In Chin.)

黄靖. 中美间的“新冷战”真不可避免吗 (Huang Jing. Is It Possible to Avoid a New Cold War Between China and USA?). *Huanqiu shibao*, 09.08.2023. Available at: <https://opinion.huanqiu.com/article/4ERqV06rpbt> (accessed: 17.01.2024). (In Chin.)

李敦球. “新冷战”爆发的五大特征 (Li Dunqiu. Five Characteristics of New Cold War). *Xinhua*, 16.07.2016. Available at: http://www.xinhuanet.com/world/2016-07/16/c_12915102.htm (accessed: 17.01.2024) (In Chin.)

聂宏毅. 第二次“冷战”正在降临? ——对美国在东欧部署导弹防御系统的战略分析 (Nie Hongyi. Second Cold War is Beginning? Strategic Analysis of US Plans for Expanding the Anti-Missiles Defense System in Eastern Europe). *Guoji zhanwan*, 2007. № 5. P. 10-13. (In Chin.)

夏国涵. 北约史溯: 从“冷战”到“新冷战” (Xia Guohan. Development of NATO: from Cold War towards New Cold War). *Shijie wenhua*, 2022. № 5. P. 4-10. (In Chin.)

袁鹏. 美俄关系的变与不变 —— 兼议美俄“新冷战”说 (Yuan Peng. New and Unchanged in Relations Between USA and Russia: with Special Focus on “New Cold War”). *Waijiao Pinglun*, 2006. № 5. P. 30-35. (In Russ.)

张文宗;王靖元. 美国对中俄实施“双遏制”战略的变化及启示 (Zhang Wenjun, Wang Jingyuan. Changes and Factors of American Strategy of ‘Double Containment’ of China and Russia). *Heping yu fazhan*, 2022. № 4. P. 1-21. (In Chin.)

张润. 中美新冷战何以能够避免: 一个建构主义的解释 (Zhang Run. New Cold War between USA and China is Avoidable: Analysis from the Perspective of Constructivist Theory). *Henan Shifan Daxue de Xuebao*, 2006. № 1. P. 37-40. (In Chin.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗУЕНКО Иван Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН).
Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Ivan Yu. ZUENKO, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Center for World Politics Research and Strategical Analysis, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.
32, Nakhimovsky Ave., Moscow 117997, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 05.05.2024 / Received 05.05.2024.

Статья поступила после рецензирования 16.05.2024 / Revised 16.05.2024.

Статья принята к публикации 17.05.2024 / Accepted 17.05.2024.

УДК: 338.14

DOI: 10.31857/S2686673024070055

EDN: YCUEKG

Геополитический треугольник «Россия – США – Китай» в условиях санкционного противоборства

Е.О. Заклязьминская

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

ORCID: 0000-0003-2777-4973

ResearcherID: AAG-5234-2021

e-mail: Ekaterina.zakl@gmail.com

Резюме. В последние годы санкционное давление в треугольнике «Россия – США – Китай» достигло максимальных пределов. Россия стала лидером по количеству наложенных на неё ограничений, давление на Китай со стороны США также непрерывно растёт. Россия стремится минимизировать ущерб от введённых ограничений, Китай во многих важных для развития страны областях уже добился технологического суверенитета и независимости от санкционного давления. Ужесточение санкционного давления на Китай из-за «российского следа» не приводит к охлаждению двусторонних отношений.

В исследовании сделана попытка аргументированно доказать неэффективность введённых санкций. Ограничения не всегда достигают поставленных целей и не приводят к изменению внешнеполитического курса ни России, ни Китая.

Ключевые слова: Китай, США, Россия, санкции, геоэкономика, геополитика.

Для цитирования: Заклязьминская Е.О. Геополитический треугольник «Россия – США – Китай» в условиях санкционного противоборства. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(7): 57–71. DOI: 10.31857/S2686673024070055

EDN: YCUEKG

Geopolitical Triangle "Russia – USA – China" in the Context of Sanctions Confrontation

Ekaterina O. Zakliazminskaia

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

32, Nakhimovsky Ave., 117997, Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-2777-4973

ResearcherID: AAG-5234-2021

e-mail: Ekaterina.zakl@gmail.com

Abstract: The article analyzes Washington's sanctions policy towards Russia and China, the countermeasures taken by Moscow and Beijing, as well as the most acute areas of confrontation between the parties. The main conclusion of the study is the postulate about the ineffectiveness of the imposed sanctions and the failure to achieve the initial goals – changing the foreign policy of the state. Neither Russia nor China intend to change their political course; they actively oppose sanctions and have united with other sanctioned states, which Washington calls «bad actors» in

the international arena due to the uncontrollability of their behavior by the United States. Washington fears the strengthening of these states and the possible formation of new leaders in their regions.

Keywords: China, USA, Russia, sanctions, geoeconomics, geopolitics.

For citation: Zakliazminskaya, E.O. Geopolitical Triangle "Russia – USA – China" in the Context of Sanctions Containment. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (7): 57–71. DOI: 10.31857/S2686673024070055 EDN: YCUEKG

ВВЕДЕНИЕ

Санкционная политика стран Запада в последние годы трансформируется в широкомасштабное многоаспектное санкционное противоборство. США и их союзники стремятся достичь политических целей, используя экономические инструменты. Однако в силу ряда причин введённые ограничения редко приводят к деэскалации конфликтов и решению политических задач. В исследовании прослеживается эффективность экономических санкций, введённых США, оцениваются перспективы Вашингтона достичь поставленных перед страной целей по изменению внешнеполитического курса «вышедших из-под контроля» государств треугольника «Россия – США – Китай».

Санкционной проблематикой последние годы занимаются активно во многих странах мира. Из фундаментальных российских исследований отметим труды экспертов Российского совета по международным делам [Кашин В., Тимофеев И., 2023] и масштабный исследовательский проект по мониторингу противостояния США и Китая, выпущенный коллективом Института мировой экономики и международных отношений РАН [Монитор., 2024]. С точки зрения теоретического осмысления санкционной проблематики, высокую ценность имеют публикации член-корр. РАН, доктора экономических наук Афонцева С.А. [Афонцев, 2022].

На Западе также активно изучают санкционную политику и её последствия. С 2022 года учёных особенно интересует эффективность западных санкций и их воздействие на национальные экономики подсанкционных государств. Ещё один сюжет, находящийся в поле зрения экспертов, – мировой опыт «обхода» санкций со стороны стран-реципиентов. Например, группа западных исследователей анализируют пути преодоления санкционных мер и пакетов, наложенных на Россию и Китай [Gutmann, 2023].

В Китае санкционная проблематика на протяжении последних 35 лет не выпадала из фокуса внимания исследователей из-за длительного периода нахождения страны под санкциями (с 1989 года). Существуют ретроспективные исследования, проведённые ещё до активной фазы санкционного противоборства, начавшейся в 2015-е годы. В 90-е годы XX века китайских учёных интересовали общие направления санкционной политики США после окончания холодной войны [Ли, 1999]. В дальнейшем количество подобных публикаций росло, увеличивалась их специализация. Сейчас санкции Вашингтона изучаются системно и детально.

Китайских учёных интересуют как страновые, например, по отношению к России [Тао, 2023] или Ирану [Тао, 2017], так и секторальные санкции Вашингтона. Например, исследовательской темой часто становится логика санкционного воздействия США на высокотехнологичный сектор КНР [Шань, 2023].

Дизайн нашего исследования представлен изучением санкционной политики Соединённых Штатов в целом, механизмами санкционного давления на Китай и Россию в частности, оценкой последствий для национальных экономик рассматриваемых стран, степенью эффективности ответных мер, а также прогнозами о развитии ситуации в случае дальнейшей эскалации конфликта в треугольнике «Россия – США – Китай».

САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА США

США зачастую видят себя государством, обладающим полномочиями «направлять» другие страны в мировой политике и экономике. Вашингтон считает оправданным введение санкционных механизмов по отношению к государствам, не разделяющим американские ценности. Причём количество подобных «неудобных» стран неуклонно увеличивается: по состоянию на 2024 год более 40 стран находятся под различными ограничениями со стороны Вашингтона [Американские..., 2023].

С XXI века объёмы санкционных списков стремительно растут. Некоторые исследователи связывают данный факт с ослаблением США и исчерпанием других механизмов воздействия, а также с выходом части государств из орбиты интересов США в связи с ростом национальной экономики [Американские..., 2023].

Как правило, Вашингтон использует санкции для корректировки неприемлемого либо нежелательного поведения [Афонцев, 2022]. Обычно можно выделить два сценария: это либо повышение издержек подобного нежелательного Вашингтону поведения, либо ограничения доступа к ресурсам, обеспечивающим подобное поведение. Зачастую оба сценария используются либо одновременно, либо попеременно. Кроме того, присутствует проблема недоучёта последствий введённых санкций для третьих стран. Причём, из событий последних лет очевидно, что данная ситуация приводит к росту ещё большего числа неконтролируемых последствий.

Существует значительное число классификаций санкций. Остановимся на наиболее общей, которая подразделяет санкции на традиционные и таргетированные. Традиционные санкции наносят ущерб непосредственно национальной экономике страны. Но в условиях, когда политические элиты обладают высокой степенью автономии и целевая функция принимаемых ими решений отличается от подобной у большинства населения государства, санкции не меняют внешнеполитических установок страны-реципиента. В связи с данным фактом была разработана доктрина таргетированных санкций, нацеленных на нанесение ущерба интересам политических и экономических элит государства [Афонцев, 2022].

В настоящее время Вашингтон и страны Запада предпочитают не ограничиваться традиционными видами воздействия. В приоритете использование всего арсенала политики сдерживания, в том числе таргетированных санкций, включая персональные ограничения по отношению к элитам «опасного» государства, ограничения на проведение политики «мягкой силы», искажение исторической памяти народа и пр.

В целом, несмотря на богатый опыт, накопленный США в ходе политики санкционного воздействия, ситуация в подсанкционных государствах показывает низкую эффективность ограничительной политики, высокую адаптивность национальных экономик и бесперспективность введения новых санкций, которые для своей легитимизации требуют поисков всё новых предлогов, которые становятся всё менее очевидными для населения как потенциального электората. Граждане страны, вводящей санкции, отчётливо понимают, что давление оказывается также и на невовлечённых в политику жителей данных государств. То есть для легитимизации санкционных решений в обществе проводится ещё и политика умышленного формирования в общественном сознании образа врага и внешней угрозы для того, чтобы введённые санкции вызывали минимальный общественный резонанс.

США находят в каждом из регионов вне своего контроля «внешнего врага»: на Ближнем Востоке – Иран, в Европе – Россия, в Индо-Тихоокеанском пространстве – Китай [2]. Все дальнейшие действия определяются якобы необходимостью поддерживать глобальный мир, хотя наиболее вероятным сценарием является нежелание иметь конкурентов в каком-либо из регионов мира, поскольку названные страны во многих аспектах могут играть стержневую роль в новом мировом порядке, где роль США как гегемона будет утрачена. Наименее желательным сценарием для Вашингтона становится объединение «плохих акторов» друг с другом для координации усилий. Серьёзную озабоченность США вызывает помощь, которую якобы оказывает Китай Ирану в «обходе» международных санкций, а также заявления о «дружбе, не имеющей границ» между Россией и Китаем. В позициях американских сенаторов угрозы от Ирана, России и Китая связаны [2], этим, видимо, и определяется необходимость в дальнейшем снижать потенциал данных государств на мировой арене.

САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ США НА РОССИЮ

Основная цель санкционного давления США на Россию – тотальное разрушение страны при помощи так называемых «интегрированных санкций» [Бубнова, 2022].

США используют весь арсенал инструментов сдерживания. К традиционным санкциям относятся ограничения для банковской, финансовой, инвестиционной, энергетической, транспортной, технологической и других сфер российской эко-

номики. Введены запреты на поставки товаров для укрепления российского национального экономического потенциала. Действуют ограничения на закупки российской продукции. Осуществляются меры, нацеленные на рост издержек сотрудничества с Москвой (например, через уход западных ТНК с российского рынка). В результате давления Россия была вынуждена полностью переориентировать внешнеторговые связи на «дружественные» страны из числа развивающихся.

Вашингтон также вводит таргетированные санкции: затронуты российские элиты, вводятся ограничения, касающиеся их интересов.

Главное направление санкционного давления США в 2024 году – дальнейшая изоляция России теперь не только от стран Запада, но и от партнёров из развивающихся государств. Политика проявляется путём введения «вторичных санкций» для третьих стран за сотрудничество с Россией, поскольку в целом Москва эффективно справляется с санкционным давлением: если в 2022 году ВВП России сократился на 1,2%, то в 2023 году уже наблюдался рост экономики в размере 3,6% [8]. Вашингтон всеми силами противодействует такому положению России.

С 2014 года на страну регулярно накладываются всё новые ограничения. В апреле-мае 2024 года были введены новые таргетированные санкции, которые в очередной раз затронули российские элиты, военные ведомства и НИИ, занимающиеся разработкой военной продукции, а также их партнёров по всему миру. В целом ограничения коснулись более 250 компаний из разных стран [10].

САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ США НА КИТАЙ

Основная цель Вашингтона по отношению к Китаю определяется существенной взаимозависимостью между странами и в первую очередь представляет собой попытку сдерживать развитие КНР. Министерство обороны США называет Китай комплексным и наиболее серьёзным вызовом безопасности Соединённых Штатов [2]. Данный факт определяет и ход санкционного сдерживания, который не может проводиться по российскому сценарию не только из-за связанности США и Китая, но и из-за опасения в угрозе, исходящей в результате роста военной мощи КНР [2].

В политике сдерживания Китая в полной мере проявился парадокс давления, который заключается в том, что, даже осознавая неэффективность введённых санкций, Вашингтон не отказывается от них, а, напротив, усиливает давление, полагая, что ситуация рано или поздно изменится. Китай находится под разнообразными санкциями Вашингтона уже 35 лет, однако изменений внешнеполитического курса в угоду США не наблюдается, напротив, страна укрепляет партийное управление.

С 2021 года под санкционный «меч» попали все конкурентоспособные отрасли народного хозяйства КНР и наиболее перспективные китайские компании [Заклязьминская, 2023]. Если в начале ограничительной политики возникала

обеспокоенность по поводу перспектив развития национальной экономики КНР, которая подтверждалась замедлением темпов роста ВВП (в 2022 году они были крайне низкими для Китая – 3%, однако в 2023 году превысили запланированные показатели и составили 5,2%), то в дальнейшем ситуацию удалось взять под контроль.

На фоне общего ухудшения взаимоотношений со странами Запада снижаются объёмы торгово-экономического сотрудничества Китая с этими государствами [6]. Формируется схожая с российской позиция о необходимости торговли с «дружественными» странами: например, в 2023 году было зафиксировано падение товарооборота Китая с основными участниками политики «сдерживания»: с Тайванем – на 10,7%, с Южной Кореей – на 8,7%, с США – на 6,6%, с Японией – на 5,7%. Среди главных союзников Вашингтона лишь Евросоюз занял умеренную позицию: в 2023 году товарооборот ЕС с Китаем вырос на 4,3% по сравнению с прошлым годом. При этом стремительно растут объёмы торговли с «дружественными» Китаю Афганистаном (на 134,9% в 2023 году), КНДР (на 148,4%), Беларусией (на 74,8%), Монголией (на 42,3%), Россией (на 32,7%) и др. [6].

Уменьшаются объёмы прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в китайскую экономику. В 2023 году они сократились на 8%. В I квартале 2024 года – ещё на 26,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [9]. Сейчас сложно сделать однозначное предположение о том, что определяет снижение объёмов ПИИ – внутренний (политика Пекина, направленная на повышение независимости от внешнего мира) или внешний фактор (влияние напряжённых отношений между странами и опасения новых санкций, определяющих снижение интереса инвесторов).

В изучении санкционной политики нельзя ограничиваться только политическим или же экономическим подходом. Для получения более объективной картины требуется проведение политико-экономического анализа.

Накануне визита госсекретаря США в Китай, состоявшегося в апреле 2024 года, президент США подписал документ, который санкционировал выделить 8,1 млрд долл. на обеспечение «безопасности в Индо-Тихоокеанском пространстве» с фокусом на Китае. США пытаются представить КНР «агрессором» в регионе [2], убеждая страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в неизбежности «красной» угрозы. Кроме того, президент США дал указание выделить дополнительные 2 млрд долл. на финансирование Тайваня и союзников [5].

В 2024 году основным поводом для введения новых санкций в отношении Китая снова стал «российский след». Было усилено давление на китайские банки, принимающие транзакции из России, введены «вторичные санкции» по отношению к четырём китайским компаниям – производителям электронной продукции по 13-му пакету санкций ЕС против России. На данный шаг Брюссель пошёл впервые с начала обмена санкционными пакетами. В мае 2024 года состоялся визит Си Цзиньпина во Францию, Сербию и Венгрию, во время которого стороны

обсуждали санкционную политику Евросоюза в отношении КНР. Си Цзиньпин в своей статье для французского журнала «Фигаро» также привёл цитату французского писателя Р. Роллана о необходимости самостоятельного мышления и неприемлемости ситуации внешнего руководства [11], намекая на внешнее давление на Евросоюз со стороны США.

1 мая 2024 года США включили ещё 21 китайскую компанию в санкционные списки из-за информации о причастности к украинскому конфликту [10]. В середине мая 2024 года состоялся визит президента России В.В. Путина в Китай, где в приватной беседе лидеры двух государств обсудили сложившуюся ситуацию и разработали план действий, нацеленный на минимизацию последствий для двусторонней торговли.

КОНТРСАНКЦИИ КИТАЯ

Пекин не планировал и в целом не мог проводить симметричную Вашингтону политику сдерживания. Но ряд чувствительных мер контроля были введены.

Изначально Пекин намеревался ограничить поставки элементов для производства солнечных батарей, но от подобной идеи быстро отказались, поскольку она в первую очередь оказала бы негативное влияние на китайских производителей.

В дальнейшем было принято компромиссное решение – в августе 2023 года Пекин ввёл ограничения на экспорт из Китая ряда редкоземельных металлов (в частности, галлия и германия), которые требуются для высокотехнологичного производства. На Китай давят на более высоком этапе производственной цепочки высокотехнологичных товаров, ограничивая поставки микроэлектронных компонентов и оборудования для их производства. Страна же решила ограничить возможности использования сырья для подобных разработок (галлия – для производства полупроводников; германия – для оптоволоконных кабелей и солнечных панелей). Таким образом, Пекин получил преимущество в дальнейшем переговорном процессе по вопросу ограничений в поставках полупроводников. В выпуске солнечных панелей страна лидирует и, вводя запреты на поставки германия, сможет ограничить производственные возможности своих западных конкурентов.

Второе и последнее направление, которое можно отнести и к контрсанкциям, и к вяло текущей торговой войне – это введение пошлин в размере 43,5% на импорт пропионовой кислоты из США. Этот товар более чем на 99% поставляется из Штатов. Таким был главный ответ Пекина на намерения американской стороны повысить пошлины на сталь и алюминий, в производстве которых Китай существенно опережает другие страны мира.

В целом Пекин решил не проводить схожую с американской агрессивную политику сдерживания, а вместо этого развивать собственный научно-технический потенциал. Выбранный сценарий себя оправдал, сделав Китай неуязвимым к некоторым инструментам давления Вашингтона. Для названных целей в 2023 году страна на 8,1% увеличила научные бюджеты (сумма стала эквивалентна 2,6% ВВП КНР), на 2024 год был запланирован ещё 10%-ный рост расходов на НИОКР [9]. Значительные средства направлялись в фонд полупроводниковой промышленности КНР. На 2024 год показатель был запланирован в размере 27 млрд долл. Первые результаты уже были продемонстрированы общественности, что свидетельствует о стремительном сокращении технологического разрыва между Китаем и Западом.

КОНТРСАНКЦИИ РОССИИ

Россия в большей степени ограничена в возможностях симметричного ответа, поскольку в мировом разделении труда стране долгое время было невыгодно развивать некоторые отрасли народного хозяйства из-за дешевого импорта. В связи с этим к началу санкционного противостояния в 2014 году Россия, как и большинство стран мира, не обладала полным технологическим суверенитетом.

Основными механизмами противодействия санкциям, которые ввела Москва, стали:

Во-первых, разделение государств на «дружественные» и «недружественные» в зависимости от проводимой по отношению к России политики;

Во-вторых, легализация параллельного импорта для возможностей поставок необходимой продукции из «недружественных» государств;

В-третьих, легализация использования результатов интеллектуальной деятельности, выраженных в товарах;

В-четвёртых, экспортные ограничения на поставки нефти, газа, вертолётов, беспилотников, бронежилетов, бронированных автомобилей и пр. в некоторые страны;

В-пятых, симметричное со странами Запада введение ограничений по линии международного сотрудничества и персональных санкций.

Россия использовала также инструментарий традиционных и таргетированных санкций. Однако ограничения вводились с учётом того, что санкционный ответ может ударить в первую очередь по отечественным производителям.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ КНР И США В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОМ СЕКТОРЕ

Наиболее чувствительной сферой для обмена санкциями является высокотехнологичный сектор. Первым направлением противостояния между США и КНР стала телекоммуникационная отрасль. Под санкции попали крупные китайские

компании «Хуавей» (*Huawei*) и Зе-ти-и (*ZTE*), которые начали демонстрировать успехи в развитии технологий мобильной связи пятого поколения (5G) [Заклязьминская, 2023].

В дальнейшем наиболее значительными стали ограничения для китайской микроэлектронной отрасли. Все возможности страны по закупке импортных компонентов для производства микрочипов были фактически заблокированы и охват санкциями регулярно растёт. США ввели ограничения даже для компаний из КНР, снабжающих полупроводниками китайскую «Хуавей», лидера по высокотехнологичным разработкам в стране, хотя вся цепочка поставок находится внутри Китая.

КНР уверенно взяла курс на преодоление технологической зависимости от государств Запада. «Хуавей» в свою очередь не будет поддерживать приложения «Андроид» (*Android*), американской ОС, планируется дальнейшее развитие национальной платформы *Harmony OS Next*. С 2027 года в Китае будет действовать запрет на использование оборудования американских компаний «Интел» и «Эй-эм-ди» (*AMD*).

По результатам 2023 года Китай по-прежнему лидирует в мировом импорте микрочипов (было импортировано этой продукции на 350 млрд долл. [6]). Однако за последние годы страна достигла существенного уровня локализации выпуска данной товарной группы. В 2023 году производство микрочипов было локализовано на 80%. В планах властей добиться 100% локализации уже в 2024 году.

Обозначенные цели будут достигнуты за счёт новых китайских изобретений. В частности, «Хуавей» и «Эс-эм-ай-си» (*SMIC*) разработали оборудование для производства микрочипов 5-нм (в настоящий момент наиболее передовой формат – 3 нм) при помощи технологии *SAQP* (четырёхкратного нанесения). В 2024 году в Китае будет функционировать 51 завод микрочипов, планируется построить ещё 32 завода. Таким образом, Китай снизит импортные закупки и станет неуязвим к любому виду давления со стороны стран Запада.

О китайских успехах в микроэлектронике свидетельствует тот факт, что американская «Энвидиа» (*Nvidia*) определила «Хуавей» как главного конкурента (прежде всего, в чипах для ИИ), поэтому Вашингтону приходится переориентировать санкции и нацеливаться не на высокотехнологичный сектор, обеспечивающий развитие прорывных технологий, а на наиболее масштабный производственный сектор и перепроизводящие отрасли народного хозяйства, которые были в значительном объёме накоплены Китаем за годы реформ.

УСИЛИЯ РОССИИ В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ

Продолжение российских разработок в области высоких технологий вызывает значительное неодобрение со стороны стран Запада.

Несмотря на беспрецедентный объём санкций, у России имеются достижения в атомной энергетике (например, реактор по проекту «Прорыв» со свинцом в качестве теплоносителя), в космосе (ракета «Ангара»), в авиации (разработка авиалайнера с углепластиковым крылом, создание авиадвигателей – аналогов западным), в кораблестроении (создание промышленных танкеров, крупных сухих доков) и пр.

Российские государственные компании также намерены отказаться от западного ПО и перейти на отечественное уже к 2025 году.

Все это позволит минимизировать ущерб от санкций и продолжит устойчивое развитие государства во враждебной внешней среде.

НОВЫЙ ВИТОК КОНКУРЕНЦИИ КИТАЯ И США В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОМ СЕКТОРЕ

Китай продолжает осуществлять передовые, а не только «догоняющие» разработки, способствуя началу нового витка конкуренции со странами Запада.

В ноябре 2023 года страна предъявила свои амбиции в области глобального управления ИИ, которые, разумеется, не удовлетворили Вашингтон. Пекин аргументировал необходимость возглавить работу в данной области из-за более высокой эффективности внедрения в обычную жизнь достижений ИИ в Китае. Например, количество аварий на железнодорожном транспорте в КНР меньше, чем в США (там, в частности, с рельс сходит по три состава в день [3]).

Китай завершил совместные с Россией разработки спутникового квантового защищённого канала связи длиной 3800 км. Данные изобретения тоже являются уникальными. В настоящее время ведётся гонка за мировое лидерство в квантовых разработках, и Китай находится в списке лидеров. Страна показывает успехи не только в создании новых технологий, но и в совершенствовании уже имеющихся: значительны успехи Китая в автоматизации производства: на страну уже приходится около 52% мирового объёма промышленных роботов.

В последние годы сделан значительный рывок в автомобилестроении. С 2023 года Китай – крупнейший мировой экспортёр автомобилей, а в 2024 году в США было инициировано расследование в отношении китайских автомобилей на наличие «угроз безопасности США» [4]. Подобным же образом отреагировали европейские производители электромобилей, начавшие терять свои позиции, уступая китайским конкурентам [7]. К началу расследования около 25% всех продаж электромобилей приходились на китайские бренды. Выпущенный в 2024 году электромобиль китайской компании «Сяоми» стал прямым конкурентом 3-й модели от «Тесла». По некоторым характеристикам китайскому аналогу даже удалось превзойти продукцию американского бренда. В 2023–2024 годах

США приступили к субсидированию производства электромобилей. Аналогичные расследования были инициированы и в отношении солнечных панелей из Китая [1], на китайские панели приходится примерно три четверти мирового производства данной продукции.

Успех Китая во многом был обеспечен за счёт эффекта масштаба в реализации проектов электромобилей и строительства СЭС. Введя ограничения для ключевых для Китая рынков, эффект масштаба для производителей данных товаров в стране будет снижаться, сопутствующим образом будет падать конкурентоспособность китайской промышленности.

Можно сделать вывод о том, что любой успех незападного мира в высокотехнологичных разработках столкнётся с давлением со стороны западных стран. Данная позиция противоречит идеям глобализации и честной рыночной конкуренции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КРАТКОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ

Резюмируя анализ санкционного противостояния в треугольнике «Россия – США – Китай», сделаем следующие выводы:

Во-первых, санкционное давление приводит к неожиданным последствиям – в первую очередь, к сплочению западных стран и поискам альтернатив гегемонии стран Запада.

Во-вторых, новая, более справедливая многополярность, которая складывается стихийно вне позиций Вашингтона, предполагает «перенастройку» глобальных цепочек добавленной стоимости, где политические факторы («дружественности» и «недружественности») выходят на первый план.

В-третьих, страны Глобального Юга заинтересованы в альтернативных Западу форматах – количество участников в форматах БРИКС и ШОС растёт.

В-четвёртых, санкции не достигают своих изначальных целей. Они лишь разрушают действующий мировой порядок. Глобализацию уже не остановить, однако «новая» глобализация идёт иными маршрутами.

Позиция Соединённых Штатов заключается в том, что единственный способ поддержания мира – это сила [2]. Причём руководство страны апеллирует к истории и вспоминает президента Рональда Рейгана, который находился у власти в критически важный, по мнению местных элит, для страны момент с 1981 по 1989 год. Его многие считают непосредственно причастным к «распаду» Советского Союза. В заявлениях США говорится о том, что нынешняя ситуация чем-то схожа и требуется скорейшее подавление «неудобных» государств, которыми стали Россия и Китай.

Единственный способ, которым можно оправдать новые санкции, применяемые к Китаю и России, – это приравнять эти государства, вместе с Ираном и КНДР, к агрессорам наподобие Германии, Италии и Японии 40-х годов XX века [2], перевернув историю «с ног на голову». Понимая бесперспективность новых

санкций для Китая и тот факт, что единственный их потенциально желательный эффект, который в теории может воплотиться в жизнь, – это возможное охлаждение отношений между Китаем и Россией, США выступили с новой инициативой – начать борьбу с китайскими избыточными мощностями, то есть высказали намерение разрушить Китай как «мировую фабрику», уничтожив тот актив, который позволил стране ликвидировать бедность и стать второй экономикой мира.

ИСТОЧНИКИ

1. EU: Anti-dumping probe into China solar panels. *Yahoo.news*. Available at: <https://news.yahoo.com/news/eu-anti-dumping-probe-china-072516900.html?> (accessed: 06.05.2024).

2. Proceeding and debates of the 118th Congress, second session. Available at: <https://www.congress.gov/118/crec/2024/04/23/170/71/CREC-2024-04-23-pt1-PgS2943-8.pdf> (accessed: 01.05.2024).

3. There are about 3 U.S. train derailments per day. They aren't usually major disasters. *NPR*. Available at: <https://www.npr.org/2023/03/09/1161921856/there-are-about-3-u-s-train-derailments-per-day-they-arent-usually-major-disaster> (accessed: 08.05.2024).

4. Байден инициировал расследование в отношении китайских авто из-за угроз безопасности США. *TACC*. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20120013> (accessed: 06.05.2024).

5. В США предложили выделить \$8,1 млрд на поддержку Тайваня и других союзников в регионе. *TACC*. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20578645> (accessed: 06.05.2024).

6. Государственное таможенное управление КНР. Available at: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302277/4899681/index.html> (accessed: 01.05.2024).

7. Еврокомиссия проведет расследование субсидирования электромобилей КНР. *Ведомости*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/auto/articles/2023/09/14/995080-evrokomissiya-provedet-rassledovanie-subsidirovaniya-el-ektromobilei-kr> (accessed: 06.05.2024).

8. Росстат. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (accessed: 05.05.2024).

9. С января по март 2024 года страна привлекла 301,67 млрд юаней иностранных инвестиций. : [2024 年 1—3 月全国吸收外资 3016.7 亿元人民币 Available at: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202404/content_6946427.htm (accessed: 01.05.2024).

10. США ввели санкции против авиакомпании «Победа» и еще более 250 юрлиц. *Коммерсант*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6679781> (accessed: 08.05.2024).

11. *Xi Jinping*: «Je viens en France avec trois messages de la Chine». *Le Figaro*. Available at: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/xi-jinping-je-viens-en-france-avec-trois-messages-de-la-chine-20240505> (accessed: 01.05.2024) (In French).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афонцев С.А. Политические парадоксы экономических санкций. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022. № 3 (55). С. 193–198. DOI 10.31737/2221-2264-2022-55-3-10

Бубнова Н.И. Тотальные санкции запада против России в контексте «интегрированного сдерживания». *Общественные науки и современность*. 2022. № 6. С. 7–22. DOI 10.31857/S0869049922060016

Заклязьминская, Е.О. Санкционное противостояние Китая и США: к формированию новой архитектуры мировой экономики. *ЭКО*. 2023. № 12(594). С. 48–70. DOI 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-12-48-70 EDN SEMOEK

Кашин В., Тимофеев И. Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? *Политика санкций: цели, стратегии, инструменты. Хрестоматия. И. Тимофеев, К. Троцкая, П. Чуприянова. М., 2023. С. 390–424.*

Ли Сяохуа (李小华) (1999). Экономические санкции в дипломатии США после холодной войны – пример Гаити: [冷战后美国外交中的经济制裁 – 对海地的个案分析]. *国际政治研究*, 1999(3):7. DOI:CNKI:SUN:GJZY.0.1999-03-009

Монитор противостояния США – Китай 2023 / под ред. В.Ю. Журавлевой, А.А. Бреславцевой. – Москва : ИМЭМО РАН, 2024. – 117 с. – ISBN 978-5-9535-0626-7. – DOI 10.20542/978-5-9535-0626-7

Американские гегемонизм, тирания и буллинг и их угроза [美国的霸权霸道霸凌及其危害] 20.02.2023. МИД КНР. Available at: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bmdyys_673629/xwlb_673631/202302/t20230220_11027619.shtml (accessed: 06.05.2024).

Тао Шигуй (陶士贵) (2023). Новые прорывы в финансовых санкциях США против России и инновационные меры противодействия России в рамках игры великой державы: примеры и источники вдохновения [大国博弈下美国对俄金融制裁新突破与俄反制创新:例证及启示]. *太平洋学报*, 2023, 31(9):39–49.

Тао Шигуй, Не Лэй (陶士贵, 聂蕾) (2017). Мотивация, влияние и просвещение экономических и финансовых санкций США в отношении Ирана [美国对伊朗经济金融制裁的动因、影响及启示]. *南京邮电大学学报: 社会科学版*, 2017, 19(4):8. DOI:10.3969/j.issn.1673-5420.2017.04.011

Шань Вэньцзе, Цинь Чжэнь, Лу Линь (单文杰, 秦秦, 吕琳) (2023). Исследование влияния и мер противодействия санкциям США на китайские высокотехнологичные предприятия [美对中国高科技企业制裁的影响与对策研究] *军民两用技术与产品*, 2023(4):19–22.

REFERENCES

Gutmann, J., Neuenkirch, M., Neumeier, F. (2023). Do China and Russia undermine Western sanctions? Evidence from DiD and event study estimation. *Review of International Economics*. 32. 10.1111/roie.12716.

Afoncev, S.A. Politicheskie paradoksy ekonomicheskikh sanktsii [Political paradoxes of economic sanctions]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy associacii*. 2022. № 3 (55). P. 193–198. DOI 10.31737/2221-2264-2022-55-3-10. (In Russian).

Bubnova, N.I. Total'nye sanktsii zapada protiv Rossii v kontekste «integrirovannogo sderzhivaniia» [Total Western sanctions against Russia in the context of “integrated deterrence.”]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2022. № 6. S. 7–22. DOI 10.31857/S0869049922060016. (In Russian).

Zaklyaz'minskaya, E.O. (2023) Sanktsionnoe protivostoianie Kitaia i SShA: k formirovaniu novoi arkhitektury mirovoi ekonomiki [The sanctions confrontation between China and the United States: towards the formation of a new architecture of the world economy]. *EKO*. – 2023. – № 12(594). – S. 48–70. – DOI 10.30680/ECO0131-7652-2023-12-48-70. – EDN SEMOEK. (In Russian).

Kashin V., Timofeev I. (2023). Amerikano-kitaiskie otnosheniia: k novoi kholodnoi voine? [US-China relations: towards a new Cold War?]. *Politika sanktsii: tseli, strategii, instrumenty. Hrestomatiya. I. Timofeev, K. Trockaya, P. Chupriyanova*. Moscow, 2023. P. 390–424. (In Russian).

Li Xiaohua (李小花) (1999). Economic Sanctions in U.S. Diplomacy after the Cold War – A Case Study of Haiti. [冷战后美国外交中的经济制裁 – 对海地的个案分析]. *国际政治研究*, 1999(3):7. DOI:CNKI:SUN:GJZY.0.1999-03-009 (in Chinese).

Monitor protivostoyaniia SShA – Kitai 2023 [US-China Confrontation Monitor 2023] / ed. by V.Yu. Zhuravleva, A.A. Breslavtseva. Moscow: IMEMO RAN, 2024. – 117 p. – ISBN 978-5-9535-0626-7. – DOI 10.20542/978-5-9535-0626-7. (In Russian).

American Hegemony, Bullying and Its Harms. [美国的霸权霸道霸凌及其危害.] 20.02.2023. МИД КНР. Available at: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bmdyys_673629/xwlb_673631/t20230220_11027619.shtml (accessed: 01.06.2023) (In Chinese).

Shan Wenjie, Qin Zhen, Lu Lin (单文杰, 秦秦, 吕琳) (2023). Research on the impact and countermeasures of US sanctions on Chinese high-tech enterprises. [美对

中国高科技企业制裁的影响与对策研究]. *军民两用技术与产品*, 2023(4):19-22. (In Chinese).

Li Xiaohua (李小华) (1999). Economic Sanctions in U.S. Diplomacy after the Cold War – A Case Study of Haiti. [冷战后美国外交中的经济制裁——对海地的个案分析]. *国际政治研究*, 1999(3):7. DOI: CNKI:SUN:GJZY.0.1999-03-009 (In Chinese).

Tao Shigui, Nie Lei (陶士贵, 聂蕾) (2017). The motivation, impact and enlightenment of the economic and financial sanctions imposed by the United States on Iran [美国对伊朗经济金融制裁的动因、影响及启示]. *南京邮电大学学报：社会科学版*, 2017, 19(4):8. DOI:10.3969/j.issn.1673-5420.2017.04.011 (In Chinese).

Tao Shigui (陶士贵) (2023). New breakthroughs in U.S. financial sanctions against Russia under the game of great powers and Russia's innovation in countermeasures: examples and inspirations : [大国博弈下美国对俄金融制裁新突破与俄反制创新:例证及启示]. *太平洋学报*, 2023, 31(9):39-49 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗАКЛЯЗЬМИНСКАЯ Екатерина Олеговна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН), Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Ekaterina O. ZAKLIAZMINSKAIA, Candidate of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Centre of World Politics and Strategic Analysis, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. 32, Nakhimovsky Ave., 117997 Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 09.05.2024 / Received 09.05.2024.

Статья поступила после рецензирования 20.05.2024 / Revised 20.05.2024.

Статья принята к публикации 21.05.2024 / Accepted 21.05.2024.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024070063

EDN: YCRRDQ

Китайский фактор в отношениях США и Индии: динамика и перспективы

С.В. Уянаев

*Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН)
117218, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32.*

Scopus: 23486790800 ORCID:0000-0002-5471-8224 e-mail: svuyav@yahoo.com

Резюме. Роль «китайского фактора» в поступательном развитии отношений США и Индии не один год является актуальным предметом исследований. Влияние КНР на мотивы сближения в официальной американо-индийской повестке не афишируется, однако присутствует в ней де-факто. Не являясь для Вашингтона и Нью-Дели единственным стимулом встречных интересов, фактор «Китая» имеет, тем не менее, устойчивый характер. Целью данной статьи служит попытка проследить динамику «китайского фактора» в американо-индийских отношениях с начала текущего века, когда в них стартовал период нарастающего укрепления. Рассматриваются текущие и прогнозные взаимозависимости между интенсивностью связей двух стран и характером отношений каждой из них со стремительно развивающейся КНР.

Ключевые слова: США, Индия, Китай, фактор, сдерживание, стратегия ИТР.

Для цитирования: Уянаев С.В. Китайский фактор в отношениях США и Индии: динамика и перспективы. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(7): 72–86. DOI: 10.31857/S2686673024070063 EDN: YCRRDQ

The Chinese Factor in Relations between the USA and India: Dynamics and Prospects

Sergey V. Uyanaev

*Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS),
32 Nahimovsky prosp., Moscow, 117218, Russian Federation.*

Scopus: 23486790800 ORCID:0000-0002-5471-8224 e-mail: svuyav@yahoo.com

Abstract. The “China factor” is a rare item in the official agenda of the interstate dialogue between the United States and India. Nevertheless, the influence of Chinese policies on the nature of US-India relations is widely recognized not only at the expert level but also on the political sidelines, particularly in the United States. The “China factor” is not the only motive for the rapprochement between Washington and New Delhi, but its role is quite stable. This article makes an attempt to trace the dynamics of the Chinese factor in American-Indian relations from the beginning of this century when the accelerated strengthening of bilateral ties has started. The author examines the interdependence between the intensity of the US-India dialogue and the nature of the relations of each of the two countries with the rapidly developing PRC. Some scenario forecasts have been formulated.

Keywords: the US, China, India, factor, deterrence, Indo-Pacific strategy.

For citation: Uyanaev, S.V. The Chinese Factor in Relations between the USA and India: Dynamics and Prospects. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 54 (7): 72–86. DOI: 10.31857/S2686673024070063 EDN: YCRRDQ

ВВЕДЕНИЕ

Фактор Китая, будучи одним из движущих мотивов поступательно развивающихся в последние десятилетия американо-индийских отношений, не один год является объектом пристального внимания политиков и экспертов. Причём, если на официальном уровне в США и в Индии данная тема носит, как правило, завуалированный характер, часто облекается в формулу «учёта политики отдельных стран», то в работах экспертов-страноведов роль «китайского фактора», явно влияющего на главные тренды связей Вашингтона и Нью-Дели, обсуждается весьма откровенно. Неслучайно вышедшее недавно в Индии очередное специальное исследование, имея показательный заголовок – «Подъём Китая и его влияние на стратегические отношения между Индией и США», обозначило целью изучение не только самого китайского фактора, но и «стратегических ответов, принятых обеими странами» [Singh, 2023: 1].

Сразу оговоримся, что наличие в нынешнем американо-индийском диалоге свыше полусотни разнообразных переговорных дорожек – от торговли и военнотехнического сотрудничества (ВТС) до энергетики и культуры – хорошо показывает, что фактор КНР отнюдь не исчерпывает сложившуюся за последние полтора десятилетия весьма насыщенную двустороннюю повестку [Уянаев, 2020: 18–23]. Но его присутствие является устойчивым, а порой и нарастающим.

НЕДАВНЯЯ ИСТОРИЯ

В политологических разработках на тему «США – Индия» повышенное внимание к особому, самостоятельному месту в ней китайского фактора стало проявляться в начале текущего века. При этом нельзя не заметить, что наблюдалась достаточно очевидная корреляция «фактора Китая» как с общей динамикой американо-индийских связей, так и с теми событиями, которые проходили в отношениях США и Индии со стремительно развивавшейся в последние десятилетия КНР. Чем более очевидным становился ускоренный и комплексный рост Китая, тем чаще «китайский» вопрос прямо или косвенно звучал в двустороннем диалоге США и Индии и, как правило, тем более статусной и насыщенной становилась повестка этого диалога в целом.

Как известно, отношения США и Индии – весьма сдержанные в прошлую bipolarную эпоху, а затем пережившие упадок периода антииндийских санкций США в связи с ядерными испытаниями в мае 1998 года на полигоне Похран – в начале 2000-х годов вступили в полосу оживления. И если до этого фактор

Китая для связей двух стран не выглядел остро актуальным, то уже, скажем, в середине 2000-х годов о нём заговорили достаточно громко. Вспомним недавнюю историю. В 2000 году состоялся первый за многие годы визит президента США в Индию, и свои комментарии к нему американские специалисты начинали в основном с экономических мотивов. Указывалось, в частности, что поездка Б. Клинтона сулит многообещающие перспективы освоения индийского энергетического и телекоммуникационного рынка. Однако следующими пунктами симптоматично подчеркивались другие важные стимулы: не только известный тезис о логичности «сотрудничества двух крупнейших мировых демократий», но и возможность «прощупать перспективы более тесных стратегических связей» [1].

А в редакционной статье, которую британский «Экономист» (*The Economist*) опубликовал накануне визита Клинтона, вслед за анализом, посвящённым взаимному сближению по проблеме Кашмира, рассматривался уже конкретно «китайский фактор». Откровенные рассуждения на этот счёт звучали тогда не часто. Тем более показательно, что в материале присутствовал отдельный раздел с говорящим названием «Приглядываемся к Китаю». «Второй момент сближения индийских и американских интересов, – подчёркивали авторы, – это тот, который в ходе этого визита, возможно, не получит открытого упоминания. Он заключается в том, что некоторые стратеги начинают думать об Индии как о противовесе Китаю». В комментарии особо подчёркивалось, что сторонники сближения на основе «антикитайского» стимула, «мечтающие о стратегическом партнёрстве между двумя великими демократиями», есть «как в Индии, так и в Америке» [Spesial, 2000].

В дальнейшем такого рода оценки стали появляться всё чаще и превратились практически в норму. Так, в преддверии визита Дж. Буша-младшего в Индию в начале 2006 года американские эксперты уже откровенно указывали, что «рассматривают укрепление отношений США с Индией как часть долгосрочных усилий по ограничению влияния Китая в Азии». О встречном, по сути, движении говорили и в Индии. И если политики в Нью-Дели чаще предпочитали завуалированный язык, то эксперты-политологи (например, профессор С. Гангули из Университета Индианы в Блумингтоне) высказывались откровенно и подчёркивали, что толчком для Индии служит «озабоченность растущим статусом КНР». А потому делался вывод, что Индия стремится «к более тесным отношениям с США как для улучшения своего общего положения в регионе, так и конкретно для укрепления своих позиций перед лицом Китая и Пакистана» [Pan, 2006].

К слову, сходные оценки изначально важной для Индии «роли китайского фактора, которую не стоит недооценивать», характерны и для российских специалистов: анализируя начальный период оживления американо-индийских отношений, они отмечают, что прежние надежды Индии «сдержать Пекин собственными силами» уступили место пониманию, что на фоне начавшегося китайско-

го подъёма лишь США «остаются незаменимым источником внешней поддержки» [Кортунов, 2023]. Немалую лепту в укрепление такого видения внесли не прошедшие незамеченными события в индийско-американских отношениях в 2005–2008 годах, когда Вашингтон пошёл на заметную либерализацию для Индии режима доступа к гражданским ядерным технологиям [Уянаев, 2009: 23]. Заключённую в эти годы так называемую индийско-американскую «ядерную сделку» многие эксперты прямо связали с попытками США вовлечь Нью-Дели в американские планы «сдерживания Китая».

В самой КНР, испытывая очевидную обеспокоенность, старались, тем не менее, реагировать осторожно. Но тот же «Экономист» откровенно писал: «Испытывая известное смущение, эксперты редко указывают на подъём Китая как на реальный аргумент, в силу которого США открывают ядерные двери для Индии. Однако, возможно, именно этот китайский фактор является фундаментальным импульсом, стоящим за американским подходом» [2].

В дальнейшем в оценке стимулов развивающейся американо-индийской повестки такой экспертный «угол» стал практически постоянным и неизменным. Тем более, что в начале 2010-х Вашингтон объявил о новом витке своей региональной политики, названном «возвратом в Азию» [3]. В комментариях политологов на эту тему акцент на «китайский фактор» лишь усилился. Подчёркивалось, что одним из важных элементов «обновлённой» американской стратегии в регионе служит «сближение с Индией в целях уравновесить мощный подъём Китая». Именно в этом контексте многие интерпретировали тогда слова заместителя госсекретаря США Уильяма Бёрнса, который в 2011 году чётко заявил: «Никогда ещё не было момента, когда Индия и Америка значили бы больше друг для друга. И никогда ещё не было момента, когда партнёрство между Индией и Америкой имело бы большее значение для остального мира» [4]. Хотя видный американский дипломат воздержался от «расшифровки деталей», было ясно, что за кулисами «виделся Китай», который лишь за первое десятилетие нового века почти утроил свою долю в объёме мировой экономики. Согласно данным МВФ, доля КНР в мировом ВВП с 2001 по 2010 год возросла с 3,5 до 9,1%. Не случайными для общей картины этого периода стали два события – подписание в 2005 году документа «Новые рамки отношений в сфере обороны», а также организация новой переговорной платформы – американо-индийского Стратегического диалога, первый раунд которого прошёл в июне 2010 года. В отношениях Вашингтона и Нью-Дели практически утвердилась ситуация, когда понятия «обеспечение безопасности» и «оборонное сотрудничество» означали, как правило, прежде всего, «противодействие» политике КНР.

Иными словами, трудно не заметить, что с начала века имели место несколько взаимосвязанных явлений – развитие американо-индийского диалога, параллельный рост в нём удельного веса китайского фактора, и всё это вместе – на фоне стремительного комплексного усиления самой КНР. Однако было бы опрометчивым не учитывать, что практически эти же годы (с начала века почти

до конца 2010-х годов) были также и временем устойчивого развития связей между Индией и Китаем, которые в 2005 году обрели статус отношений стратегического партнёрства. Казалось бы, эта ситуация плохо совмещалась со стратегией индийско-американского сближения «перед лицом КНР». Но два процесса шли в это период практически параллельно, поскольку, как справедливо указывали некоторые эксперты, факт развития отношений Пекина и Нью-Дели не снимал с повестки дня их «исторический взаимный антагонизм, порожденный территориальными спорами и региональной конкуренцией» [Шур, 2021: 583]. В целом такая картина лишь подчеркивала сложный характер взаимоотношений в реально сложившемся американо-индийско-китайском «треугольнике взаимовлияния». Каждая из сторон стремилась (и делает это сейчас) обеспечить себе в его рамках наиболее предпочтительные позиции.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ НАРЕНДРЫ МОДИ

Интересно, что в 2013 году наблюдатели отметили некоторую сдержанность в развитии двустороннего диалога, которую многие списали, в частности, на дипломатический скандал в связи с арестом в США индийского дипломата, якобы уличённого «в мошенничестве». Можно говорить о совпадении, но именно в этот момент «китайская тема» в оценках стимулов американо-индийских связей заметно стихла. Например, она практически не звучала в аналитическом комментарии «Нью-Йорк Таймс» (*The New York Times*) к переговорам президента Б. Обамы и премьер-министра М. Сингха в сентябре 2013 года. Зато показательным стало указание на «низкие ожидания» от этой встречи [16].

Стоит сказать, что этому визиту предшествовал определённый спад, который наблюдался в частоте американо-индийских встреч на высшем уровне в целом. Если иметь в виду не только взаимные визиты, но и переговоры на полях международных форумов, то в 2010–2013 годах их было всего 4 – вдвое меньше, чем, скажем, в 2006–2009 годах.

На то, что это может иметь отношение, в том числе, к китайскому фактору, указывают ряд обстоятельств. Именно в этот период Вашингтон в своём диалоге с Пекином проталкивали идею «совместного с Китаем глобального формата G2». Кроме того, как сказано выше, параллельно пыталась выровнять свои отношения с КНР и Индия. Хотя на спаде могли сказаться другие факторы. Были, например, признаки того, что Индию «задело» американское внимание к Пакистану как главному посреднику в Афганистане, она была недовольна отсутствием подвижек в передаче ей нужных американских технологий и т.п.

Однако даже это охлаждение было недолгим, сменилось новым всплеском сближения, начавшегося после прихода к власти в Нью-Дели весной 2014 года кабинета под руководством Бхаратия джаната парти. Как считает ряд экспертов, это стало даже «поворотным моментом в укреплении американо-индийских отношений» [Шур, 2021: 583–584].

Забегая в сегодняшний день, отметим, что деятельность премьер-министра Нарендры Моды, возглавившего тогда правительство страны, в контексте отношений с США примечательна его взаимодействием последовательно с тремя американскими президентами. Важно, что смена конкретных участников диалога не только не повлияла на восходящую линию отношений, но и по ряду признаков действительно дала ей новый толчок.

Уже первые контакты между новым правительством Индии и администрацией Б. Обамы были отмечены очередными заметными шагами вперед. Достаточно сказать, что менее чем за два года (с сентября 2014 по август 2016 годов) лидеры США и Индии провели восемь личных встреч. И вновь привычным политическим и экспертным контекстом, сопровождавшим эти встречи, звучал, среди прочего, «фактор Китая».

В официальных документах по итогам обмена визитами на высшем уровне в 2014 и 2015 годах Китай, как и раньше, прямо не упоминался. Но в них, среди прочего, показательно перечислялись угрозы «свободам судоходства и морской безопасности в Южно-Китайском море». А это практически не имело иного прочтения, кроме как «сигнал в сторону КНР», претендующей, как известно, на контроль над данным морским районом. Именно как явный шаг по «противодействию Китаю» эксперты оценили, например, подписанный в январе 2015 года в ходе визита Б. Обамы в Индию документ под заголовком «Совместное стратегическое видение в АТР и в Индийском океане», где как раз содержались сюжеты, связанные с «обеспечением безопасности» в ЮКМ.[5]

Через год, когда свой уже третий визит официальный визит в США совершил Н. Моди, эта тенденция лишь подтвердилась. «Индия и США переживают тесное сближение по вопросам обороны, чему, в том числе, способствовало американское желание создать сеть партнёров по безопасности в более широком АТР на фоне растущей активности Китая», – писал летом 2016 года журнал «Дипломат» (*The Diplomat*), акцентируя внимание на том, что в ходе визита США предоставили Индии статус «главного оборонного партнёра».[Panda, 2016] Логичным продолжением этой линии стало подписание вскоре сторонами соглашения, «регулирующего использование сухопутных, воздушных и военноморских баз друг друга для ремонта и пополнения запасов». Сообщившее об этом агентство «Рейтер» (*Reuters*) буднично отметило, что соглашение «является шагом к укреплению оборонных связей в стремлении противостоять растущей напористости Китая на море» [7].

Но, пожалуй, еще большее ускорение и американо-индийский диалог в целом, и его элементы, связанные с «безопасностью» (а значит, повторим, и с Китаем), получили в период президентства Д. Трампа, когда заметно обострилась конкурентная часть отношений Вашингтона и Пекина. Именно в эти годы в США в виде официальной стратегии была сформулирована Индо-Тихоокеанская доктрина, включившая ряд документов Госдепа и Министерства обороны [8]. С одной стороны, она несла нескрываемый отпечаток тезисов при-

нятой в 2017 году ранее Стратегии национальной безопасности, которая объявила Китай системным «противником США» и обвинила его в «подрыве стабильности и процветания» в регионе, в частности в Южно-Китайском море, с другой – концепция ИТР концентрировала повышенное внимание на Индии, как на «сильной стране, способной стать противовесом Китаю» [9] и «партнёре, имеющим жизненно важное значение для интересов США» [10].

Эти обстоятельства нашли отражение в ходе официальных саммитов и других событий конца 2010-х – начала 2020-х годов. Во-первых, сформировалась не только концептуальная, но и практическая часть американской стратегии ИТР. Была реализована давняя идея создания Четырёхстороннего стратегического формата, известного ныне как «четвёрка» (*Quad*), куда наряду с США, Японией и Австралией вошла и Индия. В 2019 году прошло первое заседание министров иностранных дел этой структуры, которая была названа «главной региональной группировкой». Эти встречи проложили дорогу саммитам «четвёрки». В регионе и за его пределами вновь заговорили о новом формате «реакции на фактор Китая».

Во-вторых, дальнейший импульс получили американо-индийские связи в области обороны и ВТС. В Совместном заявлении 2017 года, подписанном в Вашингтоне Д.Трампом и Н. Модии, обрёл конкретную легитимность статус Индии как «главного партнёра в сфере обороны». Речь шла о «совместной работе над передовой оборонной техникой и технологиями на уровне, соизмеримом с уровнем ближайших союзников и партнёров США». По сути, Индия приравнивалась к странам НАТО.

Это было подтверждено последующими договоренностями и практическими шагами, в частности, Соглашениями о совместимости и безопасности связи (COMCASA, 2018 год), дающим Индии доступ к передовым войсковым коммуникационным технологиям, об обмене геопрограммами разведанными чтобы повысить точность индийских дронов и крылатых ракет (BECA, 2020 год), о поставках американских военных вертолётов и другой техники (2020 год).

Политики и эксперты в своём большинстве уже привычно связывали эти шаги с интересами сторон перед лицом «китайского вызова». При этом Вашингтон, в отличие от Нью-Дели, по-прежнему высказывался практически открыто. Как откровенно заявил в ходе пресс-конференции по итогам третьего заседания формата «2+2» (запущен в 2018 году с участием министров обороны и иностранных дел) глава Пентагона Марк Т. Эспер, США и Индия привержены сохранению свободы и открытости Индо-Тихоокеанского региона, «особенно в свете растущей агрессии и дестабилизирующей деятельности Китая» [11].

НА ФОНЕ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Смена в 2021 году администрации в США не внесла изменений в её подходы к сотрудничеству с Нью-Дели, в том числе в части императивов и стимулов, связанных с Китаем. Более того, они заметно усилились.

Очевидными причинами послужила, во-первых, консервация, а порой и усиление, начавшейся ещё при Д. Трампе американо-китайской напряжённости. Во-вторых, с весны-лета 2020 года как результат первого за почти полвека кровопролитного пограничного столкновения в Гималаях резко ухудшились отношения с Китаем и у Индии, причём выхода на прежнюю траекторию в целом устойчивого сотрудничества между Пекином и Нью-Дели пока не произошло. Своё влияние имели и тенденции глобального порядка, включая те, что оказались связаны с резко обострившимся в начале 2022 года украинским кризисом и последующей поляризацией мировых сил.

Иллюстрацией могут служить те же американо-индийские контакты на высшем уровне. С момента прихода к власти в США нынешней демократической администрации и до весны 2024 года (то есть за три с небольшим года) Джо Байден и Нарендра Модии провели в различном формате 9 переговорных встреч. В том числе индийский премьер дважды посещал США – в сентябре 2021 года (для участия в переговорах лидеров «четвёрки») и в июне 2023 года с официальным государственным визитом, а Дж. Байден находился в Индии в сентябре 2023 года, участвуя в саммите Группы двадцати (G20). Остальные двусторонние переговоры имели место на полях других форумов, включая «виртуальный Саммит за демократию» в марте 2023 года. С учётом того, что минимум два года этого периода оказались под пандемийными ограничениями, такая плотность контактов не может не привлекать внимания.

С точки зрения «китайского фактора» вновь показательным стали очередные заявления о совместной «задаче обеспечения региональной безопасности» и новые подвижки в оборонном сотрудничестве.

Речь, в частности, идёт о реализации ранее принятых соглашений об обмене разведданными, в результате чего Индии были предоставлены разведывательные беспилотники «Предатор» (*Predator*), которые, будучи формально предназначенными «для ведения наблюдения в Индийском океане», могли, по свидетельству специалистов, быть развёрнуты в Восточном Ладакхе на спорных с Китаем участках границы. В результате, согласно комментариям, индийская сторона в режиме реального времени получила доступ к информации о китайских позициях, «включая спутниковые снимки». Наблюдатели посчитали такого рода «решения Вашингтона беспрецедентным признаком укрепления сотрудничества», позволяющим Индии «успешно отразить новые потенциальное китайские военные «вторжения» [12]. В этом же ряду стоят запущенный в 2023 году Диалог по «критическим и новым технологиям», который называют «новой вехой в стратегическом партнёрстве в области обороны и технологий», а также показа-

тельные совместные военные учения, например те, что были проведены в декабре 2022 года в 100 км от района пограничных индийско-китайских столкновений лета 2020 года.

Обратимся к текстам последних официальных документов, включая «Совместные заявления США и Индии». Нельзя не заметить, что в декларациях США, в том числе в обновлённой в феврале 2022 года «Стратегии в ИТР», были ещё больше усилены обвинения в адрес КНР как единственной страны, «способной бросить вызов существующему мировому порядку» и в итоге «захватить весь земной шар». Но параллельно с этим, дальнейшее развитие в доктрине ИТР получил тезис о том, что ключевая роль в противодействии политике КНР отводится партнёрству с Индией, которая является для региона «главным поставщиком сетевой безопасности».

На этом фоне нельзя было не обратить внимания на специальный раздел Совместного заявления по итогам визита Н. Модии в США (июнь 2023 года) под названием «Создание оборонного партнёрства нового поколения». В нём были перечислены основные проекты текущего военного взаимодействия, включая те, которые предусмотрены недавними соглашениями: о совместном производстве двигателя для боевого самолёта, о закупке американских разведывательных беспилотников, о превращении Индии «в центр техобслуживания и ремонта объектов передового базирования ВМС США», об общем укреплении сотрудничества в сферах военного использования высоких технологий и искусственного интеллекта [13].

В ходе визита премьер-министра Индии и его переговоров с президентом США тема Китая традиционным образом официально не звучала. Это не мешало комментаторам вновь указать на её присутствие «в подоплёке диалога». В частности, специалисты акцентировали фактор текущей индийско-китайской напряжённости, которая ныне, «после десятилетий разрядки привела к сближению стратегических интересов между Соединёнными Штатами и Индией».

Примечательным моментом Совместного заявления 2023 года стало не только привычное отсутствие публичного упоминания Китая. Обратила на себя внимание и оценка украинского кризиса, которая не содержала критики России. На фоне нынешней тотальной антироссийской политики США это не могло означать ничего другого, как признак того, что Вашингтон учитывает «иное мнение» со стороны Нью-Дели.

ЧТО ВПЕРЕДИ?

2024 год для США и Индии – год очередных правительственных выборов. В своих двусторонних отношениях стороны подошли к этому рубежу, имея за плечами период заметного поступательного развития. К уже перечисленному можно добавить, что с начала века состоялось порядка трёх с половиной десятков американо-индийских встреч на высшем уровне, 15 из которых прошли в

рамках государственных и рабочих взаимных визитов, остальные на полях различных международных форумов (ГА ООН, G20, G7 и т.п.).

Между США и Индией проявился целый ряд взаимных стимулов – от подчёркиваемого единства ценностных демократических ориентиров до встречных интересов в экономике, энергетике и гуманитарной сфере. Своё место среди этих движущих мотивов, как показано выше, занял особый и устойчивый элемент – учёт политики КНР.

Влияние этого элемента, повторим, ощутимо. Даже внешне самостоятельный аспект двусторонней повестки – экономический, имеет известное отношение к фактору КНР. Действительно, доля растущего двустороннего товарооборота (124 млрд долл. в 2023 году) в объёме внешней торговли каждой из двух стран неуклонно увеличивается; но в последние годы это показательно происходит на фоне снижения удельного веса торговых связей Индии и США с КНР (в 2010–2023 годах доля Индии во внешней торговле США выросла с 1,4 до 2,4%; а доля США в индийской внешней торговле – с 8,1 до 14,5%. За период 2017–2023 годов доля КНР в торговом обороте Индии снизилась с 17,7 до 12,8%, а в торговом обороте США – с 13,5 до 11,5%) [14]. Та же Индия, имеющая сегодня ряд обострившихся экономических проблем с КНР, пытается компенсировать их, наращивая связи с США. Именно Соединённые Штаты сместили недавно Китай с места главного индийского внешнеторгового партнёра, американский рынок принимает сегодня свыше четверти всего индийского экспорта.

Аксиомой является факт, что и в США, и в Индии китайский фактор воспринимается с настороженностью. И в Вашингтоне, и в Нью-Дели объективно присутствуют намерения «сдержать» те проявления китайской политики, которые в обеих столицах считают для себя неприемлемыми.

Но очевидно, что оценки китайского фактора, как и следующие из этих оценок практические шаги, для каждой из сторон имеют свои особенности. США, движимые обеспокоенностью риском утраты глобального лидерства в связи со стремительным ростом КНР, строят в рамках своей Стратегии ИТР сеть региональных опорных структур и связей, выдвинув на одно из важных мест партнёрство с Индией как страной, имеющей исторически сложные отношения с Китаем. В такой политике США не видят для себя серьёзных ограничителей. Это находит отражение в официальных американских документах, которые содержат открытые обвинения в адрес Китая и именно в данном, сугубо прагматичном контексте рассматривают «вклад Индии» в двустороннее партнёрство и «региональную безопасность».

В свою очередь, Индия, имея целый спектр нерешённых проблем с КНР (пограничная, тибетская, обострившаяся в последнее время торгово-экономическая и др.) также заинтересована в их решении на нужных для себя условиях. Поэтому она с готовностью укрепляет партнёрство с США, видя в нём усиление позиций в спорах с КНР, ведущихся в том числе и за региональное влияние в зоне Индийского океана.

Однако при схожих целевых мотивах явным диссонансом выглядит жёсткое неприятие в Нью-Дели своей какой-либо утилитарной роли в руках Вашингтона. Тем более, что политика Индии явно ориентирована на создание собственного центра регионального и глобального влияния. Не в интересах Нью-Дели и разжигание конфликта с крупной соседней страной, имеющей с Индией свыше трёх тысяч километров совместной границы.

Именно в таком понимании заключается устоявшийся сегодня экспертный консенсус, что в неуклонно крепнущем ныне американо-индийском диалоге Индия, по меньшей мере пока, намерена воздерживаться от жёсткого перехода антикитайских красных линий.

Примером, во-первых, продолжает оставаться отсутствие (в резком отличии от США) антикитайских сюжетов в официальных международных документах Индии, в выступлениях высокопоставленных чиновников. Во-вторых, индийское участие в четырехсторонней группировке Quad, по мнению многих экспертов, сдерживает появление критики Китая (а также России) в документах и этой структуры. В контексте вплетения «четвёрки» в концепцию ИТР, эксперты подчёркивают важную особенность индийского видения: в отличие от США Индия рассматривает регион не только «свободным и открытым», но и «инклюзивным», включающим все страны, а значит, и Китай [16]. К слову, к отсутствию критики Китая в документах **Quad**, по оценке специалистов, причастна и позиция Австралии [15].

В-третьих, несмотря на участие в проводимых с начала 1990-х годов военноморских учениях «Малабар» (в них также вовлечены ныне США, Австралия, Япония) Индия, судя по всему, не спешит соглашаться на изменение статуса этих давних манёвров и превращение их в формально-официальный военный придаток группировки «четвёрки», отказывается в этом контексте от предложений США присоединиться к военноморскому патрулированию в Южно-Китайском море вместе с Японией и Австралией [16].

Как подчёркивает один из крупных российских востоковедов А.Н. Панов, «Индия всегда придерживалась в «четвёрке» более-менее нейтральной позиции и не стремится идти на обострение отношений с Китаем. Поэтому рассчитывать на то, что Индия согласится на превращение этой организации в военноморской блок вряд ли приходится» [Панов А.Н., 2022].

Подводя черту, нельзя не согласиться и с мнением уже упоминавшегося видного отечественного международника А.В. Картунова, который констатирует, что «год за годом Индия продвигается на Запад, расширяя различные формы сотрудничества с США», причём «эту реальность следует признать, прежде чем двигаться дальше» [Картунов, 2023]. Но, по мере такого продвижения «дальше», анализ ситуации в треугольнике «США – КНР – Индия» достаточно очевидно показывает, что Нью-Дели продолжает прагматично вести здесь сложную многовекторную игру: не просто укрепляет отношения с Вашингтоном, но параллельно не оставляет двери закрытыми для полновесной нормализации отноше-

ний КНР, извлекая при этом и известные дивиденды из обострившейся в последние пять-семь лет американско-китайской конкуренции.

Среди возможных сценариев на краткосрочную перспективу наиболее вероятным просматривается вариант статус-кво: США и Индия продолжат развивать достаточно тесные и устойчивые контакты, цементируемые, в том числе, «китайским фактором», причем Индия по-прежнему будет воздерживаться от очевидных антикитайских выпадов.

Другой сценарий, намного менее вероятный, предусматривает перетекание нынешнего американско-индийского «глобального партнёрства» в форму жёсткого альянса наподобие договоров по безопасности, заключённых США с Японией и Южной Кореей. Такой альянс теоретически был бы возможен, но лишь в случае крупного и длительного индийско-китайского конфликта, наподобие пограничной войны 1962 года.

Не слишком реальной видится в ближайшие год-два и перспектива обретения американско-индийско-китайским треугольником более или менее сбалансированного характера, и влияние китайского фактора на триггеры в отношениях США и Индии утратило бы нынешнюю актуальность. Препятствием, прежде всего, служит латентная китайско-индийской напряжённость: взаимоприемлемое разведение войск на спорном участке границы в Восточном Ладакхе, а значит и комплексный возврат отношений Нью-Дели и Пекина на прежнюю траекторию устойчивого развития пока не просматриваются.

Разумеется, на все три варианта будет иметь влияние и ситуация в китайско-американских отношениях, в том числе связанная с проблемой Тайваня. Её обострение в любом случае вряд ли будет способствовать стабильности как в треугольнике, так и регионе и в мире в целом. В рамках первого, наиболее вероятного варианта не исключалась бы возможность возобновления диалога в рамках ставшего в последнее время «на паузу» трёхстороннего формата «Россия – Индия – Китай». Это способствовало бы купированию нежелательного для России, но реально происходящего дрейфа Индии – её приоритетного и «привилегированного стратегического партнёра» – в сторону США. Появились бы большие шансы и на улучшение отношений Индии с другим приоритетным стратегическим партнёром России – КНР.

ИСТОЧНИКИ

1. Clinton visit to the Indian subcontinent sets a new strategic orientation. Available at: <https://www.wsws.org/en/articles/2000/03/ind-m23.html> (accessed: 22.03.2024).

2. The America-India-China strategic triangle. *The Economist*. Aug. 2, 2007. Available at: http://www.economist.com/displayStory.cfm?story_id=9587588 (accessed: 23.03.2024).

3. Putz, C., Tiezzi, Sh. Did Hillary Clinton's Pivot to Asia Work? *The Diplomat*. April 15, 2016. Available at: <https://thediplomat.com/2016/04/did-hillary-clintons-pivot-to-asia-work/> (accessed: 23.03.2024).

4. Detlef, A. An Analysis of Contemporary US-China-India Relations. *E-International Relations*, Jul 7, 2012. Available at: <https://www.e-ir.info/2012/07/07/an-analysis-of-contemporary-us-china-india-relations/> (accessed: 31.03.2024).

5. US-India Joint Strategic Vision for the Asia-Pacific and Indian Ocean Region. MEA, January 25, 2015. Available at: <https://www.mea.gov.in/incoming-visit-detail.htm?24728/USIndia+Joint+Strategic+Vision+for+the+AsiaPacific+and+Indian+Ocean+Region> (accessed: 12.04.2024).

6. Torbati, Y., Ali, I. U.S., India sign military logistics agreement. August 30, 2016. Available at: <https://www.reuters.com/article/india-usa-military-idINKCN114269/> (accessed: 27.03.2024).

7. Department of Defense's June 2019 Indo-Pacific Strategy Report. Available at: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/Department-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.pdf> (accessed: 23.03.2023).

8. U.S. Strategic Framework For The Indo-Pacific. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (accessed: 23.03.2023).

9. Ratneshwar, J. India is among the very important partners in the Indo-Pacific region. 21.02.2021. Available at: <https://indiandailypost.com/india-is-among-the-very-important-partners-in-the-indo-pacific-region/> (accessed: 17.03.2024).

10. 1947 – 2023. US-India Relations. Available at: <https://www.cfr.org/timeline/us-india-relations/> (accessed: 12.04.2024).

11. Razdan, Kh. US sharing of intelligence with India in border clash with China seen as pivotal in partnership. 11 Apr 2023. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/article/3216606/us-sharing-intelligence-india-border-clash-china-seen-pivotal-partnership>. (accessed: 23.03.2024).

12. India-USA Joint Statement during the Official State visit of Prime Minister, Shri Narendra Modi to USA. June 23, 2023. Available at: <https://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?36711/IndiaUSA+Joint+Statement+during+the+Official+State+visit+of+Prime+Minister+Shri+Narendra+Modi+to+USA> (accessed: 23.03.2023)

13. Sebastian, J. India and the Indo-Pacific. 01.11.2022. Available at: <https://www.clearias.com/india-indo-pacific/>

14. India Rejects Joint Naval Patrols with US in South China Sea. Available at: <https://web.archive.org/web/20160311165044/http://www.voanews.com/content/india-rejects-joint-naval-patrols-with-us-in-south-china-sea/3231567.html> (accessed: 23.03.2023).

15. Madan T. Visit to Washington Ends Era in U.S.- India Relations. *New York Times*, September 25, 2013. Available at: <https://archive.nytimes.com/india.blogs.nytimes.com/2013/09/25/visit-to-washington-ends-era-in-u-s-india-relations/> (accessed: 07. 02.2024).

16. Special. The elephant and the Pekinese. *The Economist*, 16 March 2000. Available at: <https://www.economist.com/special/2000/03/16/the-elephant-and-the-pekinese> (accessed: 07. 02.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кортунов А.В. Теряет ли Россия Индию / Аналитические статьи. *Российский совет по международным делам*. 07.08.2023. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/teryet-li-rossiya-indiyu/> (accessed: 11.12.2023).

Кортунов А.В. Динамика американо-индийского партнерства: взгляд из России / Аналитические статьи. *Российский совет по международным делам*. 12.09.2023 Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dinamika-indijsko-amerikanskogo-partnerstva-vzglyad-iz-rossii/> (accessed: 11.04.2024).

Панов А.Н. АТР сегодня – это место столкновения геополитических интересов и возникновения новых конфигураций в международных отношениях. 23.05.2022. Available at: https://1national.ru/news_smi.php?rubric=view&name=aziatsko-tihookeanskij_region_segodnya_tendentsii_i_perspektivy124415 (accessed: 31.03.2024). 02.2023).

Уянаев С.В. Китай-Индия: отношения в начале нового столетия. *Проблемы Дальнего Востока*, 2009, № 1, с.19-30.

Уянаев С.В. Развитие формата «Россия-Индия-Китай» в контексте диалога Нью-Дели -Вашингтон/ Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXV / отв. ред.-сост. Е.И. Сафронова. – М.: ИДВ РАН, 2020. – 432 с., сс. 13-33.

Шур Е.А. Политика вовлечения и формирования союзнических отношений: Индия во внешнеполитической стратегии США при Дж. Буше-младшем и Б. Обаме. *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2021, Т. 5, № 2. С. 571–602. Available at: <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-2-7> (accessed: 09. 04.2024).

REFERENCE

Kortunov, A.V. Dynamics of the American-Indian partnership: a view from Russia/ Analytical articles. The Russian Council for International Affairs. 12.09.2023. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dinamika-indijsko-amerikanskogo-partnerstva-vzglyad-iz-rossii/> (accessed: 11.12.2023).

Kortunov, A.V. Is Russia losing India? / Analytical articles. The Russian Council for International Affairs. 07.08.2023. Available at: Available at: Available at:

<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/teryet-li-rossiya-indiyu/> (accessed: 11.12.2023).

Panov, A.N. The Asia-Pacific region today is a place of collision of geopolitical interests and the emergence of new configurations in international relations. 23.05.2022 Available at: https://1national.ru/news_smi.php?rubric=view&name=aziatsko-tihookeanskij_region_segodnya_tendentsii_i_perspektivy124415 (accessed: 31.03.2024).

Uyanaev, S.V. China-India: relations at the beginning of the new century. *Problems of the Far East*, 2009, No.1, pp.19-30.

Uyanaev, S.V. Development of the Russia-India-China format in the context of the New Delhi-Washington dialogue/ China in global and regional politics. History and modernity. Issue XXV / ed.-comp. E.I. Safronova. – M.: IFES RAS, 2020. – 432 p., DOI: 10.24411/261868882020-10001. pp. 13-33.

Shur, E. "Engagement policy and formation of allied relations: India in the US foreign policy strategy under George W. Bush and B. Obama." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 2 (2021): 571–602, Available at: <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-2-7> (accessed: 09. 04.2024).

Panda, A. Takeaways on US-India Relations After Modi's Meeting with Obama. *The Diplomat*. Available at: <https://thediplomat.com/2016/06/5-takeaways-on-us-india-relations-after-modis-meeting-with-obama/> (accessed: 07. 02.2024).

Pan, E. India, China, and the United States: A Delicate Balance. 27.02.2006/ The Council on Foreign Relations. 27.02.2006. Available at: <https://www.cfr.org/backgroundunder/india-china-and-united-states-delicate-balance> (accessed: 07. 02.2024).

Kushre, L. Rise of China and its impact on India-US strategic relations- An analytical study. July 2023. 14.p. DOI:10.13140/RG.2.2.26419.40488/. Available at: https://www.researchgate.net/publication/372550917_Rise_of_China_and_its_impact_on_India-US_strategic_relations_-An_analytical_study (accessed: 07. 02.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

УЯНАЕВ Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений, заместитель директора Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).
Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Sergey V. UYANAЕV. Candidate of Sciences (History), Head, "Russia, China, World" Research Center, Deputy Director, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
32 Nahimovsky prosp., Moscow 117218, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024 / Received 16.04.2024.

Статья поступила после рецензирования 30.04.2024 / Revised 30.05.2024.

Статья принята к публикации 03.05.2024 / Accepted 03.05.2024.

УДК: 94(510).093

DOI: 10.31857/S2686673024070079

EDN: YCQSQU

Режимная трансформация КНР и выбор стратегии сдерживания Китая: оценки американских китаеведов

В.А. Скосырев

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

ORCID: 0000-0001-6787-1773 AuthorID: 1176515 E-mail: skosyrev@iccaras.ru

Резюме: В статье рассматриваются дискуссии американских китаеведов о потенциале «китайской модели» и вытекающие из оценок синологического сообщества рекомендации Вашингтону по выработке политики сдерживания Китая. Данный вопрос становится особенно актуальным на фоне заявлений руководства КНР о существовании «модернизации китайского типа» как особого незападного пути развития и появления в китайском идеологическом пространстве тезиса о готовности Пекина поделиться с другими странами «китайской мудростью» и принципами управления. Делается вывод, что в среде американских профессиональных китаеведов выделяются две основные группы оценок относительно возможностей КНР потеснить американские ценности и стандарты управления в глобальном масштабе.

Ключевые слова: китайская модель, синология, американские китаисты, сдерживание Китая.

Для цитирования: Скосырев В.А. Режимная трансформация КНР и выбор стратегии сдерживания Китая: оценки американских китаеведов. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(7): 87–98. DOI: 10.31857/S2686673024070079
EDN: YCQSQU

Regime Transformation of the PRC and the Formulation of a Strategy to Contain China: Assessments of American Sinologists

Vladimir A. Skosyrev

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

32, Nakhimovsky Ave., 117997, Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-6787-1773 AuthorID: 1176515 E-mail: skosyrev@iccaras.ru

Abstract: This article looks into the discussion of American sinologists regarding the potential of the “Chinese model” and recommendations for Washington on developing a policy to contain China based on these assessments. This issue becomes especially relevant against the backdrop of statements by the PRC leadership about the existence of “Chinese-style modernization” as a non-Western path of development and the emergence of the thesis in the Chinese

ideological discourse about Beijing's readiness to share "Chinese wisdom" and management principles with other countries. It is concluded that opinions of American sinologists on the subject are far from unanimous. There are two main groups of assessments among professional sinologists in the United States regarding the capabilities of the PRC to displace American values and standards of governance on a global scale.

Keywords: Chinese model, American sinology, containment of China.

For citation: Skosyrev, V.A. Regime Transformation of the PRC and the Formulation of a Strategy to Contain China: Assessments of American Sinologists. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(7): 87–98. DOI: 10.31857/S2686673024070079
EDN: YCQSQU

ВВЕДЕНИЕ

Американо-китайская конкуренция широко освещается наблюдателями из разных стран и различных специализаций. Об этой проблематике говорят журналисты, политологи, экономисты. Среди огромного массива экспертных оценок особый интерес представляют мнения американских исследователей, занимающихся изучением Китая профессионально. Ведь синологи из США могут принимать непосредственное участие в выработке внешнеполитического курса Вашингтона на китайском направлении. Китаеведы составляют доклады для американских мозговых центров, участвуют в слушаниях Конгресса, а иногда занимают политические должности – система «вращающихся дверей» теоретически позволяет «кабинетным» исследователям становиться лицами, принимающими решения. Таким образом, изучение оценок американскими синологами текущего состояния конфронтации между Пекином и Вашингтоном и потенциала общественно-политической системы КНР в этом противостоянии позволяет выявить некоторые аспекты формирования стратегии США по сдерживанию Китая.

Вопросы развития американской китаистики в целом и обозначенная проблематика уже освещались в работах отдельных отечественных синологов [Труш С.М., 1986; Березный Л.А., 2004; Румянцев Е.Н., 2017; Портяков В.Я., 2019; Скосырев В.А., 2020; Бархатова А.С., 2021]. В то же время автору данной статьи приходилось встречать среди российских китаеведов несколько снисходительное отношение к американским китаистам. Утверждается, мол, для западной синологии характерны поверхностные оценки, в то время как российские исследователи лучше ухватывают закономерности устройства и развития политической системы КНР. Ведь Россия – ближайший сосед Китая и страна с недавним социалистическим прошлым.

Частично с таким мнением можно согласиться. Как будет показано в настоящей статье, американское китаеведение не лишено идеологизированных представлений и ценностных оценок. Вместе с тем синологическая школа США сильна и в кадровом, и в ресурсном, и в методологическом отношениях.

Российским исследователям важно иметь в виду не только недостатки американской китаистики, но и заимствовать её положительный опыт. Как гласит китайская пословица, «камень с другой горы можно использовать для полировки яшмы».

Цель настоящей статьи – проследить эволюцию оценок американскими синологами режимной трансформации КНР в последние годы. Особую актуальность данная проблематика приобретает в контексте, когда в самом Китае на официальном уровне объявлено о формировании «модернизации китайского типа». Си Цзиньпин в своих речах неоднократно отмечал, что Китай идёт по особому, альтернативному западному пути развития. При этом интерес представляет не только то, как американские китаеведы характеризуют общественно-политическую модель КНР и потенциал её развития. Важно, что из этих оценок вырастают предложения по формированию курса сдерживания Китая.

Китаистика США не монолитна. При общем консенсусе американских политиков и экспертных кругов о необходимости сдерживания Китая среди профессиональных синологов пока не сформировалось единого мнения о том, насколько устойчива сформировавшаяся в КНР модель развития, и о том, насколько она опасна для американского глобального лидерства.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА НА СДЕРЖИВАНИЕ КИТАЯ

Анализ американских стратегических установок позволяет сделать вывод, что Вашингтон в политике сдерживания Китая исходит из двух постулатов:

- в КНР сформировалась особая незападная общественно-политическая система, которая достаточно устойчива;
- эта общественно-политическая система способна расширяться вовне и бросает вызов глобальному лидерству США и ценностям, на которых основано американское доминирование.

Так, в Стратегии национальной безопасности США 2022 года отмечается: «КНР имеет намерение и, во всё большей степени, **возможность** переформатировать международный порядок в своих интересах». «КНР является единственным конкурентом, который намерен изменить международный порядок и обладает всё большей и достаточной для этого экономической, дипломатической, военной и технологической мощью. У Пекина есть амбиции создать расширенную сферу влияния в Индо-Тихоокеанском регионе и стать ведущей мировой державой» [1]. Схожий тезис обнаруживается и в Стратегии 2017 года: «Китай и Россия хотят сформировать мир, противоположный ценностям и интересам США. Китай стремится вытеснить Соединённые Штаты в Индо-Тихоокеанском регионе, **расширить сферу применения своей государственной экономической модели** и переупорядочить регион в свою пользу». «На протяжении десятилетий политика США основывалась на убеждении, что поддержка подъёма

Китая и его интеграции в послевоенный международный порядок приведёт к либерализации Китая» [2]. Эти ожидания американских политиков, очевидно, не оправдались.

Между тем в среде профессиональных американских китаеведов приведённые постулаты разделяются не всеми исследователями. Условно можно выделить две группы оценок. Специалисты первой группы принимают тезис о формировании в КНР особой модели развития, бросающей вызов американоцентричному миропорядку (далее – оценки группы 1). Специалисты второй группы более скептически относятся к потенциалу китайского общественно-политического строя и призывают не преувеличивать степень угрозы американскому глобальному доминированию, исходящей со стороны Пекина (далее – оценки группы 2).

ОЦЕНКИ ГРУППЫ 1

Ряд ведущих китаеведов из США всецело разделяют опасения американского истеблишмента о том, что китайская общественно-политическая система создаёт реальную угрозу глобальному лидерству Вашингтона. Наиболее последовательно данная позиция была изложена синологами на площадке Комиссии по обзору американо-китайских отношений в области экономики и безопасности (*U.S.-China Economic and Security Review Commission*) при Конгрессе США в апреле 2020 года [3]. На слушаниях обсуждалась китайская модель и перспективы создания Пекином «альтернативных глобальных норм и стандартов». В апреле 2024 года рассматриваемая точка зрения была чётко выражена на страницах журнала «Форин афферс» [4]; [5]; [6]. В позициях данной группы исследователей, несомненно, присутствуют различия, хотя бы в силу их разной специализации. Вместе с тем обращает на себя внимание совпадение их взглядов по следующим принципиальным аспектам:

- пример Китая рассматривается как жизнеспособная альтернатива либеральной демократии, которая показала внутреннюю устойчивость, способна распространяться вовне и по определённым параметрам опередить западную модель политического устройства;
- выступления Си Цзиньпина о формировании в Китае особой модели развития, внешнеполитическая концепция «Сообщества судьбы человечества» и лозунг «Поднебесная есть всеобщее достояние» однозначно воспринимаются как указание на то, что Пекин стремится к внешней экспансии своих управленческих принципов, мировому лидерству или, по крайней мере, исключительному положению в системе международных отношений. Утверждается, что КНР стремится определить XXI век так же, как США некогда определили XX век. При этом отмечается, что американо-китайская конкуренция не похожа на холодную войну, когда две сверхдержавы отгородились друг от друга и боролись за влияние в отдель-

ных странах. Китай интегрирован в глобальную экономику, а потому и противостояние носит общемировой характер. Суть «сообщества судьбы человечества» состоит в распространении китайских стандартов в глобальном масштабе. Отрицается точка зрения о том, что Пекин стремится только к региональному лидерству;

- в силу этого Пекин представляет реальную угрозу американоцентричному миропорядку. При этом стержень противоречий между США и КНР – в идеологии и ценностях. Особо подчёркивается, что США и другие «рыночные демократии» экспортируют свою модель путём продвижения установок и законов, поддерживающих индивидуальные права, свободу слова и выборы. Компартия Китая же продвигает модель, предполагающую расширение государственного контроля, ограничение индивидуальных свобод и ведомое государством экономическое развитие. Говоря более абстрактно, ключевое различие в том, что в свободном мире индивидуумы – это цели сами по себе, а в китайской «ленинской системе» – средства для достижения более крупных целей. Таким образом, американо-китайская конкуренция – это соревнование за ценностное переформатирование правил и порядков, на основе которых функционирует весь мир, а не соревнование двух различных блоков.

При этом для оценок группы 1 характерны следующие противоречия:

- почти не конкретизируются, как и какие именно китайские управленческие принципы распространяются вовне. В данном случае приводятся лишь отдельные примеры влияния КПК на расклад политических сил в некоторых африканских странах. Продвигается достаточно общий тезис о том, что китайская общественно-политическая система представляет угрозу для американских ценностей и «стандартов», так как она недемократична и при этом относительно успешна, а потому побуждает другие государства пойти по «авторитарному» пути развития;

- говоря о китайском вызове американскому доминированию, специалисты группы 1 тем не менее убеждены в неполноценности «авторитарных» принципов управления, которые продвигает КПК. Исходя из этого делается вывод о неизбежной победе «либерально-демократического» порядка в нынешнем противостоянии. Таким образом, китайская модель видится одновременно и жизнеспособной альтернативой западным политическим ценностям, и путём развития, запрограммированным на поражение в развернувшейся конкуренции.

В практической плоскости, однако, исследователи группы 1 предлагают выстраивать долгосрочную и всеобъемлющую политику сдерживания КНР исходя из постулата об устойчивости, жизнеспособности и конкурентоспособности китайской модели развития.

ОЦЕНКИ ГРУППЫ 2

Между тем американские синологи долгое время исходили из совершенно другой пресуппозиции. А именно отправной точкой анализа был вопрос о том, почему китайская общественная модель до сих пор не потерпела крах вслед за другими системами «ленинского типа». В работах 2000-х годов объяснения находились в том, что китайское руководство приняло меры по преодолению недостатков советской системы путём внедрения рыночных механизмов в экономике, определённой либерализации общественной жизни, попыток создания сдержек и противовесов в рамках партийного государства, введения системы коллективного руководства и сменяемости партийных руководителей (теория «устойчивого авторитаризма») [Nathan, A.J., 2003; Shambaugh, D., 2008].

Приход к власти Си Цзиньпина, его меры по рецентрализации партийно-государственного аппарата и отказ от многих прежних коллективных принципов управления Компартией и страной расколол сторонников приведённой гипотезы на несколько направлений:

- на тех, кто пытался обосновать сохранение модели «устойчивого авторитаризма» в том или ином виде. Утверждалось, мол, Си Цзиньпин по-прежнему продолжает действовать в институциональных рамках предшественников [Fewsmith, J., Nathan, A.J., 2018: 10–11]; [Li Cheng, 2016]. В настоящее время, особенно после начала третьего срока правления китайского лидера на посту генерального секретаря ЦК КПК, эта точка зрения в научных работах американских китаеведов практически не встречается;

- на тех, кто стал указывать на возможный упадок китайской модели развития вследствие отказа от её либерализации и воссоздания в стране жёсткого и близкого к «тоталитарному» порядка [Shambaugh, D., 2016];

- и на тех, кто отмечает, что никакого «устойчивого авторитаризма» изначально не было. Попытки создания в КНР коллективного руководства и системы сдержек и противовесов так и не были институционализированы. В сущности, политический процесс 1990 – 2000-х годов был определён авторитетом Дэн Сяопина, который в своё время сделал руководителем КПК Цзэн Цзэминя и указал на Ху Цзиньтао как преемника Цзяна [Fewsmith, J., 2021].

И та и другая точка зрения предполагает, что текущий политический цикл в КНР создаёт долгосрочные проблемы или, как минимум, налагает ограничения на внутреннее развитие и внешнюю экспансию китайской модели.

На основе анализа работ авторов, которых мы условно отнесли ко второй группе исследователей, можно выделить следующие их аргументы о потенциале китайской модели развития:

- рецентрализация власти вокруг КПК и в руках Си Цзиньпина позволила частично решить проблему фракционности и разбалансировки политической сферы. Вместе с тем она порождает долгосрочные проблемы, связанные с усиле-

нием персоналистского фактора в управлении и разрешении кризисных ситуаций [7]. Коррупция, несмотря на все принимаемые меры, очевидно, остаётся серьёзной проблемой. Мобилизация Компартии на деле приводит к пассивности функционеров и правительств на низовом уровне, так как они боятся совершить ошибки [8];

- в силу тяжести внутренних проблем и особенностей международной обстановки (старееющее население в ханьском хартленде, настороженное отношение к КНР со стороны соседей и их желание балансировать между Пекином и Вашингтоном, фактическое отсутствие у Пекина планов стать глобальным гегемоном, полностью заменив США) Китай неспособен стать мировым лидером [9]. Ограничено распространение китайской внешнеполитической доктрины, причём даже в системно (КНДР, Вьетнам) и культурно (Тайвань, Сингапур) похожих странах. Новые китайские лозунги и концепции – это не заявка на мировое лидерство, а идейное обоснование китайских внешнеполитических интересов. В этом отношении КНР ведёт себя как любая другая страна. Максимум, на что может претендовать Китай, – превращение в регионального лидера. Поэтому Пекин не представляет экзистенциальной угрозы американским ценностям и порядку в глобальном масштабе [Nathan, A.J., Zhang, B., 2022];

- исходя из этого, Вашингтону предлагается выстраивать взвешенную политику на китайском направлении. Рекомендуются не идти на лобовое столкновение с Пекином и не провоцировать его в наиболее чувствительных вопросах, в особенности по тайваньской проблематике [8]. Вместо этого предлагается последовательно наращивать конкурентные преимущества США, сосредоточиться на развитии американской инфраструктуры и сохранении собственного технологического лидерства [9]; [10].

Важно отметить, что исследователи группы 2 согласны с проведением политики сдерживания КНР, но при этом предостерегают американский истеблишмент от значительного обострения американо-китайских отношений. Как утверждается, взаимодействие с Пекином необходимо выстраивать из духа соревновательности, но в отдельных сферах с Китаем важно сохранять сотрудничество и поддерживать диалог [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в среде профессиональных американских китаеведов выделяются две условные группы оценок потенциала китайской модели развития и того, как Вашингтону следует выстраивать политику сдерживания КНР.

	Оценки группы 1	Оценки группы 2
Основные представители	Надеж Ролланд (<i>Nadège Rolland</i>), Дэвид Шульман (<i>David Shullman</i>), Элизабет Экономи (<i>Elizabeth C. Economy</i>), Дэниэл Тобин (<i>Daniel Tobin</i>), Мелани Харт (<i>Melanie Hart</i>), Эван С. Медейрос (<i>Evan S. Medeiros</i>)	Джозеф Фьюсмит (<i>Joseph Fewsmith</i>), Эндрю Натан (<i>Andrew J. Nathan</i>), Джуд Бланшетт (<i>Jude Blanchette</i>), Дэвид Шамбо (<i>David Shambaugh</i>)
Китайская модель	Жизнеспособная альтернатива «либерально-демократической» модели развития с особыми ценностями и принципами управления.	Общественно-политическая система с рядом внутренних ограничений, наличие которых не позволяет сделать вывод о долгосрочной устойчивости текущей траектории развития КНР.
Внешняя экспансия китайской модели	КПК намерена и способна распространять собственные стандарты и ценности управления в глобальном масштабе, что создаёт угрозу американоцентричному мироустройству.	Потенциал внешней экспансии китайской модели пока ограничен. Максимум, на что может претендовать Пекин – региональное лидерство. КНР не представляет экзистенциальной угрозы американскому лидерству в глобальном масштабе.
Рекомендации	Вашингтону предлагается выработать стратегию долгосрочного сдерживания Китая как претендента на мировое лидерство ради сохранения «либерально-демократических» ценностей в глобальном масштабе.	Вашингтону предлагается не преувеличивать потенциал китайской модели развития и исходящую от неё угрозу американскому лидерству. Рекомендуются поддерживать соревновательную конкуренцию с КНР, постепенно наращивая преимущества США и не доводя отношения с Пекином до откровенно враждебных.

Составлено автором.

В синологическом сообществе США нет консенсуса относительно возможностей китайской модели и её реального потенциала. Начавшийся при Си Цзиньпине цикл рецентрализации политической власти вокруг КПК и в руках её генерального секретаря, а также выдвижение китайским руководством новых проактивных внешнеполитических концепций разделил американских синологов на тех, кто видит в этом экзистенциальный вызов для американоцентричного мирового порядка, и тех, кто призывает не преувеличивать угрозу со стороны китайской

модели. При этом и та и другая группа исследователей соглашаются, что КНР – конкурент США. Расхождения наблюдаются в вопросе о том, какие масштабы должна принять конкуренция между державами.

В целом можно сделать вывод, что курс США на сдерживание Китая основан на идеологических предпосылках, а не на тщательном научном анализе. При этом идеология оказывает влияние и на науку, ведь целый ряд китаеведов в своих умозаключениях исходят в первую очередь из ценностных предпосылок возникновения американско-китайского противостояния. Вследствие подобной идеологизации американского китаеведения возникает риск дальнейшей эскалации напряжённости в отношениях между двумя державами. Не исключено, что американский истеблишмент будет во всё большей степени опираться на идеологические тезисы экспертного сообщества, а не на взвешенный анализ. Впрочем, этот риск купируется разнообразием подходов и школ американской китаистики. Как представляется, на практике курс США по сдерживанию Китая будет подвижным и зависеть от временного доминирования одной из представленных выше точек зрения в экспертном сообществе и среди лиц, принимающих решения.

ИСТОЧНИКИ

1. National Security Strategy. October 2022. Washington, The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 04.05.2024).
2. National Security Strategy. December 2017. Washington, The White House. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 04.05.2024).
3. A 'China Model?' Beijing's Promotion of Alternative Global Norms and Standards. Hearing before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. Washington, United States-China Economic and Security Review Commission, 2020. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-10/March_13_Hearing_and_April_27_Roundtable_Transcript_0.pdf (accessed 04.05.2024).
4. Economy, E. China's Alternative Order and What America Should Learn from It. *Foreign Affairs*. May/June 2024. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/china/chinas-alternative-order-xi-jinping-elizabeth-economy> (accessed 04.05.2024).
5. Pottinger, M. and Gallagher, M. No Substitute for Victory. America's Competition with China Must Be Won, Not Managed. *Foreign Affairs*. May/June 2024. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/no-substitute-victory-pottinger-gallagher> (accessed 04.05.2024).

6. Medeiros, E. The Delusion of Peak China. America Can't Wish Away Its Toughest Challenger. *Foreign Affairs*. May/June 2024. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/china/delusion-peak-china-united-states-evan-medeiros> (accessed 04.05.2024).
7. Blanchette, J. Xi's Gamble. The Race to Consolidate Power and Stave Off Disaster. *Foreign Affairs*. July/August 2021. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-06-22/xis-gamble> (accessed 04.05.2024).
8. Fewsmith, J. Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission Hearing on "CCP Decision-Making and the 20th Party Congress". Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2022-01/Joseph_Fewsmith_Testimony.pdf (accessed 04.05.2024).
9. Ikenberry, J.; Nathan, A.; Thornton, S.; Zhe, S.; Mearsheimer, J. A Rival of America's Making? The Debate Over Washington's China Strategy. *Foreign Affairs*. March/April 2022. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2022-02-11/china-strategy-rival-americas-making> (accessed 04.05.2024).
10. Blanchette, J. Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. Hearing on "An Assessment of the CCP's Economic Ambitions, Plans, and Metrics of Success". April 15, 2020. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2021-04/Jude_Blanchette_Testimony.pdf (accessed 04.05.2024).
11. Shambaugh, D. Toward a "Smart Competition" strategy for US China policy. *The Struggle for Power: U.S.-China Relations in the 21st Century*, Nye, Jr. & Rice, C. (Comp.). 2020. P. 141-154. Available at: <https://www.aspeninstitute.org/wp-content/uploads/2020/01/TheStruggleForPower.pdf> (accessed 04.05.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бархатова А.С. Особенности научных и образовательных центров по китаеведению в США. *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 34. С. 89–97.
- Березный Л.А. Постмодернизм и проблемы ориенталистики. Заметки об одной дискуссии синологов США. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2004. № 2. С. 146–158.
- Портяков В.Я. Время собирать камни: об обобщающих англоязычных трудах по внешней политике Китая. *70 лет современному китайскому государству: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, Москва, 20–22 марта 2019 года*. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2019. С. 201–208.
- Румянцев Е.Н. О некоторых американских взглядах на Китай. *Социально-политическая ситуация накануне XIX съезда КПК: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, Москва, 15–17 марта 2017 года*. Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Центр научной информации и документации. Москва: Федеральное государственное бюджетное

учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2017. С. 230–246.

Скосырев В.А. Концепция «устойчивого авторитаризма» в эпоху Си Цзинь-пина. *Проблемы Дальнего Востока*. 2020. № 2. С. 117–125.

Труш С.М. Внешнеполитический потенциал и движущие факторы внешней политики КНР в оценке американской политологии. Москва: Институт Дальнего Востока АН СССР, 1986. 161 с.

REFERENCES

Barhatova, A.S. Osobennosti nauchnyh i obrazovatel'nyh centrov po kitaevedeniyu v SSHA [Features of scientific and educational centers for Chinese studies in the USA]. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie*. 2021. No. 34. P. 89–97.

Bereznyj, L.A. Postmodernizm i problemy orientalistiki. Zаметки ob odnoi diskussii sinologov SShA [Postmodernism and problems of Orientalism. Notes on a discussion between US sinologists] (In Russ.). *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost*. 2004. No. 2. P. 146–158.

Fewsmith, J. Rethinking Chinese politics. Cambridge, United Kingdom; New York, NY: Boston University, Cambridge University Press, 2021.

Fewsmith, J., Nathan, A.J. Authoritarian Resilience Revisited. *Journal of Contemporary China*. September 23, 2018.

Li Cheng. Chinese Politics in the Xi Jinping Era: reassessing collective leadership. Washington D.C.: Brookings Institution Press. 2016.

Nathan, A.J. Authoritarian Resilience. *Journal of Democracy*. 14(1). 2003.

Nathan, A.J., Zhang, B. 'A Shared Future for Mankind': Rhetoric and Reality in Chinese Foreign Policy under Xi Jinping. *Journal of Contemporary China*. 2022, 31(133). P. 57–71.

Portyakov, V.Ya. Vremia sobirat' kamni: ob obobshchaiushchikh angloiazychnykh trudakh po vneshnei politike Kitaia [Time to collect stones: about generalizing English-language works on Chinese foreign policy]. *70 let sovremennomu kitaiskomu gosudarstvu: Materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii Centra politicheskikh issledovaniy i prognozov IDV RAN, Moskva, 20–22 marta 2019 goda*. (In Russ.) Moscow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. 2019. P. 201–208.

Rumyancev, E.N. O nekotorykh amerikanskikh vzgliadakh na Kitai [On some American views on China]. *Social'no-politicheskaya situatsiia nakanune XIX s"ezda KPK: Materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii Centra politicheskikh issledovaniy i prognozov IDV RAN, Moskva, 15–17 marta 2017 goda* (In Russ.). Institut Dal'nego Vostoka Rossijskoj akademii nauk, Centr nauchnoj informacii i dokumentacii. Moscow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. 2017. P. 230–246.

Shambaugh, D. China's Communist Party. Atrophy and Adaptation. University of California Press. 2008.

Shambaugh, D. China's Future. Cambridge: Polity Press. 2016.

Skosyrev, V.A. Konceptsiia "ustoichivogo avtoritarizma" v epokhu Si Czin'pina [The concept of "authoritarian resilience" in the era of Xi Jinping] (In Russ.). *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2020. No. 2. P. 117–125.

Trush, S.M. Vneshnopoliticheskii potentsial i dvizhushchie faktory vneshnei politiki KNR v ocenke amerikanskoy politologii [Foreign policy potential and driving factors of Chinese foreign policy in the assessment of American political science] (In Russ.). Moscow, Institute of Far Eastern Studies of the Academy of Sciences of the Soviet Union. 1986. 161 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СКОСЫРЕВ Владимир Алексеевич, научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН).

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Vladimir A. SKOSYREV, Researcher, Center for World Politics Research and Strategical Analysis, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.

32, Nakhimovsky Ave., Moscow 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 04.05.2024 / Received 04.05.2024.

Статья поступила после рецензирования 15.05.2024 / Revised 15.05.2024.

Статья принята к публикации 16.05.2024 / Accepted 16.05.2024.

УДК 327.51

DOI: 10.31857/S2686673024070088

EDN: YCJYCK

Дилеммы Франции в ИТР: «Трудно быть третьим»

П.П. Тимофеев

Национальный исследовательский институт мировой экономики

и международных отношений имени Е.М. Примакова

Российской академии наук (ИМЭМО РАН)

Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23.

Researcher ID: P-2821-2017 Scopus ID: 57196415065 РИНЦ ID: 630416

ORCID: 0000-0002-0512-7436 E-mail: pavel.timofeyev@yandex.ru

Резюме. Опираясь на свои индо-тихоокеанские владения, Франция при Э. Макроне стремится сформировать в АТР/ИТР проект региональной коалиции «третьего пути», призванный сбалансировать влияние США и КНР в регионе. На этом пути страна сталкивается с серьезными препятствиями. Само конструирование пространства АТР/ИТР в умах французских властей еще не завершено. Наличие «осколков империи» и сеть партнерств с региональными державами помогают Франции поддерживать присутствие в регионе, но неясность в понимании целей и задач формируемой коалиции и несоответствие экономических, политических и военных ресурсов французским амбициям серьезно осложняют проведение политики Франции в ИТР. Кризисные события 2021–2022 годов вынуждают Францию искать новые варианты решения стратегической головоломки.

Ключевые слова: Франция, Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанский регион, АТР, ИТР, Океания, стратегия, заморские владения, АУКУС.

Для цитирования: Тимофеев П.П. Дилеммы Франции в ИТР: «трудно быть третьим». *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54 (7): 99–113. DOI: 10.31857/S2686673024070088 EDN: YCJYCK

France's Dilemmas in the Indo-Pacific: It's Hard to Be the Third

Pavel P. Timofeev

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,

Russian Academy of Sciences

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

Researcher ID: P-2821-2017 Scopus ID: 57196415065 РИНЦ ID: 630416

ORCID: 0000-0002-0512-7436 E-mail: pavel.timofeyev@yandex.ru

Abstract: Relying on its Indo-Pacific possessions, France under E. Macron seeks to form a “third way” regional coalition project in the Asia-Pacific/Indo-Pacific region, designed to counterbalance the influence of the USA and China in the region. Nevertheless, France faces serious obstacles on its way. The process of mental construction of the Asia-Pacific/Indo-Pacific space in the minds of the French authorities has not yet been completed. The existence of “fragments of the empire” and a network of partnerships with regional states help France to maintain a

presence in the region, but the lack of clarity in understanding the goals and objectives of the emerging coalition and the insufficiency of economic, political, and military resources to French ambitions seriously complicates France's policy in the Indo-Pacific. The crisis events of 2021–2022 are forcing to look for new options for solving the strategic enigma.

Keywords: France, Asia-Pacific, Indo-Pacific, Oceania, strategy, Outremer, AUKUS.

For citation: Timofeev, P.P. France's Dilemmas in the Indo-Pacific: It's Hard to Be the Third. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (7): 99–113.

DOI: 10.31857/S2686673024070088 EDN: YCJYCK

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях соперничества США и КНР за влияние в регионе, который определяется разными авторами как АТР или ИТР, важно понимать позиции прочих держав – как региональных, так и внерегиональных, – способных повлиять на развитие международных отношений на указанном пространстве. В этом плане внимание исследователей привлекает изучение присутствия в регионе Франции. Хотя некоторые азиатские лидеры воспринимают её как внерегионального игрока [1], руководство Пятой республики считает иначе. Франция имеет территориальные владения в Индийском океане с 1642 года (остров Реюньон), а в Тихом – с 1853 года (арх. Новая Каледония), входивших в Первую (XVII–XVIII века) и Вторую (XIX–XX века) колониальные империи. После Второй мировой войны процесс деколонизации бывших французских владений в Азии, включая концессии в Китае (1946), Французскую Индию (1947–1954) и Французский Индокитай (1954), стал одной из предпосылок падения Четвёртой и рождения Пятой республики в 1958 году. После деколонизации влияние Франции в АТР/ИТР существенно сократилось: сегодняшние французские владения в Индийском и Тихом океанах являются лишь «осколками империи»¹. Тем не менее все эти владения, составляющие без «земли Адели» примерно 33,5 тыс. кв. км² (что немного превышает размер Бельгии), где совокупно проживает около 1,65 млн человек [2: 63] (чуть меньше населения Латвии), хоть и невелики, но являются частью территории Франции. Помимо этого, присутствие Франции в АТР/ИТР выражается в наличии двух военных баз – в Джибути (с 1880-х годов) и ОАЭ (с 2009 года), а также в существовании в странах региона французской общины,

¹ В Индийском океане это острова Реюньон, Майотта, Французские Южные и Антарктические территории (ФЮАТ, которые включают в себя Разбросанные острова, о-ва Сен-Поль и Амстердам, арх. Кергелен, о-ва Крозе и часть Антарктиды — т.н. «земля Адели», на которую претендует Франция). В Тихом океане это архипелаги Новая Каледония, Уоллис и Футуна, Французская Полинезия, а также о. Клиппертон.

² Подсчитано автором по данным Министерства по делам заморских владений Франции, официального сайта ФЮАТ и энциклопедического словаря *Larousse*.

насчитывающей около 200 тыс. человек³. Разные аспекты французского присутствия в АТР/ИТР регулярно анализируются отечественными и зарубежными экспертами [Чихачев, 2020; Гарин, 2021; Alexandre, 2023; Le Scolan, Mottet, 2024], но многие вопросы здесь ещё недостаточно раскрыты. Это касается как минимум трёх проблем: каков французский подход к конструированию АТР/ИТР как региона? В чём состоит специфика стратегии Франции в регионе в условиях американо-китайского соперничества? И что Франция готова предложить государствам региона сегодня, после создания блока АУКУС (*AUKUS*) и скандала с подводными лодками в 2021 году и началом украинского конфликта в 2022 году? Ответы на эти вопросы помогут понять контуры французского курса в ближайшем будущем и объяснить главные проблемы, мешающие эффективной реализации стратегии Парижа в регионе. Методологически статья опирается на принципы конструктивизма, помогающего увидеть процесс формирования политиками различных пространств, и очертить вызовы и угрозы, как их видят политические круги Франции.

ЗНАЧИМОСТЬ ИТР ДЛЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ

Говоря о значимости АТР/ИТР для внешней политики Франции, прежде всего важно понять, как это пространство, которому разные державы дают разные определения и границы [Martin, 2019; Коновалов, 2022], конструируют во французских политических кругах. До недавнего времени восприятия бассейнов Индийского и Тихого океанов как единого пространства во Франции не наблюдалось [Чихачев, 2020: 111–112]. Если сравнить определения, которые давались этому региону/регионам во французских концептуальных документах (Белые книги – далее БК – и доклады высших властных структур) с 1972 по 2023 годы, то мы увидим пёстрый калейдоскоп терминов. В БК-1972 речь идёт просто об Азии [3: 1], в БК-1994, 2008 и 2013 – об Азии и Океании, причём Индийский и Тихий океаны даются раздельно [4: 13; 5: 103, 144; 6: 30, 36, 59]. В Стратегическом обзоре по вопросам обороны и нацбезопасности 2017 года понятие АТР (*Asie-Pacifique*) соседствует с ИТР (*Indopacifique*) [7: 27, 44, 65, 77]. Президент Э. Макрон в ходе визитов в Китай, Индию, Австралию, Новую Каледонию и на Реюньон именовал Францию «индотихоокеанской державой» [8: 8]. В 2018 году МИД Франции опубликовал стратегию с забористым названием «Азия – Океания: к инклюзивному индотихоокеанскому азиатскому пространству» [9]. Лишь с 2019 года, когда Министерство вооружённых сил (МВС) Франции выпустило доклад «Франция и безопасность в Индо-Тихоокеанском регионе» [10], термин ИТР закрепляется во французских документах. Он фигурирует в «Стратегии французской обороны в ИТР»,

³ Свыше половины из них приходится на шесть государств: ОАЭ (24 тыс.), Китай (24 тыс.), Австралию (21 тыс.), Мадагаскар (15 тыс.), Таиланд (13 тыс.) и Сингапур (12 тыс.) [Alexandre, 2023].

выпущенной МВС в 2019 году [11], в докладе Национального собрания (НС) №5041 от 2022 года «Индотихоокеанское пространство: расклады и стратегия для Франции» [2], в докладе Сената №285 «Французская стратегия для ИТР: от амбиций к реальности» [12], и в разделе по ИТР на сайте МИД Франции [13].

Второй вопрос – о французском видении границ АТР/ИТР – не менее сложен. В документах эти границы также серьёзно колеблются: «от Майотты до Клиппертон» (стратегия МИД 2018 года [9: 4]), от восточных берегов Африки до западных берегов Америки (доклад МВС 2019 года [10: 2]), «от Джибути до Полинезии» (стратегия французской обороны МВС 2019 года [11: 1]), «от восточных берегов Африки до островных государств Тихого океана» (стратегия МИД 2021 года [8: 8]). В 2022 году французские эксперты приходят к закономерному выводу, отражённому в докладе НС №5041: «Термин ИТР – многозначный и плавающий, каждый актор определяет его по-своему, исходя из своих интересов в регионе». Конкретно для Франции эти границы определяются в диапазоне «от восточных берегов Африки до западных берегов Америки» [2: 9, 19]. Эта мысль развита в докладе Сената 2023 года №285: «Географическая связность ИТР не очевидна и страдает от преобладания анализа континентальных блоков». Здесь границы ИТР снова определяются как «от восточных берегов Африки до восточных берегов Южной Америки» [12: 23, 52]. Апофеозом невнятности при определении границ ИТР выглядит объяснение на сайте МИД Франции: «Что такое ИТР? ИТР – это геополитическое понятие. В его основе лежит констатация общих вызовов для всего этого пространства, которые уже более 10 лет являются ареной глубоких стратегических потрясений» [13]. Признавая проблему с атрибуцией границ ИТР, сенаторы предлагают разделить его на четыре субрегиона для удобства управления французскими владениями: 1) западная часть Индийского океана (от Африки до Индии и Пакистана), 2) восточная часть Индийского океана (от Пакистана и Индии до стран АСЕАН и Японии), 3) западная часть Тихого океана (Австралия и Океания) и 4) восточная часть Тихого океана (от Океании до Америки) [12: 13]. Всё это позволяет сделать два вывода: 1) понятие «ИТР» утвердилось в лексиконе французских властей совсем недавно; 2) Франция продолжает поиск оптимальных для себя границ этого региона, исходя из своих интересов и региональных вызовов для своей внешней политики. Рассмотрим ключевые возможности и проблемы, связанные с присутствием Франции в ИТР. Что же оно даёт Парижу?

С точки зрения экономики, это вторая в мире исключительная экономическая зона (9 млн кв. км) с различными морскими ресурсами (60% её составляют воды вокруг Французской Полинезии [14: 17]). Это также доступ к региону, ключевому для глобального рынка в плане демографии (60% населения планеты), производства (40% мирового ВВП); мировой торговли (через ИТР идёт 40% европейского импорта) [2: 22–24] и полезных ископаемых (85% мировых запасов лития, в основном в Индонезии, 75% никеля и 74% меди) [12: 6]. ИТР также важен для Франции как рынок сбыта гражданской продукции (на регион приходится более 1/3 французского экспорта за пределами ЕС [2: 63]) и военного производства (в 2017–

2020 годах на регион пришлось 22%, ключевым покупателем выступила Индия [2: 68–69]).

Не менее важен регион для Парижа и в политическом плане. Опираясь на свои владения в ИТР, Франция вовлекается в многостороннюю субрегиональную интеграцию (форум «Азия – Европа»; Балийский договор; «Партнёрство по развитию» при АСЕАН; саммит «Франция – Океания»; соглашения ФрАНЗ⁴; Форум тихоокеанских островов; Тихоокеанское сообщество; Тихоокеанская региональная программа по охране окружающей среды; диалог Шангри-Ла; Ассоциация стран бассейна Индийского океана; Военно-морской симпозиум в Индийском океане; Комиссия Индийского океана). После брексита в 2020 году Франция и во все осталась единственным государством – членом ЕС, присутствующим в регионе и продвигающим там интересы ЕС (соглашение ЕС о стратегическом партнёрстве с АСЕАН в 2020 г; принятие индо-тихоокеанской стратегии ЕС в 2021 году и т.д.). Франция работает над укреплением своего присутствия в регионе в плане оказания помощи развитию (в регионе 27 офисов Французского агентства развития [Alexandre, 2023]) и через поддержку своего культурного влияния (Международная организация франкофонии).

ИТР значим для Франции и с точки зрения безопасности. Наличие владений даёт Парижу право развивать здесь средства транспорта и коммуникации (флот, авиация, космическая связь) и проводить военные учения. Сеть соглашений в области обороны определяют военно-политический диалог и развитие ВТС Франции с 15-ю государствами ИТР. Париж активно выступает в регионе с различными гуманитарными инициативами (Международный солнечный альянс 2018 года, Крайстерчский призыв к борьбе против терроризма и экстремизма в Интернете 2019 года, инициатива *Kiwa* по защите биоразнообразия 2021 года) [Чихачев, Гуляев, 2022: 62]), способными повысить её авторитет в мире.

В то же время присутствие Франции в регионе осложняется рядом проблем. Прежде всего, это значительная удалённость «осколков империи» от Европы, осложняющая логистику: авиарейс из Парижа до Реюньона занимает около 11 часов, до Полинезии – 18, до Новой Каледонии – 21 [12: 31]. Это фрагментация островных владений: в силу своих малых размеров и разбросанности по двум океанам ни одно из них не способно стать серьёзным экономическим полюсом в регионе [Alexandre, 2023]. Отметим ряд невоенных угроз для французских владений: это природные катастрофы и климатические угрозы (Полинезия и Реюньон), незаконный вылов рыбы (в Полинезии), наркотрафик (Колумбия – Полинезия – Азия), нелегальная миграция (Майотта) и пиратство [15: 23–24]. По границам и статусу заморских владений у Франции существуют политические трения: в Индийском океане – с соседями, такими как Коморские острова (из-за Майотты) или Мадагаскар (из-за Разбросанных островов), в Тихом океане – с сепаратистскими

⁴ Трёхстороннее соглашение Франции, Австралии и Новой Зеландии 1992 г. по оказанию военно-гражданской помощи странам Океании, пострадавшим от природных катастроф.

движениями в Новой Каледонии, Полинезии и на островах Уоллис и Футуна. Что касается французских военных сил в ИТР, то их общая численность невелика – около 7 тыс. военных, 10 боевых и 13 транспортных самолётов, 17 вертолётов и 12 боевых кораблей, при этом эти силы распылены по пяти опорным пунктам⁵. Наконец, французские позиции на рынках стран ИТР довольно слабы: в 2020 году на рынках Индии, Индонезии, Вьетнама и Малайзии Франция, имевшая долю в 0,6–1,1%, уступала не только Китаю (10–18%) и США (5–8%), но и Японии (2,7–7,7%) с Германией (1,3–3,5%) [12: 47]. В этих условиях не случайна растущая восприимчивость французских владений к политическому и экономическому влиянию других стран ИТР, особенно Китая [Гарин, 2021: 75]. Тем самым, несмотря на долгое присутствие в значимом для неё регионе, Франция имеет здесь ограниченный экономический и политический ресурс. Последний хоть и позволяет ей участвовать в региональных процессах, но ограничивает её державные амбиции и возможности.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ФРАНЦИИ В ИТР В 2017–2021 ГОДАХ

Избрание президентом Франции Э. Макрона в 2017 году открыло новую страницу в политике Франции в ИТР. Основной дилеммой в формировании французского курса стало отношение Парижа к КНР – второй с 2010 года экономики мира после США, выдвинувшей в 2013 году концепцию «Один пояс – один путь», а значит, к американо-китайскому соперничеству. В отличие от США, взявших курс на сдерживание КНР ещё в 2007 году (альянс «четвёрка» – *QUAD*), Франция восприняла экономическое возвышение Китая двояко – как вызов и как возможность. Опираясь на экономическое и особенно военно-техническое присутствие в регионе, оставленное ему Ф. Олландом (2012–2017), Э. Макрон «предпочитал амбивалентность, подчёркивая, что укрепление мощи Китая не имеет запрограммированных последствий» [Современная Франция, 2022: 206].

Прежде всего, экономический подъём Китая нёс выгоды французскому бизнесу, заинтересованному как в рынке Поднебесной, так и в получении китайской продукции. Ещё в 2016 году Франция и КНР создали совместный фонд и комитет для координации сотрудничества и проектов, а символом их сближения стало прибытие в Лион поезда из Уханя. Макрон одним из первых лидеров в ЕС поддержал концепцию «Один пояс – один путь», дважды (в январе 2018 года и в

⁵ Французские силы в ИТР размещены в Джибути (1450 военных, 4 боевых самолёта, 1 военно-транспортный самолёт, 8 вертолёт), в ОАЭ (650 военных, 6 боевых самолётов, 1 военно-транспортный самолёт), на Реюньоне (2000 военных, 2 военно-транспортных самолёта, 2 вертолёта, 5 боевых кораблей), в Новой Каледонии (1660 военных, 4 транспортных самолёта, 4 вертолёта, 4 боевых корабля) и во Французской Полинезии (1180 военных, 5 транспортных самолётов, 3 вертолёта, 3 боевых корабля). [15: 25].

ноябре 2019 года) побывал в Китае, а в марте 2019 года принял Си Цзиньпина во Франции. Все эти встречи сопровождались заключением серьёзных торгово-экономических контрактов и политических договорённостей, отражая намерение обеих сторон двигаться к «стратегическому партнёрству». Точками сближения Франции и Китая выступали и ценностные вопросы, такие как защита климата, свобода торговли и движение к многополярности. Но это партнёрство, как отмечает Е.О. Обичкина, было важно для Франции и как возможность укрепить позиции ЕС в диалоге с США и Китаем, придав политике ЕС новое – морское – измерение и превратив Францию в посредника между Китаем и Западом [Современная Франция, 2022: 179].

В то же время Париж увидел в возвышении КНР серьёзный вызов, который выразился в трёх измерениях: 1) экономическом – растущий дефицит торговли Франции с Китаем (от 32,3 млрд евро в 2019 году до 39,6 млрд в 2021 году) [16] и конкуренция за инвестиции в Африке; 2) политическом – ценностные противоречия, связанные с правами человека в Китае и территориальными спорами вокруг Тайваня и в Южно-Китайском море; 3) в плане безопасности – секьюритизации китайского присутствия в Европе, особенно инфраструктуры. В 2019 году во Франции принят закон № 2019-810, обязывающий мобильных операторов перед эксплуатацией оборудования, использующего сети пятого поколения (5G), получать разрешение премьер-министра, что ограничивало экспансию КНР в этой сфере. Ситуацию усугубила пандемия COVID-19, поскольку оперативная медицинская помощь, оказанная КНР Италии весной 2020 года при фактическом бездействии стран ЕС ставила последних в неприглядную ситуацию.

Сегодня Франция разделяет тройственный подход ЕС к Китаю: КНР воспринимается одновременно как политический партнёр, экономический конкурент и ценностный соперник [13]. МИД Франции называет этот подход не «антикитайским», а «инклюзивным», заявляя, что Париж стремится создать в ИТР «свободное, открытое и свободное от принуждения пространство» (с упором на сохранение статус-кво, свободу навигации, мультилатерализм и уважение международного права) и готов сотрудничать с Пекином по вопросам, представляющим общий интерес (например, в сфере экологии) [2: 66]. Но такой курс лишь условно нейтральный, поскольку он идейно-политически ближе США, чем Китаю. И если методы Парижа и Вашингтона в ИТР различаются, то их цели более близки, чем у Парижа с Пекином [13].

На этом фоне любопытны попытки Франции выступить в ИТР в роли проводника «третьего пути» для стран, не желающих выбирать между блоками во главе с США и КНР. Эту идею Э. Макрон представил 2 мая 2018 года в виде проекта «оси» Париж – Дели – Канберра, назвав её ключевой для ИТР, а интересы трёх держав общими в регионе [17]. В стратегии «Франция и безопасность в ИТР», изданной в 2018 и 2019 годах, прописан круг желаемых партнёров Парижа в регионе: это Индия – стратегический партнёр Франции (далее – СПФ) с 1998 года, Австралия (СПФ с 2012 года) и Япония (СПФ с 1995 года). Показательно, что все три

державы уже являются партнёрами США по «четвёрке» [15: 28]. Кроме них, к числу партнёров отнесены четыре государства – члена АСЕАН: Малайзия, Сингапур (СПФ с 2012 года), Индонезия (СПФ с 2011 года), Вьетнам (СПФ с 2013 года), и Новая Зеландия (партнёр Франции в рамках ФрАНЗ). Почти тот же перечень ключевых партнёров в ИТР (правда, без Малайзии и Новой Зеландии) Франция представила в июле 2021 года [8: 10, 42]. Своего рода фундаментом в этой сети партнёрств для Франции стали гражданские и военные контракты, особенно соглашения 2016 года с Австралией (о поставке ей 12 подводных лодок «Барракуда» на сумму 34 млрд евро) и с Индией (о продаже ей 36 истребителей «Рафаль» на сумму 8 млрд евро). Также в декабре 2021 года Франция договорилась о поставке 80 «Рафалей» для ОАЭ на сумму 17 млрд евро, а в феврале 2022 года – о поставке 6 «Рафалей» для Индонезии на сумму 7 млрд евро. Париж также попытался подтянуть к региону других европейцев: во многом с его подачи в сентябре 2021 года была принята стратегия ЕС по сотрудничеству в ИТР [18], направленная на закрепление независимой роли Брюсселя в АТР/ИТР. Эта тактика имела шансы на успех, хотя и не противоречила участию Франции в общем западном лагере [Чихачев, Гуляев, 2022: 62]. При этом было неясно, как Париж отреагирует на возможное обострение ситуации в ИТР, если оно произойдёт, и получит ли поддержку партнёров по формируемой им коалиции.

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ФАКТОРОВ НА БЕЗОПАСНОСТЬ В ИТР И КУРС ФРАНЦИИ (2021–2024)

Первой проверкой эффективности политики Франции в регионе стали кризисы 2021–2022 годов, когда Париж столкнулся с двумя новыми факторами, влияющими на ситуацию в ИТР. Первым из них стало подписание 15 сентября 2021 года трёхстороннего военно-политического соглашения АУКУС. Францию не только не пригласили в этот альянс, но в тот же день Австралия разорвала «контракт века» 2016 года на строительство 12 дизельных подлодок с Францией, чтобы заключить новый, уже с США, на поставку подлодок на ядерном топливе. Эти события вызвали серьёзный дипломатический кризис между Францией, с одной стороны, и США и Австралией – с другой. Ситуация имела двойную подоплёку. С экономической точки зрения, французская судостроительная компания *Naval Group* лишалась будущего гонорара в размере 23% контракта (8 млн евро) за уже начатые строительные работы⁶. В итоге вместо 8 млрд евро Франция получила от австралийцев лишь часть платежей за уже проведённые работы (0,8 млрд евро) и неустойку (0,55 млрд евро), что в целом составило около 1,35 млрд евро – сумма,

⁶ Согласно контракту, основная часть работ должна была проходить в Австралии силами местных компаний. Поэтому из 34,5 млрд евро 60% суммы (20,7 млрд) должны были достаться местным предприятиям, *Naval Group* должна была получить 23%. Оставшиеся 17% (5,8 млрд евро), очевидно, полагались прочим подрядчикам [15: 34].

сравнимая со стоимостью двух фрегатов типа *FDI* [19]. Гораздо более болезненным для Парижа стал политический подтекст событий. Он показал, что несмотря на смену президента в Белом доме фактический курс США в ИТР не изменился, а претензии Франции (как и ЕС, только опубликовавшего свою Индо-Тихоокеанскую стратегию) на роль автономного центра силы в регионе не принимаются всерьёз. Вопрос о том, насколько амбиции Парижа в ИТР соответствуют его реальным возможностям, снова встал на повестку дня. Именно это объясняет болезненную реакцию Франции на события: первый в истории отзыв французских послов «для консультаций» из США и Австралии, отмена торжеств в честь Чесапикского сражения 1781 года – одного из символов франко-американского союзничества, резкие заявления главы МИД Франции о «двуличии» и «ударе в спину» и т.д. [Рубинский, Фёдоров, 2021: 6–7]. Хотя позже США принесли извинения и кризис был исчерпан, данные события подчеркнули необходимость для Франции искать новые ресурсы, чтобы отстаивать свои интересы.

Вторым фактором, влияющим на ситуацию, стал кризис безопасности в Европе, вспыхнувший после начала Россией специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 года. Несмотря на географическую удалённость от ИТР, эти события кардинально повлияли на всю систему отношений Франции и других государств ЕС и НАТО к России, США и Китаю. Если отношения государств ЕС и НАТО с Россией серьёзно деградировали, то значение китайского фактора в треугольнике ЕС – США – Россия лишь выросло. Украинский конфликт способствовал сближению Франции с США, а России – с КНР в вопросах безопасности. В общих коммюнике, принятых странами – членами НАТО на саммитах блока 29 июня 2022 и 11 июля 2023 года отмечалось, что политика КНР, особенно «стратегическое партнёрство» Пекина с Москвой, наносит ущерб интересам, безопасности и ценностям стран – членов альянса и подрывает «миропорядок, основанный на правилах». В то же время Франция, не заинтересованная в чрезмерном сближении Пекина и Москвы, стремится не обострять отношения с КНР. В Национальном стратегическом обзоре, принятом во Франции в ноябре 2022 года, отмечалось, что Париж намерен не допустить расширения ответственности НАТО на ИТР [20: 39]. В апреле 2023 года Э. Макрон вместе с главой Еврокомиссии У. фон дер Ляйен побывали в Китае, где он подписал серию контрактов и провёл переговоры с Си Цзиньпином как по вопросам Украинского кризиса, так и по недопущению эскалации в Тайваньском проливе. В июле 2023 года он выступил против открытия в Японии бюро НАТО. В мае 2023 года Макрон уже принял Си Цзиньпина в Париже. Хотя 7 апреля 2023 года Макрон добился от лидера КНР согласия на «поддержку любых усилий ради возвращения мира на Украину», а 6 мая 2024 года обязательств не поставлять оружие России и строго контролировать экспорт в РФ товаров двойного назначения из КНР, эти обещания не стоит переоценивать, так как Пекин по-прежнему занимает осторожную позицию по украинскому кризису. Вероятно, Китаю не помешала бы поддержка со стороны Франции и ЕС в целом, в ИТР перед лицом США, да и Франция, скорее всего,

приветствовала бы поддержку её позиции Китаем перед лицом России. Но пока что ни Франция, ни Китай не готовы существенно корректировать свой курс, выжидая дальнейшего развития событий.

Новые факторы заставляют Париж внимательно калибровать свою политику в ИТР, чтобы сохранять автономию своего проекта от чрезмерного сближения с США, но при этом не допускать осложнения отношений с Китаем. 22 февраля 2022 года в Париже состоялся Министерский форум по сотрудничеству в ИТР с участием всех стран ЕС, 26 государств ИТР и шести международных организаций, но туда не были приглашены ни США, ни КНР. В ноябре 2022 года на саммите АТЭС в Таиланде Макрон заявил, что Франция выступает против какой-либо «гегемонии» США или КНР в регионе и поэтому ратует за сотрудничество большинства государств ИТР, чтобы предотвратить «конфронтацию» двух держав.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на разные шаги, предпринятые Францией для утверждения в ИТР коалиции «третьего пути», пока что этот проект Макрона вызывает больше вопросов, чем даёт ответов. Судя по всему, представители французской политической элиты и сами сознают трудности для реализации своих амбиций в регионе. Хотя точно спрогнозировать дальнейшие действия Парижа в ИТР сложно, попытаемся определить возможные направления дальнейших действий Франции. Наиболее вероятными из них видятся два.

Первый – пересборка состава участников французской «оси» в ИТР. Хотя после кризиса с подлодками франко-австралийские отношения в целом нормализовались, скорее всего, в ближайшее время Австралия вряд ли будет восприниматься в качестве надёжного союзника Парижа [Чихачев, 2023: 62]. Так, на сайте МИД Франции в разделе по ИТР, обновлённом в январе 2023 года, Австралия уже не числится среди «стратегических партнёров» в регионе [13], но остаётся в списке ключевых партнёров. Основной же акцент, скорее всего, будет сделан на углублении связей с Индией и Японией, к которым могут добавиться новые партнёры. Краеугольным камнем франко-индийского партнёрства остаются оружейные контракты: в июле 2023 года Индия дала согласие на закупку 26 истребителей «Рафаль» и 3 подлодок «Скорпена» (их условия и цена пока согласовываются). 14 июля 2023 года индийские военные впервые приняли участие в праздничном параде Франции, а президент Индии Н. Моди стал главным гостем церемонии. Что касается Японии, то её роль в качестве опоры «оси» не кажется бесспорной из-за военного союзничества Токио с Вашингтоном, хотя Париж и Токио решили в 2023 году сделать военно-политические контакты регулярными [Чихачев, 2023: 65]. В этих условиях Франция, скорее всего, будет искать в регионе новых участников для своей коалиции. Наибольшими здесь видятся шансы государств АСЕАН как ключевого регионального союза, разделяющего с Францией принципы уважения международного права, сохранения стабильности и

безопасности морских путей [Le Scolan, Mottet, 2024: 3]. Особенное внимание французские эксперты сейчас уделяют крупнейшей стране АСЕАН – Индонезии, которая в феврале 2022 года согласилась закупить во Франции военную технику: 42 «Рафаля» и 2 подлодки «Скорпена» [15: 60]. Не исключено, что к своей «оси» Франция будет подтягивать Сингапур (с которым в июне 2022 года подписано соглашение о ВТС), Вьетнам (балансирующий между США и Китаем), а также ОАЭ и Джибути (играющих для Франции роль опорных точек в западной части ИТР). Звучат предложения рассмотреть в качестве партнёров и другие страны, например, Кению [15: 62] и Пакистан [12: 10]. Наконец, насыщенный календарь поездок Макрона по ИТР в 2023 году: Китай, Япония, Монголия, Вануату, Шри-Ланка, Папуа-Новая Гвинея, Индия и Бангладеш – может подтверждать настрой Парижа на поиск новых партнёров в регионе.

Второй шаг может состоять в подключении к французской коалиции европейцев – партнёров по ЕС и Великобритании. Опыт принятия стратегии ЕС в ИТР в 2021 году и «Стратегического компаса» ЕС в 2022 году показывает, что Франция может привлечь в ИТР Германию, Нидерланды, Италию и Испанию – бывшие колониальные державы, не имеющие в ИТР владений, но ведущие активную морскую и торговую политику. Если Франция предоставит им свои владения в качестве баз, то они могли бы помочь вовлечению ЕС в регион, поддерживая интересы Франции и координируясь с ней в вопросах совместного патрулирования и проведения учений в регионе, общей политики продажи вооружений и проч. [2: 120–121]. Правда, далеко не все государства – члены ЕС готовы вовлекаться в ИТР, особенно в интересах Франции – по причине экономической конкуренции [Alexandre, 2023]. Что касается Великобритании, имеющей владения в ИТР и серьёзный военный потенциал, то её поддержка усилила бы гипотетическую «ось», но её «особые отношения» с США и участие в блоке АУКУС в принципе ставят под сомнение концепцию профранцузской коалиции как «третьего пути» [15: 49].

Но главное – все эти возможные шаги не решают основную проблему французского курса в ИТР: аморфность проекта «третьего пути» между США и Китаем. Она проистекает из двух причин. Первая – неопределённость целей французской политики в Индо-Тихоокеанском регионе [2: 10; 12: 18–19]. Если Франция отказывается принимать блоковую логику и желает быть «страной-балансиром» в регионе, то как она намерена обеспечить автономность коалиции «третьего пути»? Что Париж будет делать в случае эскалации кризиса между США и КНР – например, вокруг Тайваня? Поддержит ли Франция своего главного союзника по НАТО или устранился от конфликта со своим вторым экономическим партнёром? Последует ли за общей позицией ЕС или займет позицию «одинокого всадника»? [Чихачев, 2023: 66] Вторая проблема – несоответствие французских амбиций ресурсному потенциалу, тем более в сравнении с США и Китаем, что снижает привлекательность предложений Парижа в глазах региональных держав. «Прежде всего мы призываем прояснить наши цели и средства в этом регионе. Учитывая продолжающуюся поляризацию, которая беспокоит многие страны

региона, установление баланса видится сегодня даже более необходимым, чем вчера. Франция также должна уточнить средства, которые она готова использовать, чтобы сделать ИТР настоящим приоритетом», – эта рекомендация из парламентского доклада февраля 2022 года по-прежнему актуальна [2: 10]. Осознавая эти недостатки, французские сенаторы в 2023 году предложили провести ряд реформ: оптимизировать структуру управления владениями в ИТР, разделив их на четыре субрегиона, которые будут курировать четыре замминистра иностранных дел; улучшить управление владениями; увеличить численность французского военного контингента в ИТР – в том числе путём ввода в строй нового авианосца и расширения парка авиации [12: 10]. Но в любом случае без ясного понимания своих целей в регионе и средств для их достижения французские планы сформировать коалицию «третьего пути» вряд ли реализуются.

ИСТОЧНИКИ

1. Kauffmann S. La France Peut-elle Devenir une Puissance de l'Asie-Pacifique? *Le Monde*. 02.06.2013. Available at: http://www.lemonde.fr/asie-pacifique/article/2013/06/02/la-france-puissance-de-l-asie-pacifique-combien-deditions_3422496_3216.html (accessed: 11.05.2024).
2. Rapport d'information № 5041 sur l'espace indopacifique: enjeux et stratégie pour la France. 16.02.2022. *Assemblée Nationale*. Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/rapports/cion_afetr/l15b5041_rapport-information.pdf (accessed: 11.05.2024).
3. Livre blanc sur la defense nationale 1972. T.1. Available at: https://www.defense-et-republique.org/1Fichiers/defense%20textes/1972_00_00_LB_V1.pdf (accessed: 11.05.2024).
4. Livre blanc sur la Défense 1994. Available at: <https://www.vie-publique.fr/files/rapport/pdf/944048700.pdf> (accessed: 11.05.2024).
5. Défense et Sécurité nationale: le Livre blanc 2008. Available at: <https://www.vie-publique.fr/files/rapport/pdf/084000341.pdf> (accessed: 11.05.2024).
6. Livre blanc sur la défense et la sécurité nationale 2013. Available at: <https://www.vie-publique.fr/files/rapport/pdf/134000257.pdf> (accessed: 11.05.2024).
7. Revue stratégique de défense et de sécurité nationale - 2017. Available at: <https://www.vie-publique.fr/files/rapport/pdf/174000744.pdf> (accessed: 11.05.2024).
8. La stratégie de la France dans l'Indopacifique (juillet 2021). Elysee.fr. Available at: <https://www.elysee.fr/admin/upload/default/0001/10/c3852600ccbecbcb2fa05ecf147fa307a79ac17.pdf> (accessed: 11.05.2024).
9. Livre blanc. Stratégie française en Asie-Océanie à l'horizon 2030. Vers un espace asiatique indopacifique inclusif. 2018. *France Diplomatie*. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/livre_blanc-com_fr-eng_cle876fb2-1.pdf (accessed: 11.05.2024).

10. La France et la sécurité en Indopacifique - 2019. Available at: https://fr.frankeintheus.org/IMG/pdf/La_France_et_la_s%C3%A9curit%C3%A9_en_Indopacifique_-_2019.pdf (accessed: 11.05.2024).

11. La Stratégie de défense française en Indopacifique - Résumé - 2019. Available at: <https://www.archives.defense.gouv.fr/content/download/559433/9681745/file/La%20Strat%C3%A9gie%20de%20d%C3%A9fense%20fran%C3%A7aise%20en%20Indopacifique%20-%20R%C3%A9sum%C3%A9%20-%202019.pdf> (accessed: 11.05.2024).

12. Rapport d'information № 285 (2022-2023). La stratégie française pour l'Indopacifique: des ambitions à la réalité, 25.01.2023. *Senat.fr*. Available at: <https://www.senat.fr/rap/r22-285/r22-285.html> (accessed: 11.05.2024).

13. Indopacifique: 8 questions pour comprendre la stratégie de la France dans la région (janvier 2023). *France Diplomatie*. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/strategies-regionales/indopacifique/indopacifique-8-questions-pour-comprendre-la-strategie-de-la-france-dans-la-65258/> (accessed: 11.05.2024).

14. La stratégie de la France dans l'Indopacifique (février 2022). *France Diplomatie*. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/fr_a4_indopacifique_022022_dcp_v1-10-web_cle017d22.pdf (accessed: 11.05.2024).

15. Rapport d'information № 5053 sur les enjeux de défense en Indopacifique. 17.02.2022. *Assemblée Nationale*. Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/rapports/cion_def/l15b5053_rapport-information (accessed: 11.05.2024).

16. Echanges bilatéraux entre la France et la Chine (22.03.2023). *Direction Générale du Trésor*. Available at: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/Pays/CN/echanges-bilateraux-entre-la-france-et-la-chine> (accessed: 11.05.2024).

17. Macron souhaite un axe stratégique Paris-New Delhi-Canberra. *Challenges*. 02.05.2018. Available at: https://www.challenges.fr/top-news/macron-souhaite-un-axe-strategique-paris-new-delhi-canberra_584516 (accessed: 11.05.2024).

18. Joint communication to the European Parliament and the Council. The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific. 16.09.2021. *European Commission*. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jointcommunication_2021_24_1_en.pdf (accessed: 11.05.2024).

19. *Lamigeon, V.* Sous-marins australiens : un an après, la France surnage, l'Australie doute. *Challenges*. 15.09.2022. Available at: https://www.challenges.fr/entreprise/defense/sous-marins-australien-un-an-apres-la-france-surnage-l-australie-doute_827810 (accessed: 11.05.2024).

20. Revue nationale stratégique 2022. *Vie publique*. Available at: <https://www.vie-publique.fr/files/rapport/pdf/287163.pdf> (accessed: 11.05.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гарин А.А. Обновленная Индо-Тихоокеанская стратегия Франции: анализ ключевых положений. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2021, Том IV, № 4 (53). С. 67–76. DOI:10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-067-076

Коновалов И. А. Индо-Тихоокеанский регион в установках доктринальных документов Великобритании, Франции и Германии. *Вестник Центра изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе*. 2022. Вып. 7. С. 30–38.

Рубинский Ю.И., Фёдоров С.М. «Кризис подводных лодок» и его возможные последствия. *Аналитические записки Института Европы РАН*. 2021. №29 (259). С. 5–11. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics42920210511>

Современная Франция: между тревогами и надеждами. Отв. ред.: М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2022. DOI:10.20542/978-5-9535-0605-2

Чихачев А.Ю. Военно-политическая стратегия Франции в ИТР после создания AUKUS. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. №12. С. 60–70. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-60-70

Чихачев А.Ю. Основы современной внешней политики Франции в Индо-Тихоокеанском регионе. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2020. № 1 (838). С. 111–123.

Чихачев А.Ю., Гуляев Е.В. Стратегии Франции и Германии в Индо-Тихоокеанском регионе. *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. № 5. С. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-5-59-67

REFERENCES

Alexandre, V. La stratégie française dans l'espace indo-pacifique. Webinaire de la Défense - 15 février 2023. *Les Clionautes*. Available at: <https://www.clionautes.org/la-strategie-francaise-dans-lespace-indo-pacifique.html> (accessed: 11.05.2024).

Chikhachev, A.Yu. Basics of French Foreign Policy in Indo-Pacific Region. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2020, no. 1, pp. 111–123. (In Russ.)

Chikhachev, A.Yu. France's military and political strategy in the Indo-Pacific after creation of AUKUS. *World Economy and International Relations*. 2023. Vol. 67. №12. Pp. 60–70. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-60-70 (In Russ.).

Chikhachev, A.Yu., Guliaev, E.V. French and German strategies in the Indo-Pacific. *World Economy and International Relations*. 2022. №5. Pp. 59–67. (In Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-5-59-67 (In Russ.).

Contemporary France: between worries and hopes / M.V. Klinova, A.K. Kudriavtsev, P.P. Timofeev, eds. – Moscow, IMEMO, 2022. DOI:10.20542/978-5-9535-0605-2 (In Russ.).

Garin A.A. France's Updated Indo-Pacific Strategy: Analysis of Key Provisions. *South East Asia: Actual Problems of Development*, 2021, Vol. IV, № 4 (53). Pp. 67–76. DOI: 10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-067-076 (In Russ.).

Konovalov, I.A. Indo-Pacific in British, French, and German strategic guideline documents. *Vestnik (Bulletin) of Asia-Pacific International Relations Study Center*. 2022. Vol. 7. Pp. 30–38. (In Russ.)

Le Scolan, M., Mottet, E. Indonésie, Singapour, Vietnam: Quelles perspectives pour le second cercle des partenariats stratégiques de la France en Indo-Pacifique? *IRIS. Asia Focus*. Note №215. Mars 2024. 15 p. Available at: https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2024/03/Asia-Focus-215_LE-SCOLAN-Marie.pdf (accessed: 11.05.2024).

Martin, B. Cartographier les discours sur l'Indo Pacifique. *Science Po. Atelier de cartographie*. 2019. Available at: <https://www.sciencespo.fr/cartographie/recherche/cartographier-les-discours-sur-lindo-pacifique/>

Rubinskiy, Y.I., Fedorov, S.M. The “submarine crisis” and its possible consequences. *Analytical papers of IE RAS*. 2021. №29 (259). Pp. 5–11. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics42920210511> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТИМОФЕЕВ Павел Петрович, кандидат политических наук, заведующий сектором региональных проблем и конфликтов Отдела европейских политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Российская Федерация, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Pavel P. TIMOFEEV, Candidate of Sciences (Politics), Head of Section for Regional Issues and Conflicts, Department for European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO). 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.05.2024 / Received 15.05.2024.

Поступила после рецензирования 27.05.2024 / Revised 27.05.2024.

Статья принята к публикации 28.05.2024 / Accepted 28.05.2024.

JEL: F53

УДК: 327; 339.5

DOI: 10.31857/S2686673024070093

EDN: YCEUZL

Роль России и Китая в противоборстве двух государств с Соединёнными Штатами

А.Ф. Клименко

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

РИНЦ ID: 250693

ORCID: 0000-0003-4925-6229

e-mail: klimenko46@mail.ru

Резюме. Настоящая статья посвящена анализу межгосударственного соперничества между США и Китаем и роли России в международных отношениях в целом. Исследование затрагивает несколько ключевых аспектов, включая эволюцию отношений между США и КНР, нынешний кризис в двусторонних отношениях и стратегическое взаимодействие России и Китая, направленное против экспансии США и коллективного Запада. В статье акцентируется внимание на возможности прямого военного столкновения между США и Китаем, а также анализируется вероятность участия России в таком конфликте. Целью исследования был анализ американо-китайских противоречий и роль России и Китая в потенциальных и реальных конфликтах с участием стран Запада. Автор делает несколько важных выводов.

Во-первых, успешные действия российских вооруженных сил на Украине подрывают планы США и Запада, что приводит к попыткам «заморозки» конфликта и восстановлению военного потенциала Украины.

Во-вторых, напряжённость в Индо-Тихоокеанском регионе и укрепление союзов, направленных против Китая, усиливают необходимость сближения России и КНР.

В-третьих, взаимная поддержка и сотрудничество в сфере безопасности между Россией и Китаем являются ключевыми для обеспечения стабильности на их общей границе и формирования справедливого миропорядка.

Автор призывает к наращиванию совместных усилий России и Китая в рамках международных организаций, таких как ШОС, ОДКБ и БРИКС, для обеспечения безопасности и стабильности на пространстве Большой Евразии.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, специальная военная операция, сотрудничество, безопасность.

Для цитирования: Клименко А.Ф. Роль России и Китая в противоборстве двух государств с Соединёнными Штатами. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(7): 114–126. DOI: 10.31857/S2686673024070093 EDN: YCEUZL

The Role of Russia and China in the Confrontation with the United States

Anatoly F. Klimenko

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

РИНЦ ID: 250693 ORCID: 0000-0003-4925-6229 e-mail: klimenko46@mail.ru

Abstract: The present article analyzes the interstate rivalry between the United States and China, as well as Russia's role in international relations in general. The study touches upon several key aspects, including the evolution of U.S.-China relations, the current crisis in bilateral relations, and the strategic interaction between Russia and China against the expansion of the United States and the collective West. The article focuses on the possibility of a direct military clash between the U.S. and China and analyzes the likelihood of Russia's involvement in such a conflict. The aim of the study was to analyze U.S.-China contradictions and the role of Russia and China in potential and actual conflicts involving Western countries.

The author draws several important conclusions. First, the successful actions of the Russian armed forces in Ukraine undermine the plans of the U.S. and the West, leading to attempts to "freeze" the conflict and restore Ukraine's military potential. Second, tensions in the Indo-Pacific region and the strengthening of alliances directed against China reinforce the need for Russia and the PRC to come closer together. Third, mutual support and security cooperation between Russia and China are key to ensuring stability on their common border and the formation of a just world order. The author calls for increased joint efforts between Russia and China within the framework of international organizations such as the SCO, CSTO, and BRICS to ensure security and stability in Greater Eurasia.

Keywords: Russia, China, USA, special military operation, Taiwan, cooperation, security.

For citation: Klimenko, A.F. The Role of Russia and China in the Confrontation with the United States. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(7): 114–126. DOI: 10.31857/S2686673024070093 EDN: YCEUZZ

ВВЕДЕНИЕ

Проблема межгосударственного соперничества между США и КНР находится в фокусе внимания политологов. Ситуация на этом направлении анализируется в трудах российских и международных учёных и экспертов. При этом экспертами оценивается, как правило, сама возможность непосредственного столкновения США и КНР, а также вероятность участия и роль России в эвентуальном американо-китайском конфликте с точки зрения приемлемости для неё последствий такого участия. И, наоборот, ставится под сомнение возможность вмешательства Китая в российско-американский конфликт на стороне РФ.

Возникает вопрос: увеличивается ли вероятность американо-китайского столкновения на фоне российской специальной военной операции на Украине и каковы роль и место России и Китая? Под таким углом зрения данная ситуация в трудах упомянутых учёных и экспертов не рассматривалась.

В статье предпринята попытка проанализировать развитие международно-политической обстановки, определить роль и место России и Китая в противоборстве коллективного Запада против России и набирающего экономическую и

военную мощь Китая, которые в американской Стратегии национальной безопасности определены главными противниками США.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ США – КНР – РОССИЯ

Соперничество между доминирующими на международной арене и вновь набирающим силу государствами – явление в истории не новое и закономерное. Существует классическое определение, что в формуле древнегреческого философа Фукидида «рост могущества Афин усиливал страх Спарты» подразумевается «почти фатальная неизбежность войны в ситуации, когда из двух конкурирующих государств у одного растёт могущество, а другое, соответственно, опасается потери своего политического веса в международных раскладах» [1].

Американский профессор Грэм Аллисон, опираясь на примеры борьбы Афин и Спарты, сформулировал неизбежность военного столкновения поднимающейся китайской и снижающей своё влияние американской цивилизаций. И «хотя ни США, ни Китай, – отмечает профессор, – не хотят военного конфликта, между ними уже сложился некий невидимый механизм, который постепенно втягивает оба государства в неизбежную катастрофу» [Лузянин С.Г., 2023, 2: 5].

Следует заметить, что американо-китайские отношения прошли значительную эволюцию – от мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества до жесткого соперничества, которое охватило все основные сферы взаимодействия двух стран, от торгово-экономических до геополитических. Но взаимопроникновение экономических интересов, и взаимозависимость экономик двух стран вынуждало и Вашингтон, и Пекин уходить от прямой конфронтации.

С приходом к власти председателя Си Цзиньпина, новое руководство КНР решило, что дальнейшее отступление от принципов социализма грозит перерождением общества и несёт экзистенциальную угрозу государству. Привнесение идеологического фактора в межгосударственные отношения Соединённых Штатов и Китая углубило противоречия между ними.

Активизация наступательной дипломатии КНР, ставящей под сомнение гегемонию США и направленной на установление справедливого миропорядка, при наличии у Китая самого большого в мире ВВП (по паритету покупательной способности), наращивание им военного потенциала, с опережающим развитием военно-воздушных, военно-морских сил и стратегической ядерной триады, вызывают у США, мягко говоря, нарастающее беспокойство.

США ПРОТИВ КИТАЯ: НАПРЯЖЁННОСТЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НЕ СНИЖАЕТСЯ

Многие эксперты, в том числе китайские, оценивают небывалые по своему размаху учения стран – участниц НАТО в 2022–2023 годах как пролог третьей мировой войны. К примеру, по сообщению китайского издания «Глобал Таймс» (*Global Times*), «под прикрытием масштабных военных учений <...> военный блок НАТО начал подготовку к глобальному конфликту, а возможно даже собирается спровоцировать его начало» [5].

Очевидно, в стороне от этой войны не останется и КНР. Можно говорить о формах и способах сотрудничества двух наших стран в таком конфликте. Но на фоне обострения американо-китайских противоречий в процессе развития событий вокруг Тайваня и, в целом, в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), российско-китайское сотрудничество уже осуществляется. По словам министра обороны КНР, «нынешняя встреча полностью показывает общие чаяния по углублению стратегического взаимодействия, поддержания мира во всём мире, и она имеет особое значение <...> Мы оказали вам поддержку насчёт украинского вопроса несмотря на то, что США и Европа продолжают давить на китайскую сторону. Даже оборонительное сотрудничество между Китаем и Евросоюзом (оказалось) под ударом, но мы не будем из-за этого изменять или отказываться от установленной политики. И они не должны и не смогут помешать нормальному российско-китайскому сотрудничеству», – сказал министр обороны КНР [6].

Рассматривая проблему противостояния Соединённых Штатов и Китая, следует исходить из того, что в Вашингтоне воспринимают лидерство США в мире в качестве гарантии их нормального развития.

Президент Джозеф Байден во введении к Стратегии национальной безопасности (октябрь 2022 года), заявил: «Во всём мире потребность в американском лидерстве столь же высока, как и всегда. Мы находимся в ситуации стратегической конкуренции за формирование будущего миропорядка <...> Отвечая на этот вызов, США будут лидировать, опираясь на наши ценности, работать рука об руку с нашими союзниками и партнёрами и со всеми, кто разделяет наши интересы» [7].

Возникает вопрос, кто же не разделяет это стремление Вашингтона к лидерству? Ответ на него мы находим в той же Стратегии, где Китай определён как ключевая, а Россия как наиболее острая угроза национальной безопасности США и возглавляемому ими «свободному миру» [Тебин П.Ю. 2023, 21(1): 99–116].

Не ограничиваясь доктринальной риторикой, администрация Джо Байдена организует и проводит конкретные мероприятия по «сдерживанию ключевой угрозы» в лице Китая на пространстве ИТР.

Наряду с обострением ситуации на Корейском полуострове и Тайване, Вашингтон предпринимает усилия по эскалации островных споров в Южно-

Китайском и Восточно-Китайском морях, усиливает своё военное присутствие в регионе, включая наращивание систем ПРО, совершенствование имеющихся и создание новых военных баз и многосторонних организаций, в том числе с военно-политическим уклоном [подробнее: Клименко А.Ф. 2023, 7: 107–116].

Все американские двусторонние и многосторонние военно-политические союзы в регионе проходят своего рода «обновление» на базе антикитайского сплочения. В целом же прослеживается тенденция к формированию в ИТР коллективного пространства безопасности, азиатского аналога НАТО.

В ответ на провокационную деятельность США Китай отреагировал адекватно. В конце апреля 2022 года Си Цзиньпин, выступая на Боаоском азиатском форуме, выдвинул шесть принципов глобальной безопасности как в традиционных, так и в нетрадиционных её областях.

В документе указывается, что инициатива направлена на устранение коренных проблем международных конфликтов, улучшение управления в области глобальной безопасности, поощрение совместных международных усилий по обеспечению большей стабильности и определенности в нестабильную и меняющуюся эпоху для того, чтобы содействовать прочному миру и глобальному развитию. Отмечается, что поддержание мира и безопасности во всем мире, содействие глобальному развитию и процветанию должны стать стремлением всего международного сообщества [8].

Наряду с политической сферой, противодействие американской угрозе со стороны КНР охватывает как минимум экономико-технологические, военно-стратегические, а также региональные проблемы, включая корейскую, тайваньскую и другие, о чём подробно говорилось на прошлогодней конференции в ИСКРАН [Клименко А.Ф. 2023, 8: 112–124].

Касаясь военно-стратегической сферы, Си Цзиньпин больше стал говорить о внешних угрозах. На ежегодной сессии парламента Китая и его высшего политического консультативного органа в начале марта 2023 года он обращался к теме готовности государства к войне несколько раз.

В частности, в выступлении перед представителями Народно-освободительной армии Китая и Народной вооружённой полиции Си Цзиньпин заявил, что «Китай должен сосредоточить усилия на укреплении национальной обороны и создании сети резервных сил, которые можно было бы задействовать в военное время» [9]. Также он призвал организовать кампанию по подготовке в области национальной обороны, чтобы объединить общество вокруг армии.

В свою очередь, правительство объявило об увеличении оборонного бюджета страны в 2024 году на 7,2% по сравнению с 2023 годом, что составит 1,665 трлн юаней (около 231,24 млрд долл.). При этом следует отметить общее увеличение военного бюджета КНР за десятилетний период почти вдвое, что

позволяет содержать вооружённые силы численностью более двух миллионов человек.

Учитывая рост геополитической напряжённости и основываясь на опыте России, Пекин заблаговременно вносит поправки в оборонное законодательство страны [10]. В мае 2023 года вступило в силу новое положение о нормах набора в армию. Призывать будут в первую очередь тех, кто раньше был на военной службе, а также выпускников вузов и колледжей. Повышаются и требования к образовательному уровню призывников. Начиная с декабря того же года, китайское правительство увеличило количество мобилизационных пунктов, а также центров для рекрутирования добровольцев по всей стране, в том числе в Пекине.

Вместе с тем, по данным китайских государственных СМИ, городские власти в провинции Фуцзянь, расположенной на берегу Тайваньского пролива, начали строить и модернизировать бомбоубежища и госпитали неотложной помощи.

15 июня 2022 года в Китае приняли правовую основу для армейских действий невоенного характера. Это позволит армии КНР участвовать в операциях, не связанных с войной. А 22 октября того же года делегаты XX съезда КП Китая одобрили внесение в Устав политсилы положения о противодействии независимости Тайваня [11]. Таким образом, все действия руководства Китая, направленные на парирование военной угрозы со стороны США, обеспечены законодательством КНР.

РОЛЬ И МЕСТО РОССИИ И КИТАЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСПАНСИИ США И КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА

Как известно, в годы холодной войны Советский Союз, США и их союзники находились на разных полюсах. В это сложное и опасное время политика взаимного сдерживания между двумя государствами служила фактором стабилизации в системе международных отношений благодаря взаимному поиску и возможности выстраивания ими баланса сил.

После дезинтеграции Советского Союза в мире начала выстраиваться новая биполярность, в которой претендентом на роль одного из полюсов была уже не Россия, преемник СССР, а Китай. Возникает вопрос, какое место она займёт в новом «миростроительстве», характеризующемся жёстким американо-китайским соперничеством? По мнению академика РАН А. Дынкина, перед нашей страной открывается новая роль – балансирующей державы. Присоединение к той или другой стороне для России было бы опрометчиво [12].

Соглашаясь с А. Дынкиным, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Ф. Лукьянов развил эту мысль, заметив, что «борьба за мировое господство, которую ведут США, – это их дело. Мы в своё время поучаствовали,

больше не будем. В этом плане позиция благожелательного нейтралитета с симпатиями в адрес Китая вполне адекватна» [12].

Тем временем в последние годы, в условиях растущего мирового хаоса и обострения противоречий РФ и КНР с США, взгляды Москвы и Пекина на международную обстановку стали изменяться. Ускорилося их продвижение к сближению.

Во многом этому способствуют, с одной стороны, «прокси-война» США на стороне Украины против РФ в проводимой ею СВО. А с другой – поддержка американцами Тайваня, вмешательство США в территориальный спор Китая с Японией и Вьетнамом, напряжённая ситуация в Южно-Китайском море и расширение китайского присутствия в мире, вследствие чего количество конфликтных тем у США и КНР с каждым годом увеличивается.

Китаю важна победа России в специальной военной операции, ибо от неё зависит его способность сопротивляться американскому давлению. В любом другом сценарии «Пекин остаётся с Вашингтоном один на один, получает значительно ослабленного торгового партнёра, а в случае смены режима в Москве ещё и непредсказуемость» [13].

В дополнение к этому Китай утратит ещё и военно-политическую поддержку со стороны России, ресурсную базу и стабильный континентальный тыл, без чего КНР будет сложно проводить более решительную политику в ИТР. Это один из первых факторов, определяющих заинтересованность Китая в повышении роли России в качестве своего неформального союзника в американо-китайском противостоянии.

Для России партнёрство с Китаем по вопросам обеспечения взаимной безопасности и её поддержка с его стороны в противоборстве с США означает стабильность на протяжённой российско-китайской границе, о безопасности которой она сможет не беспокоиться.

Поэтому известная стратегема Китая «Мудрая обезьяна сидит на вершине горы и наблюдает за схваткой двух тигров в долине внизу», которой в своё время Мао Цзэдун обосновал свою философию внешней политики, в нынешних условиях международно-политической обстановки не подходит в качестве руководства к действию ни для Китая, ни для России. Мудрость «обезьяны» в данном случае должна проявиться не в роли пассивного наблюдателя, а в роли активного участника, совместно с одной из противоборствующих сторон для достижения общих целей.

Анализ предыдущего опыта сотрудничества с КНР даёт основание прийти к выводу о том, что в оценке форм и способов поддержки своего партнёра (союзника) Пекин будет исходить, прежде всего, из учёта своих национальных интересов, избегая риска получить в противном случае какой-либо ущерб для противоборствующих. Такой вывод подтверждается тем, что, несмотря на стратегическое партнёрство, которое провозглашено обеими

сторонами, между Россией и Китаем всё же остаются разногласия по некоторым вопросам.

Но важно то, что по главным вопросам международной политики и, особенно в области безопасности, интересы России и Китая совпадают. Так, в «Совместном заявлении» лидеров наших государств об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, принятом в марте 2023 года, подчёркивается, что Россия и Китай «<...> полны решимости продолжать тесное взаимодействие по вопросам региональной и глобальной безопасности <...> координировать позиции по значимым вопросам глобального и регионального масштаба, прилагать усилия для защиты мира и безопасности во всем мире».

Для этого стороны «продолжат тесное взаимодействие в укреплении роли и влияния ШОС в обеспечении мира, безопасности и стабильности на её пространстве. Совместно с другими государствами – членами ШОС они намерены прилагать усилия по совершенствованию деятельности Организации в интересах эффективного противостояния новым вызовам и угрозам». А учитывая позитивный вклад ОДКБ в обеспечение региональной безопасности, «стороны отмечают потенциал для развития сотрудничества между ОДКБ и КНР в целях обеспечения мира и стабильности региона» [14].

В заявлении, по нашему мнению, особенно важно то, что в нём говорится не только о двустороннем сотрудничестве наших государств, а особо подчёркивается необходимость тесного взаимодействия в рамках ШОС и ОДКБ, даже при том, что Китай не является участником последней из организаций.

Представляется, что сегодня не стоит обходить вниманием и набирающий вес БРИКС, который из «пятерки» за последние годы трансформировался в «десятку», а ещё более 30 стран ожидают свою очередь на вступление в организацию.

В этом плане особый интерес представляет заявление министра иностранных дел России С.В. Лаврова о диалоге по безопасности с его коллегой Ван И во время визита в КНР 7–8 апреля сего года. По его словам, оба министра считают необходимым включить в диалог и другие страны, разделяющие их видение безопасности и стабильности на пространстве Евразии. То есть отныне Китай считает частью своих задач и проблем ситуацию в Европе.

Принципиальным подходом является предложение России и Китая создать новую площадку для международного обсуждения вопросов безопасности, которая должна быть основана на уважении интересов всех участников и обеспечивать баланс в регионе. Площадка будет создаваться на базе ШОС и БРИКС. «Важно продолжать активно работать над этим процессом и привлекать к нему всё больше государств, разделяющих важность поддержания стабильности на евразийском континенте» [15]. С.В. Лавров добавил, что сотрудничество между Россией и Китаем направлено также на обеспечение стабильности на Корейском полуострове. Они согласились совместно работать над сохранением мира и безопасности в этом регионе.

Полагаем, что российской стороне можно было бы инициировать возможность работы в названных выше организациях и Корейской Народной Демократической Республики (первоначально, возможно, в ШОС). Пхеньян уже в настоящее время оказывает помощь России в её противоборстве с коллективным Западом, не обращая внимания ни на какие санкции, в отличие от некоторых союзников и стратегических партнёров России.

О том, что вывод Северной Кореи из изоляции, её социально-экономический подъём, превращение в полноценного участника международного общения пошли бы на пользу и России, и Китаю, и всем странам СВА, говорилось ещё 8 лет назад [Титаренко М.Л., Петровский В.Е. 2016]. Наряду с этим имеет место настоятельная необходимость обратить самое пристальное внимание на решение проблемы консолидации усилий всех государств – участников вышеназванных форматов коллективного сотрудничества для решения общих задач экономического развития, обеспечения безопасности и стабильности на пространстве Большой Евразии. А работа по перестройке всей системы безопасности на этом пространстве предстоит немалая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этих условиях в Вашингтоне и Брюсселе зазвучали предложения о «заморозке» конфликта для начала мирных переговоров между Москвой и Киевом.

Западные кураторы Киева надеются, очевидно, что полученная «передышка» позволит им предпринять соответствующие меры к сохранению под своим контролем оставшихся украинских территорий и восстановлению боеспособности украинской армии за счёт наращивания военных поставок. Параллельно может быть развёрнута военная промышленность в странах НАТО; в общественное сознание населения западных стран внедряется мысль о неизбежности новой мировой войны. Вследствие этого угроза для России в случае заморозки конфликта не уменьшится.

В восточной части макрорегиона, наряду с обострением ситуации на Корейском полуострове и Тайване, Вашингтон предпринимает усилия по эскалации островных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, усиливает своё военное присутствие в ИТР. Система американских двусторонних и многосторонних военно-политических союзов в регионе совершенствуется на базе антикитайского сплочения. В ИТР прослеживается тенденция к формированию коллективного пространства безопасности – азиатского аналога НАТО.

В условиях растущего мирового хаоса геополитической напряжённости, неопределённости и обострения противоречий РФ и КНР с США, движение Москвы и Пекина к сближению ускорилося.

Китаю важна победа России в специальной военной операции, от которой зависит его способность сопротивляться американскому давлению на Востоке. Для

России не менее важны партнёрство и поддержка Китая в противоборстве с США и коллективным Западом, чтобы обеспечить рост экономики и дать возможность сосредоточить внимание на СВО.

Для обеих стран взаимопомощь и двустороннее сотрудничество в сфере безопасности означают стабильность на протяжённой российско-китайской границе и наличие надёжного тылового района, обеспечивающего возможность межтеатрового маневра силами и средствами.

Это классический пример симметричных геополитических действий Москвы и Пекина на разных театрах военных действий, что позволяет России и Китаю, стоя «спиной к спине», избежать войны на два диаметрально противоположных фронта [16]. Это также один из важнейших факторов, определяющих возможность **повышения роли каждой из двух стран** в формировании справедливого, демократического, полицентричного миропорядка, основанного на принципах Устава ООН.

Не менее важным фактором и для России, и Китая является **возрастание их роли** в расширении круга стран, заинтересованных в поддержке усилий по строительству безопасного мира, о чём свидетельствует упомянутое выше «Совместное заявление».

Россия и Китай продолжают наращивать активность для укрепления своих позиций в странах Глобального Юга и в международных организациях с преимущественным участием этих стран.

При этом **важно рациональное распределение ролей** в соответствии с их потенциалом и возможностями в определённых сферах деятельности. Для Китая с его экономическим потенциалом более характерно участие в международном экономическом и гуманитарном сотрудничестве. Для России, с учётом полученного практического опыта, более важно сотрудничество в сфере военной безопасности на всех основных направлениях – военно-политическом, военно-стратегическом и военно-техническом.

Для России и для Китая важно совместно проявить инициативу и **занять ведущую роль** в деле консолидации усилий государств – участников ШОС, ОДКБ и БРИКС по реализации общих задач во имя всеобщего процветания, а также обеспечения безопасности и стабильности на всём пространстве Большой Евразии.

ИСТОЧНИКИ

1. Розов А. Ловушка Фукидида – новый популярный термин из античности. Идеалистическая теория войны. Available at: <https://alex-rozoff.livejournal.com/94750.html> (accessed: 19.02.2024).

2. Зачем Великобритания хочет отправить на Украину экспедиционный корпус НАТО. Available at: <https://dzen.ru/a/Zb425-NjZDBHyHD> (accessed: 09.03.2024).

3. Глава Пентагона допустил войну НАТО и России в случае поражения Украины. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/29/02/2024/65e0bd0f9a794760091b6786> (accessed: 09.04.2024).

4. Акимов И. Столтенберг: отношения Запада и РФ не улучшатся после окончания конфликта на Украине. *Газета.ru*. 16 января 2023. Available at: <https://www.gazeta.ru/army/news/2023/01/16/19495021.shtml> (accessed: 09.02.2024).

5. Китайская пресса: масштабные учения НАТО могут быть подготовкой к третьей мировой войне. *Военное обозрение*. 2 февраля 2024. Available at: <https://topwar.ru/235575-kitajskaja-pressa-masshtabnye-uchenija-nato-verojatno-javlajutsja-podgotovkoj-k-tretej-mirovoj-vojne.html> (accessed: 09.02.2024).

6. Китай поддержит Россию в украинском вопросе вопреки давлению Запада – Минобороны КНР. *EurAsia Daily*, 31 января 2024. Available at: <https://ea-daily.com/ru/news/2024/01/31/kitay-podderzhit-rossiyu-v-ukrainskom-voprose-vopreki-davleniyu-zapada-minoborony-knr> (accessed: 09.03.2024).

7. National Security Strategy. *The White House*. October 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wpcontent/uploads/2022/10/Biden-Harris-AdministrationsNational-Security-Strategy-10.2022.pdf>. P. 2. (accessed: 09.02.2024).

8. Китай опубликовал текст инициативы в области глобальной безопасности. Available at: <https://ria.ru/20230221/kitay-1853314165.html?ysclid=ls97sdq75224697170> (accessed: 08.02.2024).

9. Помфрет Дж., Поттингджер, М. Си Цзиньпин заявляет, что готовит Китай к войне. *Foreign Affairs*. 30 марта 2023. Available at: <https://inosmi.ru/20230330/kitay-261822500.html> (accessed: 15.06.2024).

10. Скосырев В. Готовясь к войне, Китай меняет правила мобилизации. *Независимая газета*. 13.04.2023.

11. Компартия Китая внесла в свой устав положение о противодействии независимости Тайваня. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16126837> (accessed: 09.03.2024).

12. «Это не наша война»: каково место России в противостоянии США и Китая? *rambler.ru* Available at: <https://news.rambler.ru/other/44272934-eto-ne-nasha-voyna-kakovo-mesto-rossii-v-protivostoyanii-ssha-i-kitaya/?ysclid=lruw5jgm6r993081503> (accessed: 05.03.2024).

13. Смирнов А., Сысоев Т., Скоробогатый П. Переосмысление лидерства и возвращение идеологии: что обещает Си Цзиньпин. *Эксперт*, 2022, №43 (1272). Available at: <https://monocle.ru/expert/2022/43/pereosmysleniye-liderstva-i-vozvrasheniye-ideologii-cto-obeschayet-si-tszinpin/> (accessed: 17.02.2024).

14. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Available at: <http://krem-lin.ru/supplement/5920> (accessed: 24.03.2023).

15. Большая игра: Лавров заявил о начале диалога по евразийской безопасности, согласованном с китайским коллегой Ван И. Available at: <https://dzen.ru/a/ZhWmtITIkRusb1gR> (accessed: 24.04.2024).

16. Павленко В. Китайский взгляд на глобальную многополярность. Available at: <https://dzen.ru/a/ZgR-vIAIGH5ESr22> (accessed: 14.04.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2023 «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? *Азия и Африка сегодня*. 2023, № 2, с. 5–13. DOI: 10.31857/S032150750024431-6

Клименко А.Ф. США, Китай и Россия в новой глобальной политической среде. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023, № 7, с. 107–116. DOI: 10.31857/S268667302307009X

Клименко А.Ф. Юго-Восточная Азия в контексте соперничества США и КНР *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023, № 8, с. 112–124. DOI: 10.31857/S2686673023080102.

Тебин П.Ю. Наша священная оборона – их варварская агрессия. *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 1. С. 99–116. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-99-116

Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика. *Институт Дальнего Востока РАН*. М.: Весь Мир, 2016. С. 298.

REFERENCES

Luzyanin, S.G. (2023). Kitai – SShA: model' 2023 "Upravliayemyi konflikt" ili global'nyi raskol? [China – USA: Model 2023 "Managed conflict" or global split?]. *Asia and Africa today*: 2:5. (In Russian). DOI: 10.31857/S032150750024431-6

Klimenko, A.F. The USA, China and Russia in the new global political environment]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023, 7: 107–116. (In Russian). DOI: 10.31857/S268667302307009X

Klimenko, A.F. Southeast Asia in the context of the rivalry between the USA and China. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2023, 8: 112–124. (In Russian). DOI: 10.31857/S2686673023080102

Tebin, P.Yu. (2023). Nasha sviashchennaia oborona – ikh varvarskaia agressiia. [Our sacred defense is their barbaric aggression]. *Rossiia v global'noy politike*. 21:1:99–116. (In Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-99-116

Titarenko, M.L., Petrovskiy, V.E. (2016). Rossiia, Kitai i novyi mirovoi poriadok. Teoriia i praktika. [Russia, China and the New World Order. Theory and practice]. *Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences*. Moscow, Ves' Mir: 298. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КЛИМЕНКО Анатолий Филиппович, генерал-лейтенант (в отст.), профессор Академии военных наук, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра Россия, Китай и мир Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

KLIMENKO Anatoly Filippovich, Lieutenant General (ret.), Candidate of Sciences (Military), Professor of the Academy of Military Sciences, Leading Researcher at the Center Russia, China and the World, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

32, Nakhimovsky Avenue, Moscow 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 24.04.2024 / Received 24.04.2024.

Поступила после рецензирования 10.05.2024 / Revised 10.05.2024.

Статья принята к публикации 11.05.2024 / Accepted 11.05.2024.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русс., англ.), аннотация (русс., англ.), ключевые слова (русс., англ.), полная информация об авторе (русс., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик «Размышляя над прочитанным» и «Книжная полка» могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках («Список литературы» и «References» соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе «Источники», который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах «Источники» и «Список литературы/References» приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе «Источники», [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе «Список литературы».

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.